

Ян Маккей

Черчилль шутит. Лучший юморист британской политики

Великие шутят –



Аннотация

«Мои вкусы предельно просты. Я легко довольствуюсь самым лучшим» – эта фраза из копилки классического британского юмора принадлежит знаменитому политику Уинстону Черчиллю. Британцы вообще славятся своим особым, ироническим отношением к действительности, причем остряки «туманного Альбиона» умеют пошутить только с помощью одной интонации или особого выражения лица.

Уинстон Черчилль – один из самых ярких политиков – знал толк в юморе. В самые тяжелые моменты английской истории он ухитрялся шутить и шутил при этом замечательно: весело, едко, зло, дальновидно. Не зря же б-томные мемуары премьер-министра Черчилля отмечены Нобелевской премией в области литературы.

Эта книга – настоящая антология английского юмора!

Ян Маккей

Черчилль шутит. Лучший юморист британской политики

Часть I

Черчилль в шутку

Афоризмы на каждый день

Мы делаем прожитие из того, что получаем; мы делаем жизнь из того, что отдаем.

* * *

Страхомысль – это тщетное беспокойство о неизбежном или о маловероятном.

* * *

Отсутствие убеждений часто называют осторожностью.

* * *

Политик должен уметь предсказать, что случится завтра, на следующей неделе, в следующем месяце и в следующем году. А потом объяснить, почему этого не случилось.

* * *

Тщеславие – порок, выявляющий многие достоинства.

* * *

Дипломатия – это искусство говорить правду так, чтобы не обижались.

* * *

Мой вывод о Свободной Воле и Предопределенности... они идентичны.

* * *

Я уверен, что ошибки того времени повторены не будут; нам следует, пожалуй, совершить совсем другие ошибки.

* * *

Люди прекрасно умеют хранить секреты, которых не знают.

* * *

Смелость – первое из человеческих качеств, ибо она делает возможными все остальные.

* * *

По большому счету, люди делятся на три класса: те, кто смертельно занят, те, кому смертельно страшно, и те, кому смертельно скучно.

Гитлер сказал, что мы совершаем преступление. Не стану вступать в спор с экспертом.

* * *

Я человек спортивного азарта, я всегда даю поездам и самолетам хороший шанс уйти.

* * *

В больших сложностях рождаются большие упрощения.

* * *

Мало найдется достоинств, которых бы не имели поляки, и мало найдется ошибок, которых бы они не совершили.

* * *

Апатия, сытость, хворь, болтовня или безразличие часто бывают провинностью. В день выборов они становятся преступлением.

* * *

Ложь успевает обойти полмира, пока правда одевает штаны.

* * *

Не нужно много беспокоиться о чем-либо, кроме того, чтобы делать все, на что мы способны.

* * *

Стать лучше – значит измениться; быть совершенным – значит меняться постоянно.

* * *

Пессимист видит трудность в каждой возможности; оптимист видит возможность в каждой трудности.

* * *

У вас есть враги?

Прекрасно.

Значит, вы в своей жизни за что-то постояли.

* * *

Никогда не скажешь, не обернется ли злоключение в конце концов удачей.

* * *

Нет лучшей инвестиции, чем инвестиция молока в младенцев.

* * *

Университет – это казна, где хранятся будущие сокровища нации.

* * *

Максима «Ничто не годится, кроме совершенства» приводит к параличу.

* * *

Показывая нам самый злобный оскал. Фортуна порой готовит нам самые роскошные подарки.

* * *

Кажущиеся издалека непреодолимыми трудности очень часто без остатка сметаются с дороги.

* * *

Глупо, быть может, но я играю по-крупному. Ставки мои высоки и, при наличии зрителя, нет поступка слишком дерзкого или слишком благородного.

* * *

Нам пришлось преминуть неременное.

* * *

Походив по свету, вы обнаружите, что он делится главным образом на два вида людей: тех, кто говорит: «Почему же никто не делает этого?», и тех, кто говорит: «Посмотрим, кто сможет помешать мне это сделать».

* * *

Будучи помоложе, я взял себе за правило никогда не выпивать крепко до ленча. Теперь у меня есть правило не делать этого до завтрака.

* * *

Есть два вида успеха – первоначальный и окончательный.

* * *

Не нужно думать, что выходные проходят в праздности. Для меня они часто более плодотворны, чем рабочие дни.

* * *

Великие раздоры иногда происходят из мелких случайностей, но очень редко из мелких идей.

* * *

«Все люди сотворены равными», – гласит американская Декларация независимости. «Всех людей будут удерживать равными», – говорят социалисты.

* * *

Если бы меня спросили, какая разница между социалистом и коммунистом, я мог бы ответить лишь одно: социалист пытается глупыми разговорами вести нас к бедствию, коммунист может попытаться сделать это насильственными действиями.

* * *

Социализм противоречит природе человека.

* * *

Мы должны уметь зарабатывать на жизнь, но мы должны и уметь жить.

* * *

Жизнь человека должна быть прибита к кресту Мысли или Действия.

* * *

Не ищите совершенных решений в несовершенном мире.

* * *

Высокая вера в совершенство человека уместна в любителе приодеться, но не в премьер-министре.

* * *

* * *

Имеем надежду регулировать немислимое.

* * *

Великие события и великие личности становятся малыми, проходя через малый рассудок.

* * *

Много лучше поаниковать заранее и встретить события довольно спокойным, чем быть крайне спокойным накануне и впасть в панику с началом событий.

* * *

У нас много тревог, и иногда одна гасит другую.

* * *

Хорошее знание истории подобно колчану, полному стрел для стрельбы в дебатах.

* * *

Установить и собрать факты – мало.

Проверить, уточнить, прокомментировать с помощью экспертов – мало. Более важно то, как вы их представите.

* * *

Толщина этого документа защищает его от риска быть прочитанным.

* * *

Смысл не должен быть принесен в жертву звуку.

* * *

Кавалерийская атака очень схожа с обычной жизнью. Пока вы крепко сидите в седле, крепко держите поводья и оружие, многие враги предпочитают уйти с вашей дороги.

* * *

Плохой политик – тот, с которым вы не согласны.

* * *

О политическом деятеле судите по вражде, которую он возбуждает в противниках.

* * *

Мы живем в эпоху больших событий и маленьких людей.

* * *

Мы обойдемся без нашей роскоши, но не без наших удовольствий.

* * *

Жизнь – загадка; разгадку мы узнаем после смерти.

* * *

Из опыта больших дел я вынес, что пытаться уладить все сразу часто является ошибкой.

* * *

Люди, не готовые делать непопулярные вещи и противостоять реву толпы, не годятся быть министрами в трудные времена.

* * *

По обе стороны вас – прорва. Тут бездна излишней осторожности, а там пропасть чрезмерной дерзости.

* * *

То, что большинство людей называют непониманием, это понимание, отличное от их собственного.

* * *

Бокал шампанского придает веселость. Нервы успокоены, воображение приятно возбуждено, ум становится более резвым. Бутылка производит обратный эффект.

* * *

Человечность, а не законность, должна быть нашим поводом.

* * *

Очень мило отказаться от приглашения, а еще хорошо сначала его дождаться.

* * *

Как по мне, вы не сможете иметь дело с наиболее серьезными вещами, если не понимаете наиболее забавных.

* * *

В два прыжка пропасть не перепрыгнуть.

* * *

Нужно стремиться сочетать добродетели мудрости и дерзости.

* * *

Сражения выигрываются убиением и маневром. Чем лучше генерал, тем больше добивается он маневром и меньше требует убиения.

* * *

Уничтожив свободный рынок, вы создаете рынок черный.

* * *

Слабость – не предательство, хотя может быть столь же губительной.

* * *

Социализм плох.

Джингоизм еще хуже.

Сочетание же двух дает фашизм – наихудшее вероучение, придуманное человеком.

* * *

Вы же не станете просить нас вступить в спор с арифметикой.

* * *

Вы должны посмотреть на факты, ибо они смотрят на вас.

* * *

Ошибка думать, будто бережливость происходит лишь от страха. Бережливость может происходить из надежды.

* * *

Проблемы победы более приятны, чем проблемы поражения, однако столь же важны.

* * *

Вы никогда не дойдете до места назначения, если будете швырять камни в каждую собаку, что лает.

* * *

Идя по неправильной дороге, трудно знать, где остановиться.

* * *

Никогда не доверяйте человеку, у которого нет ни одного искупительного порока.

* * *

Единственные по-настоящему счастливые люди на земле – те, чья работа приносит им удовольствие.

* * *

Я не возражаю против подходящего использования сильных выражений, но некоторая доля искусства необходима, чтобы достичь эффекта.

* * *

Отправляясь неведомо куда, прицепите вагон-ресторан к вашему поезду.

* * *

Меня многое связывает с Шотландией... Во-первых, я решил родиться в день Св. Андреяш.

* * *

Как мало можем мы предвидеть плоды и добрых дел, и злых.

* * *

Ваши наибольшие упущения и ошибки могут принести вам пользу; ваши лучшие достижения могут принести вам вред.

* * *

На сколь тонкой нити могут повиснуть величайшие дела.

* * *

Мое первое впечатление, когда я был назначен министром и посмотрел на нашу обороноспособность, было впечатление полной наготы... Я будто оказался на нудистском пляже.

* * *

Люди совершают много ошибок и учатся на них. Людей преследует невезение, и это может измениться.

* * *

Во времена кризисов мифы обретают историческую важность.

* * *

Когда государство рушится, хаос воспроизводится в каждом микрокосме.

* * *

Из пучины страдания мы вынесем вдохновение и силу выжить.

* * *

Об ораторстве:

Варьируйте позы, варьируйте тон и не забывайте о паузе.

* * *

Вам придется сунуть голову в пасть льву, если вы хотите успешного представления.

* * *

Слишком часто сильный молчаливый мужчина лишь потому молчит, что не знает, что сказать, и считается сильным лишь потому, что молчит.

* * *

Лучшее свидетельство справедливости соглашения в том, что оно не устраивает в полной мере ни одну сторону.

* * *

1940-й, о немецких планах вторжения в Британию: Мы ждем давно обещанного вторжения. Рыбы тоже.

* * *

В финансах все, что вкусно, – бесполезно, и все, что полезно, – невкусно.

* * *

В раю все будет на попечении правительства.

* * *

Я готов встретить своего Творца. Готов ли Творец мой к мучительной напасти общения со мной – это другое дело.

* * *

Во время нападения буров на английский бронепоезд в Южной Африке:

Спокойно, ребята!

Я все это прекрасно опишу в газете.

* * *

У простейших объектов есть своя красота.

* * *

Нос бульдога был вдавлен назад, чтобы он мог дышать, не выпуская врага из челюстей.

* * *

Насколько же легче занять плохих компаньонов, нежели стряхнуть их с себя.

* * *

Амбиция – не столько плебейских удовольствий, сколько славы, – мерцает в каждой душе.

* * *

Нехорошо идти к избирателю исключительно на платформе ошибок ваших оппонентов.

* * *

Только вера в жизнь после смерти, посмертную жизнь в лучшем мире, где дорогие друг другу люди встретятся снова, лишь это и долгое утомительное течение времени могут принести утешение.

* * *

У Бога работа еще хуже, чем у меня, и, увы, он даже не может уйти в отставку.

* * *

То, что люди называют честью, порой противоречит христианской этике.

* * *

Искусство для красоты – то же, что честь для честности.

* * *

Цена величия – ответственность.

* * *

Это феноменальное предприятие, появление детей на свет таким вот способом. Не знаю, как Бог додумался до этого.

* * *

Удачная аналогия – одно из грозных оружий риторика.

* * *

Он создал паутину, но забыл о пауке.

* * *

Пытаться повсюду иметь безопасность – значит нигде не иметь силу.

* * *

Когда наши короли в противоречии с нашей конституцией, мы меняем наших королей.

* * *

Когда заходишь далеко, более смелый курс может оказаться более безопасным.

* * *

Уважение к жизни других людей и к законам человечности даже во время великих борений, угрожающих вашей собственной жизни, не остаются совершенно не вознагражденными.

* * *

Сколь немногие достаточно сильны, чтобы противостоять господствующему течению мнений.

* * *

Иногда непонимание возникает из того, что кто-то посылает сообщение и слишком долго ждет ответа.

* * *

Невозможно всегда предохраниться от всех наихудших сценариев, это лишает возможности распорядиться ограниченными силами наилучшим образом.

* * *

Нужно примириться с таинственным ритмом наших судеб, иного и быть не может в этом мире времени и пространства.

* * *

ООН была создана не затем, чтобы привести нас в рай, а затем, чтобы спасти нас от ада.

* * *

Адекватность – это не стандарт.

* * *

Шанс на славу и почет приходит то там то здесь, но приходит к каждому.

* * *

Как тщетны расчеты людей о собственной выгоде.

* * *

Каждый пророк выходит из цивилизации, но каждый пророк уходит в пустыню. Он проникается множеством впечатлений и погружается на время в изоляцию и медитацию. Так создается психический динамит.

* * *

Оптимистический склад характера – недостаточный повод быть пророком.

* * *

Нет такой вещи, как хороший налог.

* * *

Диктаторы ездят верхом на тиграх, а тигры тем временем становятся голодны.

* * *

Порой мы натываемся на истину, но обычно приходим в себя и спешим дальше по делам как ни в чем не бывало.

* * *

Врожденный порок капитализма – неравное распределение благ; врожденное достоинство социализма – равное распределение лишений.

* * *

Люди с хорошим воображением видят гораздо больше опасностей, чем существует.

* * *

Иногда события делают людей мудрее, но иногда мудрые люди не могут предотвратить событий.

* * *

Некоторые целятся в частного предпринимателя, как в хищника, другие смотрят на него, как на дойную корову, и лишь немногие видят в нем выносливую лошадь, что тянет телегу.

* * *

Обществу загнать себя налогами в процветание – как человеку поднять себя за ручку ведра, в котором стоит.

* * *

Умиротворитель кормит крокодила, надеясь, что тот съест его последним.

* * *

Если вам нужно пройти сквозь ад, проходите не останавливаясь.

* * *

Наилучший довод против демократии – пятиминутная беседа с рядовым избирателем.

* * *

Дипломат – это человек, который дважды подумает, прежде чем ничего не сказать.

* * *

Демократия – наихудшая форма правления, кроме всех остальных, когда-либо испробованных.

* * *

Преимущество у того, кто достаточно рано сделал поучительные ошибки.

* * *

При всей красоте стратегии, посматривайте иногда на результаты.

* * *

Нужна смелость, чтобы встать и говорить; нужна смелость, чтобы сесть и слушать.
Величайший урок жизни в том, что и дураки бывают правы.

* * *

Он смотрит на международные отношения через неправильный конец муниципальной канализационной трубы.

* * *

Все помнят слова старика, сказавшего на смертном одре: «Моя жизнь была полна бед, и большинство из них так и не случились».

* * *

Заглядывать слишком далеко вперед – недальновидно.

* * *

Великое и доброе – редкое сочетание.

* * *

Часто случается, что в ждущем скорой смерти человеке желание достоинства перевешивает все остальные чувства.

* * *

Он рискует впасть в старческий маразм еще до наступления старости.

* * *

Новости лучше делать, а не слушать.

* * *

Критика в политическом организме – как боль в организме человека. Приятного в ней нет, но где бы мы были без нее?

* * *

Когда ноты жизни фальшивят, их следует настраивать на камертон смерти.

* * *

Порой те, кто впечатлил вас меньше всех, повлиял на вас больше всего.

* * *

Из выступления перед членами французского Сопротивления:

Вот момент забыть многое, запомнить великое.

* * *

Реакция на сообщение, что германская разведка, возможно, спрятала прослушивающее устройство в комнате Черчилля:

Говорит Уинстон Черчилль. Если вы спрятали микрофон в моей комнате, это потеря времени. Я не разговариваю во сне.

* * *

О ходе военных действий во Второй мировой войне: Это не конец. Это даже не начало конца. Быть может, это конец начала.

* * *

Помните историю об испанском узнике. Много лет он сидел в темнице... Однажды ему пришлось в голову толкнуть дверь своей тюрьмы. Она отворилась. Дверь его тюрьмы никогда не была замкнута.

* * *

Расходы всегда популярны; непопулярен лишь сбор денег для их обеспечения.

* * *

Реформа – это тот же результат за меньшую цену, либо больший результат за ту же цену.

* * *

Демократия более мстительна, чем кабинеты министров.
Народные войны будут куда ужаснее, чем войны королей (1901)

* * *

Об обвинительных остротах:
Мои стрелы всегда остры, но никогда не отравлены.

* * *

У меня есть склонность плавать против течения.

* * *

Возможно, досточтимые члены парламента, съезживаясь от ужаса подвергнуть кого-либо смертной казни, недооценивают муку пожизненного заключения.

* * *

Нет более верного способа сэкономить, чем уменьшить количество чиновников.

* * *

Прежде всего, носите с собой усмешку, или, как они говорят, улыбку. С этим ничто не сравнится. Также будьте естественны и имейте ту легкость, с которой беседуете в тихом месте о чем-то интересном. В-третьих, культивируйте открытое чувство отчужденности от шума и гама вокруг вас.

* * *

Что лучше, иметь равенство за счет бедности или достаток за счет неравенства? Преодоленные трудности суть использованные возможности.

* * *

Наущения предусмотрительности и осторожности могут стать первыми помощниками смертельной опасности.

* * *

Давайте не будем говорить о мрачных временах, а говорить о временах суровых.

* * *

Рождество – время не только радости, но и осмысления.

* * *

Цивилизация есть такое состояние общества, где моральная сила отделена от силы физической.

* * *

Упадок цивилизации – это когда прежней морали уже нет, но прежние максимы еще остались.

* * *

Мы не приемлем классового правления в любой форме, будь то правление аристократии, плутократии, правление военных, священников или профсоюзов.

* * *

Участвуя на полставки, лидерами великих движений не станете.

* * *

Единственный поводырь человеку – его совесть; единственный щит его памяти – честность и искренность его поступков.

* * *

Не позволяйте высоким планам о новом мире помешать спасти то, что осталось от старого.

* * *

Единственный путь к безопасности лежит в освобождении энергий и гения нации, в том, чтобы позволить им работать в полную силу.

* * *

Мы не можем принять принципа равного вознаграждения для тех, кто прилагает усилия, и тех, кто избегает работы, для тех, кто добивается успеха, и тех, кто терпит неудачу.

* * *

Единственный способ оставаться последовательным среди меняющихся обстоятельств это меняться вместе с ними, сохраняя при этом свою главенствующую цель.

* * *

Можно проконсультироваться с человеком на предмет его желания быть обезглавленным, вопрошая: «Не хотите ли, чтобы вам завтра отрубили голову?», и после того, как он ответит: «Не хотелось бы», взять и обезглавить его. «Консультация» – смутный и эластичный термин.

* * *

Возникновение нескольких кризисов в одно и то же время вовсе не обязательно усложняет их преодоление. Одно сплетение неблагоприятных обстоятельств может стать противовесом другому и даже нейтрализовать его.

* * *

Мы должны подняться над своими горькими ранами.

* * *

Оставить всю горечь, всю жажду мести.

* * *

Недоступно спокойному прохожему сделаться беспристрастным судьей событий, которые не случились бы, протяни он руку помощи вовремя.

* * *

Мысль, рожденная опытом факта, может быть уздой и может быть шпорой.

* * *

Как характерно для нашего народа – выбрасывать одною рукой то, что было с трудом собрано второю.

* * *

Лучше поставить себе цель, даже если она вне пределов досягаемости...

* * *

Жизнь предстает нам как простой выбор между правдой и неправдой. Подчиняясь этому закону, вы обнаружите, что он в долгосрочной перспективе гораздо безопасней, чем любые расчеты, которые можно сделать.

* * *

Нет оправдания для вышестоящего, если он не выбирает для исполнения заданий наиболее подходящих и не удаляет неподходящих.

* * *

Странные методы, громадные силы, большие комбинации – титанический мир вздымается вокруг нас... Стоять на месте будет значить упасть; упасть будет значить погибнуть.

* * *

Из воспоминаний друга Черчилля Мюирланда Эванса, который относит эти слова Черчилля к беседе с ним в 1891 г.:

Я вижу огромные перемены в ныне мирном свете. Великие потрясения, ужасные противоборства и войны – такие, какие сейчас невозможно представить. И я скажу тебе: Лондон будет в опасности, Лондон будет атакован, и я сыграю очень важную роль в его защите... Эта страна станет объектом некоего вторжения, не знаю, какими средствами, и я буду во главе защиты Лондона... Будущее размыто, но главная цель видна. Я повторяю, Лондон будет под ударом, и мне выпадет спасти его, спасти столицу и спасти империю.

* * *

Я задаюсь вопросом, было ли какое иное поколение свидетелем столь поразительных революций информации и ценностей, как те, которые пережили мы? Едва ли хоть что-то материальное или установившееся, в чью вечность и необходимость я был воспитан верить, сохранилось. Все вещи, в невозможности которых я был уверен, случились.

* * *

У меня нет сомнений, что римляне планировали свой распорядок дня куда лучше нас. В любое время года они вставали раньше солнца. Мы же, кроме как во время войн, никогда не видим рассвет. Порой мы наблюдаем заход солнца. Послание заката – печаль; послание восхода – надежда. Отдых и сон в середине дня освежают человеческое тело куда лучше, чем долгая ночь. Мы не были сотворены Природой работать, или даже играть, с восьми утра до полуночи. Мы несправедливо и непредусмотрительно перенапрягаем свою систему. Для каждого дела и для каждого удовольствия, умственного или физического, нам следует разделять наши дни и

усилия надвое.

* * *

Я с облегчением схожу с колышущегося моря Причины и Теории на твердую землю Результата и Факта.

* * *

В чем прок от жизни, если не в том, чтобы сделать этот запущенный мир лучше, – для тех, кто будет жить в нем, когда нас уже нет? Как еще можем мы найти гармонию с великими истинами и утешениями вечного и бесконечного?

Я заявляю свою веру в то, что мы шагаем к лучшим временам.

* * *

Правда неоспорима. Паника может не терпеть ее, невежество может осмелять ее, злой умысел может исказить ее, но, ба, она по-прежнему здесь.

* * *

Мы были унижены, но не обещены.

* * *

Любовь к традиции никогда не делает нацию слабее; на самом деле она укрепляет народы в час опасности. И все же новый пейзаж открывается впереди, и мир должен двигаться вперед.

* * *

Без традиции искусство подобно стаду овец без пастуха. Без инновации оно подобно труп.

* * *

Фанатик – это тот, кто не может изменить взгляды и не станет менять тему.

* * *

Вся история человечества суммируется в факте: когда нации сильны, они редко справедливы, а когда они хотят быть справедливы, они уж более не сильны.

* * *

Если у вас десять тысяч предписаний, вы уничтожаете всякое уважение к закону.

* * *

Одинокие деревья, если вырастают, вырастают сильными.

* * *

Если вы не можете превзойти своего сильнейшего врага на главном театре военных действий, время подумать, не достигим ли разгром вашего сильнейшего врага через крах его слабейшего союзника.

* * *

Кто может знать, сколь слаб может оказаться враг за своей стеной огня, за своей надменной маской? В какой момент сломается его воля?

* * *

Короткий путь к поражению – повторять методы противника.

* * *

Юность существует для свободы и реформы, зрелость – для благоразумного компромисса, а старость – для стабильности и отдохновения.

* * *

Усердие и эффективность дипломатического представителя измеряется качеством, не количеством, сообщаемой им информации.

* * *

Нет другого народа в мире, который бы столь медленно проникался враждебными чувствами к другой стране, как американцы, и нет другого народа, чью утраченную симпатию было бы труднее вернуть.

* * *

Если вы не деретесь, когда победа обеспечена, вам, быть может, придется драться в куда худших условиях и с шаткими шансами выжить.

* * *

Последствием принесения в жертву чести было бы принесение в жертву жизней.

* * *

Умиротворение само по себе может быть хорошей вещью или плохой, согласно обстоятельствам. Умиротворение, исходящее от сознания силы, великодушно и благородно и

может оказаться лучшим и, возможно, единственным путем к миру на Земле.

* * *

Мы придаем форму нашим жилищам, после чего наши жилища придают форму нам.

* * *

В создании армии важны три элемента – солдаты, оружие, деньги. Но должен быть еще четвертый – время.

* * *

Природа милостива и не терзает своих детей, человека или животного, больше, чем они могут вынести. Лишь человеческая жестокость порождает адские пытки.

* * *

Отчаиваться преступно. Мы должны научиться извлекать из несчастий орудия будущей силы.

* * *

Советую вам быть в хорошем настроении, ибо мы попали в хорошую драку.

* * *

Американская Декларация независимости – это не только американский документ. Она наследует Великую хартию вольностей и «Билль о правах» как третье великое правовое свершение, на котором покоятся свободы англоязычных народов.

* * *

Поражение – одно, бесчестье – совсем другое.

* * *

Надеюсь никогда не увидеть тот день, когда Силы Правого Дела потеряют Право Силы.

* * *

Я не могу поддержать идею, что нам лучше зарыться в землю и не готовиться ни к чему, кроме пассивной обороны. Это черепашее мышление.

* * *

Там, где есть свобода слова, всегда найдутся глупые слова.

* * *

Если мы будем продолжать дожидаться прихода событий, сколько ресурсов мы выбросим на ветер?

* * *

Есть, следовательно, мудрость в том, чтобы отсрочить решения насколько возможно, пока все обстоятельства и факты, имеющие значение, не станут ясны.

* * *

Две вещи обычно требуются от главнокомандующего в битве: составить хороший план для армии и держать сильный резерв.

* * *

Шутка – вещь очень серьезная.

* * *

Рыцарская галантность не входит в число достоинств возбужденной демократии.

* * *

Не отяжеляйте промышленный спад подрывом кредита.

* * *

Есть одно кардинальное правило – «Никогда не отчаиваться». Это слово запрещено. Когда главы государств превращаются в гангстеров, нужно что-то делать.

* * *

Один из недостатков диктаторства в том, что диктаторам часто диктуют.

* * *

Вы видите этих диктаторов на пьедесталах, окруженных штыками своих солдат и дубинками своих полицейских. Они бахвалятся и фанфарят перед миром, однако в сердцах их несказанный страх. Они боятся слов, они боятся мыслей, шевелящихся в домах людей, мыслей столь могучих, ибо запрещенных. Маленькая мышка, маленькая крохотная мышка мысли забегает в комнату, и самые могущественные властелины впадают в панику.

* * *

В ответ на критику о слишком вежливом объявлении войны Японии в 1941 году:

Когда собираетесь убить человека, нетрудно быть при этом вежливым.

* * *

Смысл дипломатических отношений не в том, чтобы раздавать комплименты, а в том, чтобы получать выгоды.

* * *

Ложные идеи были распространены по стране о том, что разоружение означает мир.

* * *

Чтобы устранить причины войны, мы должны пойти глубже, чем вооружение. Мы должны устранить страдание и несправедливость. Пусть моральное разоружение ведет, и разоружение физическое последует.

* * *

Давайте же идти бесстрашно вперед, в будущее, и не бояться ничего, когда голос долга зовет.

* * *

Коренная проблема современной экономики – странное несоответствие между силами потребления и силами производства.

* * *

Не нужно использовать больше силы, чем необходимо для обеспечения законопослушания.

* * *

Давайте не уворачиваться от использования коротких экспрессивных фраз, даже если разговорных.

* * *

Короткие слова – наилучшие, и старые слова, когда коротки, самые лучшие из всех.

* * *

Об общественных школах:

Метать фальшивый бисер перед настоящими свиньями.

* * *

Мы должны создать нечто вроде Соединенных Штатов Европы... и в этом неотложном деле Франция и Германия должны действовать вместе (1946).

* * *

Я не вижу препятствий к возникновению, однажды в будущем, Соединенных Штатов Европы (1946).

* * *

Возрождения Европы невозможно без духовно великой Франции и духовно великой Европы.

* * *

Нет ничего опасней, чем жить в горячечной атмосфере опросов общественного мнения, постоянно чувствуя свой пульс, постоянно меряя себе температуру.

* * *

Бабочка есть факт – мерцающая, трепещущая, садящаяся на миг с крыльями, полностью открытыми солнцу, и исчезающая в тени леса.

* * *

Всегда кажется, что проблемы легко разрешимы, если идти по пути наименьшего сопротивления. Путь, который кажется таким легким, оказывается наиболее тяжким и жестоким.

* * *

Знание эксперта, как бы ни было оно необходимо, не заменит великодушного и понимающего взгляда на человеческую ситуацию – во всей ее печали, со всей ее неутолимой надеждой.

* * *

Только факты могут рассказать случившееся, и общество должно знать их.

* * *

Давайте закончим это дело со стилем. Мы можем это сделать, и оно того стоит.

* * *

Франция – вооруженная до зубов, пацифистская до глубины души.

* * *

Лучший способ обрести гибкость – это иметь два или три плана на все вероятные направления развития событий.

* * *

Опасности, предотвращенные осторожностью и дальновидностью, даже не остаются в памяти.

* * *

Душа свободы бессмертна; она не может умереть и не умрет.

* * *

В эпохи трудностей и тоски люди свободы всегда могут найти утешение в уроке истории – тирании не могут существовать долго, иначе как среди рабских народов.

* * *

Я не боюсь будущего. Давайте идти вперед, в его тайны, давайте разорвем покрывала, скрывающие его от нас, давайте устремимся вперед смело и уверенно.

* * *

Я мерю способность дать хороший совет в войне тремя условиями. Во-первых, смелость и талант. Во-вторых, личный опыт участия в битвах. В-третьих, чины и образование, полученные в мирное время.

* * *

Щедрость всегда мудра.

* * *

О немцах. Во время Первой и Второй мировых войн Черчилль часто уничижительно называл немцев «гуннами»: Гунн всегда у вашего горла или у ваших ног.

* * *

Огромная ответственность лежит на немецком народе за его пресмыкание перед варварской идеей автократии. История выдвинет против него свои обвинения, – что, вопреки всему своему разуму и всей своей храбрости, немецкий народ поклоняется силе и позволяет водить себя за нос.

* * *

Гольф – это как гоняться за хининовой пилюлей по пастбищу.

* * *

Старая, спотыкающаяся жизнь, отступающая, как прилив, после того, как отведенный ей срок исчерпан и большинство радостей поблекли, это не причина для скорби. Это лишь часть огромной трагедии нашего бытия здесь, внизу, откуда бунтарски вздымаются вера и надежда.

* * *

Срок смертных краток, их конец одинаков, и привкус меланхолии, сопутствующий угасанию, есть сам по себе анестетик. Глупо источаться в жалобах о финальных сценах спектакля. Благородные умы с готовностью отдаются сгущающимся теням, которые несут их в лучший мир или в забвение.

* * *

Мы должны извлечь уроки из прошлого. Нам не нужно помнить былую ненависть.

* * *

Мы не можем сказать: «Что было, то прошло», не отказавшись от будущего.

* * *

Народ, забывший свое прошлое, утратил свое будущее.

* * *

История с мерцающей лампой бредет, спотыкаясь, по собственным следам, по следам прошлого, пытаясь найти потерянный успех, возродить свое эхо и осветить тусклыми отблесками великие страсти прежних дней.

* * *

Любой может понять, что случилось нечто историческое – после того, как оно случилось. Но лишь мудрец немедленно отличит в происходящем необходимое и постоянное, памятное и долговечное.

* * *

Никогда не будет так, чтобы было достаточно, пока вертится мир. Чем больше дается, тем больше нужно.

* * *

Перемена – лучший отдых.

* * *

Передумать – это одно; пойти против тех, кто последовал вашему прежнему совету, – другое.

* * *

Быть уверенным в чем-то – это одно; вселить свою уверенность в умы тех, кому не нравится ваш план и кто достаточно уверен в своем, – это совсем другое.

* * *

Сэр, не только факты имеют значение.

* * *

Один из признаков великого человека – это сила впечатления, производимого им на людей, с которыми он общается.

* * *

Суровые законы иногда лучше, чем беззаконие.

* * *

Когда вы перестаете мечтать, вселенная перестает существовать.

* * *

Если вы можете себе это позволить, подарите своему ребенку лошадь. Ни один час жизни не потерян, если он проведен в седле.

* * *

Идеализм за счет других не может считаться высшей или наиболее благородной формой убеждения.

* * *

Моральная сила, к несчастью, не может заменить силу военную, однако же это очень могучее подкрепление.

* * *

Как далеко, увы, труды человека отстают от его стремлений.

* * *

Чем сильнее ваше воображение, тем разнообразней ваша вселенная.

* * *

Воображение без полного и глубокого знания – ловушка.

* * *

Энергия ума не зависит от энергии тела.

* * *

О политике умиротворения Германии в 1930-х гг.:

Полная решимости избегать решений, непоколебимо колеблющаяся, непреклонно дрейфующая, твердая в текучести, всемогущая в бессилии...

* * *

Индивидуализм предлагает бесконечно разнообразную систему для проявления гения, для предпринимательства, для напряжения сил, для усердия, для верности, для рачительности. Социализм все это уничтожает.

* * *

Серьезные телесные раны часто поразительно легко переносятся во время получения.

* * *

Шок вызывает онемение тела, но не паралич; рана источает кровь, но не боль. Так же и с великими дарами судьбы.

* * *

Инновация, разумеется, предполагает эксперимент. Эксперименты могут быть или не быть плодотворными.

* * *

То, что рог для носорога, то, что жало для осы, то магометанская вера для арабов.

* * *

Официальный жаргон может быть использован, чтобы уничтожить всякий человеческий контакт или самую мысль.

* * *

Прекрасно быть честным, но очень важно еще быть правым.

* * *

Нужно стать справедливым, прежде чем быть щедрым.

* * *

Независимость судебной власти от власти исполнительной есть первейшая защита от тирании.

* * *

Суд присяжных, право каждого быть судимым равными себе – один из ценнейших даров, сделанных Англией Америке.

* * *

Чем больше мы знаем о противоположной точке зрения, тем меньше мы озадачены в своем выборе.

* * *

Первые испытания премьер-министра часто самые тяжкие. Наиболее грозные препоны лежат в начале пути. После их преодоления путь становится сравнительно гладким.

* * *

Наихудшие трудности, которые мы переживаем, не приходят из-за границы. Они появляются внутри страны. Эти трудности происходят от мозговитых людей особого сорта, всегда обнаруживающихся в этой стране, которые, если и привносят что-то в нашу культуру, то сильно отнимают от нашей силы. Наши трудности происходят от настроения ничем не обоснованного самоуничтожения, в которое нас ввела одна влиятельная часть нашей собственной интеллигенции.

* * *

Когда орлы умолкают, попугаи начинают трескотать.

* * *

Нас иногда спрашивают: «За что воюют Британия и Франция?», на что я отвечаю «Если

бы мы перестали воевать, вы бы скоро поняли».

* * *

Не парламенту надлежит править, но народу посредством парламента.

* * *

Автомобильный тормоз, в сущности, вещь односторонняя: он предотвращает аварии, возникающие от слишком быстрой езды. Тормоз не был задуман, чтобы избежать аварии, возникающей от езды слишком медленной. Эти функции относятся к другому устройству. Тут нам понадобится двигатель и, разумеется, запас горючего. И в этом мы полагаемся на обновленный импульс народной воли; лишь силою двигателя, иногда регулируемой тормозами, можно обеспечить постоянный прогресс нации и общества.

* * *

Мы возвысили свободу; остается удержать ее на высоте.

* * *

Жизнь есть ощущения; ощущения есть жизнь.

* * *

Логика, как и наука, должна быть слугой, а не господином человека.

* * *

Великие государства не должны позволять обиде, капризу, имитации или мести проникать в их политику.

* * *

О капитуляции Германии:

Моя ненависть умерла в момент их капитуляции.

* * *

Что это за хворь, которой мы боеем на этих островах? Этот недуг опасней, нежели малярия, — это болезнь силы воли.

* * *

Неужели единственный урок истории в том, что человечество не способно учиться?

* * *

Никакой материальный прогресс, даже принимающий такие формы, о которых мы сейчас не можем помыслить, как бы ни расширял он способностей человека, не сможет утешить его душу.

* * *

Лучший способ принять горькую микстуру – это выпить ее одним глотком.

* * *

Мы не нуждаемся в сборище трутней среди нас, будь они из древней аристократии, современной плутократии или обычных выпивох из паба.

* * *

Мы более счастливы в старости, чем в юности.

* * *

Даже мои друзья не обвинят меня в скромности.

* * *

Добродетельные мотивы, скованные инерцией и робостью, не равня вооруженному и решительному зверству.

* * *

Джентльмен не ест бутерброд с ветчиной без горчицы.

* * *

Со сном – никаких полумер. Раздевайтесь и ложитесь в постель.

* * *

Никакой народ и никакой человек не имеют монополии на добро или зло.

* * *

В международных чувствах самое фатальное – обман. Обиды будут прощены, страдания и утраты прощены или забыты, битвы останутся в памяти лишь воинской доблестью сражавшихся. Но всяческое сутяжничество, всякое трюкачество навсегда останутся ноющей раной.

* * *

Пожадничать современным кораблем для моряков – все равно что пожадничать лампой безопасности для шахтеров.

* * *

Некоторые математические количества, проходя через бесконечность, меняют свой знак с плюса на минус.

Возможно, это правило имеет моральное применение, – когда развитие орудий уничтожения наделяет каждого способностью убить всех, никто не захочет вообще кого-либо убивать.

* * *

Трудно обрести новые интересы, когда жизнь подходит к концу.

* * *

Чтобы наполнить слушателей каким-либо чувством, оратор должен сам быть им полон... Чтобы тронуть их сердца, его сердце должно быть растрогано. Чтобы убедить, он сам должен верить... Каждый оратор верит в то, что говорит, в тот момент, когда говорит это. Он может быть непоследовательным, однако никогда сознательно неискренним.

* * *

Оппозиция не несет ответственности за предложение сложных, интегрированных планов. Иногда она делает такие предложения, но это не входит в сферу ее ответственности.

* * *

Из всех талантов, жалованных человеку, самый драгоценный – дар оратора. Тот, кто владеет им, держит в руках власть более долговечную, чем власть великого самодержца.

* * *

Оратор суть независимая сила в этом мире. Покинутый своей партией, преданный своими друзьями, лишенный политического чина, человек с даром оратора сохраняет силу.

* * *

Я с трудом подавляю нравоучительные порывы.

* * *

Предложения оратора, когда он дает ход своему искусству, становятся длинными, раскатистыми и звучными. Особый баланс фраз его производит каданс, более схожий с белым стихом, нежели с прозой.

* * *

Люди забывают физическую боль гораздо быстрее, чем радостные чувства. Милостивое Провидение укрывает бархатом забвения многие наши страдания, позволяя нам наслаждаться великими моментами жизни, которые мы встречаем в этом земном путешествии.

* * *

Перемена партии обычно считается куда более серьезным нарушением постоянства, чем перемена взглядов.

* * *

Мы преодолеем! Мы не знаем когда, мы не знаем как, но мы преодолеем.

* * *

Человеческие существа и человеческие сообщества – не возводимые конструкции и не собираемые машины. Это растущие растения, и относиться к ним должно соответственно.

* * *

Лучше иметь амбициозный план, чем никакого.

* * *

Видеть путь вперед – это одно, идти по нему – совсем другое.

* * *

Душа Польши неуничтожимая. Она поднимется снова, подобно скале, которую могут на время захлестнуть волны прилива, но которая остается скалой.

* * *

Из армии опасностей выбирайте ту, с которой можете справиться и которая, будучи отражена, увлекает за собой другие.

* * *

Достоинство премьер-министра, как женская честь, не может быть утеряно частично.

* * *

Взойдя на вершину власти через множество преград, вы попадаете в опасность чувства вседозволенности и рискуете начать думать, что любые ваши взгляды хороши для страны и

могут быть навязаны вашим подчиненным.

* * *

Политические вершины покоряются труду, не борьбе. Политики ожидают падений и надеются на подъемы.

* * *

Есть два метода пророчеств. Мы можем искать в прошлом некий период, чьи условия напоминают условия наших дней настолько, насколько возможно... Второй метод в том, чтобы проследить ход событий в непосредственном прошлом и попытаться продлить его в ближайшее будущее. Первый – метод историка, второй – метод ученого.

* * *

Частная собственность имеет право на защиту. Наша цивилизация построена частной собственностью и только ею может быть защищена.

* * *

Как может быть, что корабль побеждает волны, хотя волн так много, а он один? Ответ в том, что у корабля есть цель.

* * *

Нет пользы говорить «Мы делаем все, что в наших силах». Вы должны делать все, что нужно.

* * *

Единственный ключ к пониманию действий могущественных держав – это правильная оценка их интересов и их восприятия своих интересов.

* * *

Из выступления перед школьниками, 1941 г.:

Никогда не сдавайтесь! Никогда не сдавайтесь! Никогда, никогда, никогда не сдавайтесь – ни в большом, ни в малом, ни в крупном, ни в мелком. Никогда не сдавайтесь, иначе как понятиям чести и здравого смысла.

* * *

Пожалуй, лучше быть безответственным и правым, чем ответственным и не правым.

* * *

Возмездие из всех услад самая дорогостоящая и требующая времени. Ретроактивное гонение – самое пагубное.

* * *

Меньше всего демократии в законах толпы.

* * *

Успех не может быть гарантирован. Безопасных битв не бывает.

* * *

Хлеб должен быть толщиной с вафлю, это не более чем средство доставки содержимого в желудок.

* * *

Наука способна расширить границы каждого государства, не сужая границы соседей, и увеличить благосостояние каждого народа, ничего не забирая у других.

* * *

Человек в этот момент своей истории получил такую власть над силами природы, о которой никогда ранее не мечтал. В его власти довольно легко разрешить проблемы материального бытия. Человек покорил диких животных, покорил даже насекомых и микробов. Все в его руках. Он должен покорить теперь своего последнего и наихудшего врага – самого себя.

* * *

Нехватка предвидения, нежелание действовать, недостаток ясного мышления, непонятый совет – вот черты вечного повторения истории.

* * *

Всякая социальная реформа, не опирающаяся на стабильный внутренний обмен, это надувательство и обман.

* * *

Финансовый баланс ничего не стоит без безопасности, а безопасность недостижима без финансового баланса.

* * *

Выступая с речью... не читайте эссе со многими пунктами. Никто их не переварит. Вы

всегда можете преподнести идею снова и снова во многих различных видах, с разными иллюстрациями.

* * *

Государственный муж, ведущий корабль через бурные течения событий, пытающийся удержать его на плаву и сохранить курс, может прилагать весь свой вес то на одну сторону, то на другую. Если сопоставить его аргументы в обоих случаях, они покажутся не только очень разными по своему характеру, но противоположными по духу своему и направлению. Однако же, на какой борт ни переносит капитан свой вес, курс корабля остается тот же.

* * *

Государственных мужей не призывают для того, чтобы решать легкие вопросы. Вопросы эти часто решаются сами.

* * *

Великие принципы лишь тогда имеют вес, когда они связаны с движением великих сил.

* * *

Мир – наша цель, и сила – единственный путь к нему.

* * *

О студенчестве:

Воспользуйтесь сполна всеми выгодами этих лет, когда мудрость мира отдана в ваше распоряжение... Битва кипит во всех уголках и сферах жизни.

* * *

Я не в восторге от нынешних ставок налогообложения. Они уничтожат всякий стимул.

* * *

Я был воспитан верить, что налоги – это плохо, а покупательная способность населения – хорошо.

* * *

Время придерживается нейтралитета, но может стать союзником того, кто овладеет им.

* * *

Первейшая обязанность университета – учить мудрости, не ремеслу, характеру, не техничности.

* * *

Это простая лень – не вмещать мысль в разумные пределы.

* * *

О победителях Первой мировой войны:

Мы так пресытились победой, что отбросили ее в сторону.

* * *

Я всегда говорил, что возмещение обид побежденных должно предшествовать разоружению победителей.

* * *

Тень победы – разочарование, следствие изнеможения.

* * *

Не по критике наших оппонентов будут судить о нас, но по последствиям наших действий.

* * *

Лучшее сочетание – сила и милосердие. Худшее сочетание – слабость и злоба.

* * *

Большинство людей, включая всех наилучших, предпочтут смертную казнь пожизненной тюрьме.

* * *

Не запрягайте чистокровного скакуна в навозную телегу.

* * *

В мире политики, если не знаете, что делать, не делайте ничего... если не знаете, что сказать, скажите, что думаете.

* * *

О Трансваальской конституции, признавшей бурский язык:

Признание его языка очень ценно для малого народа.

* * *

Человек есть дух.

* * *

Жизнь есть целое, добро и зло в ней нужно принимать совместно.

* * *

Власть человека увеличилась во всем, кроме него самого.

* * *

Не превращайте ум свой в склад боеприпасов, но сделайте из него ружье, стреляющее боеприпасами других людей.

* * *

Нет ли других вариантов, помимо того, чтобы посылать наших солдат жевать колючую проволоку во Фландрии?

* * *

О секретарше:

Она весьма необразованна, однако прекрасно составляет цветочные букеты.

* * *

Секретарше:

Не волнуйтесь, если не будете успевать, я всегда помню все, что говорю.

* * *

Какое утомительное злосчастье, что Персия и Месопотамия одновременно изменили свои названия на весьма созвучные – Иран и Ирак. Я во внутренних делах всегда избегаю подобных рисков, когда назначаю министров.

* * *

Мы в дебатах имеем дело с этим обычным жаргоном об «инфраструктуре супранациональной власти». Авторство этих слов неизвестно, но возможно, что их в наш политический язык ввел ансамбль высоколобых интеллектуалов, естественным образом озабоченных тем, чтобы впечатлить всех фактом своего изучения латыни в Винчестере. Хотя сами слова нам могут быть не по духу, мы не можем отказать этому контингенту старой школы в возможности безобидного упоения классовым самосознанием.

* * *

Представьте, как срубают эти прекрасные деревья, чтобы сделать из них бумагу для тех чертовых газет, и все это называется цивилизация.

* * *

Если хотите высказать что-то важное, не пытайтесь звучать утонченно или умно. Используйте молот. Ударьте по аргументу один раз. Потом вернитесь и ударьте снова. После чего ударьте в третий раз.

* * *

Венецианская республика погибла бы мгновенно, если бы средиземноморские воды разрушили опоры, на которых она стояла. Жизнь же Египта зависела от разливов Нила. Венецианцы всегда думали о своих сваях, египтяне всегда думали о своей воде.

* * *

Отец принялся экзаменовать меня в английской истории. Тема была – король Карл I. Отец спросил меня о Великом Протесте [Великой Ремонстрации 1641 г.]. Что я знал об этом. Я сказал, что в конце концов парламент победил и отрубил Карлу голову. Мне казалось, это самый великий протест, какой можно вообразить.

* * *

У нас был досужий класс. Теперь нужно подумать о досужих массах.

* * *

Наша страна должна показаться вражескому парашютисту ежовой спиной, а не кроличьим брюшком (1951).

* * *

Очень может быть, что славнейшие главы нашей истории еще не написаны... Мы должны радоваться, что судьба возложила на нас великую ответственность, и быть горды, что нам выпало защищать страну в час опасности.

* * *

Африканский араб есть африканская репродукция англичанина. Англичанин есть превосходящее и цивилизованное развитие араба (1899).

* * *

Принцип Ниагарского водопада, кажется, не изменился. Вода продолжает падать.

* * *

Этот союз прошлого и настоящего, традиции и прогресса, эта золотая цепь не была еще никогда разорвана, ибо никогда не была натянута с излишней силой.

* * *

Об Африке:

У меня есть некоторое знание населения тамошних мест, и мы, безусловно, должны смотреть на этих людей как на свою величайшую ответственность, ибо они самые беспомощные из всех.

* * *

Британская и американская демократии создавались медленно и с болью, и они все еще не совершенны (около 1955 г.).

* * *

Вообразите, что вы перепутали гиппопотама, одно из крупнейших млекопитающих, с водяной лилией. Между тем, такое легко может случиться.

* * *

Я всецело предпочитаю правление посредством разговора. Я всецело против правления посредством террора, посредством коррупции, посредством штыка, предрассудка или трескотни.

* * *

Легче, пожалуй, сформировать кабинет [министров] в пылу сражения, чем в тихие времена.

Чувство долга преобладает над всем, и личные требования уступают.

* * *

Парламентская демократия может выражать себя лишь через регулярные и частые обращения к избирателям, но никто не скажет, что затяжные избирательные кампании способны решить наши проблемы дома и защитить нас от внешних угроз.

* * *

Голосование на выборах должно быть обязательным, как в Австралии и Голландии, и должна быть небольшая пеня для тех, кто не выполняет своего гражданского долга.

* * *

При наших представительских институтах иногда приходится считаться с мнением других людей.

* * *

Демократические собрания не действуют по принципу единогласия. Они действуют по принципу большинства.

* * *

Функция парламента – не только принимать хорошие законы, но и устранять плохие.

* * *

Парламенту естественно говорить, Короне [институту монархии] естественно сиять... Парламент, освеженный контактом с электоратом.

* * *

Япония поедает Китай, как грушевое дерево, листик за листиком... Если китайцы страдают нынче от жестокой злобы и гнета своих врагов, всему виной ложное и извращенное учение пацифизма, которое китайские правители внушали своим подданным на протяжении двух или трех тысячелетий.

* * *

Это свободный парламент в свободной стране. Я горжусь этим. Это одна из вещей, за которые мы воюем (1941).

* * *

Если бы Соединенные Штаты пожелали прийти в Европу как первостепенный фактор, несравнимо более счастливые перспективы открылись бы перед всем миром (1932).

Они наши родственники на другой стороне океана. Они наши сыны, вернувшиеся после долгого отчуждения.

* * *

Я бы никогда не мог баллотироваться в Президенты Соединенных Штатов. Все эти рукопожатия с людьми, которые мне ни к черту, меня бы убили. Десять минут здесь, десять минут там. Не для меня (1949).

* * *

О пребывании в США:

Туалетная бумага слишком тонкая, газеты слишком толстые.

* * *

Комментируя нападки в американской прессе на своего друга конгрессмена Бурка Кокрэна :

Суть американского журнализма – вульгарность, лишённая правды. Их лучшие газеты пишут для класса сопливых домашних дев и простолюдинов.

* * *

Ничто не сравнится с силуэтом Нью-Йорка, открывающимся с моря. Это спектакль величественности, непревзойдённый во всем мире, и, хотя отдельные здания могут иметь свои недостатки, целая масса этих громадных структур излучает величие и красоту.

* * *

Я бы не мог погибнуть счастливым в той великой борьбе, которую вижу впереди, если бы не был убежден, что если мы здесь, на нашем любимом острове, падем под яростью и мощью наших врагов, там, на вашем далеком и безопасном континенте, факел свободы будет гореть негасимо (1939).

* * *

Немцы сочетают в самой смертоносной форме качества воина и раба. Сами они не ценят свободы, и вид свободы чужой ненавистен им. Набрав силу, они ищут добычу, и последуют с железной дисциплиной за любым, кто поведет их к ней... Нацистская тирания и прусский милитаризм есть два главных элемента германской жизни, которые должны быть абсолютно уничтожены. Они должны быть полностью искоренены, если Европа и мир хотят избежать третьего и еще более страшного конфликта (1943).

* * *

Снова мы должны сражаться за нашу жизнь и нашу честь против могущества и ярости отважной, дисциплинированной и беспощадной германской нации. Снова! Пусть будет так.

* * *

О немцах:

... самый грозный народ в мире, а теперь и самый опасный, народ, прививающий своим детям некую кровожадность и учащий, что всякая граница должна быть начальным пунктом вторжения.

* * *

С германской точки зрения, которую герр Гитлер разделяет, мирные Германия и Австрия в 1914 году подверглись наскоку банды злобных народов под водительством Бельгии и Сербии, и Германия смогла бы защититься успешно, если бы только евреи не ударили ее кинжалом в

спину. Против таких убеждений спорить бесполезно (1939).

* * *

Мы должны стремиться восстановить германский и японский народы и реинтегрировать их в мировую систему свободной и цивилизованной демократии (1946).

* * *

Я надеюсь, что государства Германии – Бавария, Саксония, Вюртемберг, Ганновер и другие – восстановят значительную часть своей старой индивидуальности и своих старых прав. Уверен, именно этот путь будет наиболее легок для Франции и Британии.

* * *

Фельдмаршал Геринг, один из немногих немцев, имевших весьма хорошее времяпрепровождение в последнее время, говорит, что нас пока пощадили потому, что нацистская Германия очень гуманна. Она не может заставить себя сделать кому-либо плохо. Все, о чем она просит, – это право жить и убивать слабых. Гуманность ее не позволяет ей применять жестокость к сильным (1939).

* * *

Немецкий народ, усердный, верный, отважный, но увы! – недостающий должной гражданской независимости.

* * *

О большевиках:

Победив львов и тигров, я не желаю быть битым бабуинами.

* * *

О германской оккупации Чехословакии; сказано 16 октября 1938 г.:

Это была образцовая демократия Центральной Европы, где с меньшинствами обращались лучше, чем где бы то ни было. Она была покинута, уничтожена и проглочена. Теперь она переваривается в желудке.

* * *

Я решил, что если Невилл Чемберлен станет лидером Консервативной партии, или кто-то ему подобный, я уйду из политики и попытаюсь сделать твою жизнь и жизни наших котят [детей] более удобной прежде, чем я умру (1929).

Черчиллю было 55 лет, и наиболее исторически важные годы его жизни были впереди.

* * *

Эстонцы, вооруженные отчасти британским оружием, дали очень твердый отпор большевикам и по-настоящему показали их слабость.

* * *

Многие считают французов тщеславным, беспокойным, фантазерским, истеричным народом. На самом деле это одна из наиболее жестких, трезвых, несентиментальных, расчетливых, упорных наций.

* * *

Всю свою жизнь я был благодарен Франции за ее вклад в культуру и славу Европы, а более всего за дух индивидуальной свободы и прав человека, излучаемый из французской души.

* * *

Греки соперничают с евреями как самая политически мыслящая нация в мире.

* * *

О Женевской конференции по Индокитаю:

Лягушки получают все, что могут, а мы все можем, но не получаем.

* * *

Никакие два города не значили для человечества столько, сколько Афины и Иерусалим. Их изречения в области религии, философии, искусства есть главные путеводные огни современной веры и культуры... Афины и Иерусалим – я лично всегда был на стороне их обоих.

* * *

Образование еврейского государства в Палестине есть такое событие в мировой истории, на которое нужно смотреть в перспективе не поколения или столетия, а тысячи, двух тысяч, даже трех тысяч лет (1949).

* * *

Пусть евреи получают Иерусалим; это они сделали его знаменитым.

* * *

Тем, кто приезжает в Италию посмотреть на руины, в будущем не придется искать Помпеи (1940).

* * *

О Муссолини, радиообращение к населению Италии:

То, что он великий человек, я не отрицаю, но то, что он привел страну на грань разрухи, не может отрицать никто (1940).

* * *

Никогда не слышал, чтобы великий атлет был великим генералом. Единственное исключение – итальянцы. Там генералы могут счесть полезным иметь качества хорошего бегуна.

* * *

Муссолини не мог удержаться от соблазна ударить распростертую Францию... Безумные мечты об имперской славе, жажда к захвату, к добыче, надменность долго необузданной тирании.

* * *

О японском нападении на Перл-Харбор, 1941:

Какими дураками были члены японской правящей касты – навлечь на себя могучую, скрытую военную энергию великой Республики, и все ради подлой, убогой засады.

* * *

Ужин у наши города Марракеш, Марокко:

Все начали совать свои лапы в блюдо с едой и вспомнили за этой приятностью, что пальцы были сделаны раньше вилок... Танцоры и танцовщицы были одеты в простыни и лоскутные одеяла и выглядели, как охапки отходов с хлопковой фабрики... Музыка, рев, гоготание и тамтамы звучали на протяжении всей трапезы и являли собою мастерский каталог диссонансов (1950).

* * *

Это очевидная правда, что евреи, рассеянные по миру, должны иметь национальное сосредоточение, национальный дом, где часть из них могут воссоединиться в Палестине. И где же такому дому быть, как не на земле Палестины, с которой они на протяжении более чем 3000 лет были так близко и так глубоко связаны? (1921)

* * *

В ответ на аргумент о слишком массовой еврейской иммиграции в Палестину как причине арабского бунта, 1937.

Слишком большое напряжение было пущено через кабель, и кабель расплавился. Это может быть причиной, чтобы изменить напряжение или изменить кабель, но вовсе не причиной объявлять электричество слишком опасной для цивилизации вещью.

* * *

Польша спасла себя посредством напряжения сил и спасет Европу посредством своего примера (1920).

* * *

О планах присоединения немецких земель к Польше, 1945:

Было бы жаль так накормить польского гуся немецким пшеном, что он умер бы от несварения.

* * *

Некоторые думают, что лучшая политика в отношении Испании – рисовать грубые и комические карикатуры на генерала Франко (1944).

* * *

Неожиданность, напор и скорость – суть всех морских высадок на берег.

После побега из бурского плена в Южной Африке, 1899: Никто в мире не знал, где я, и я сам этого не знал... Моим единственным компаньоном был гигантский стервятник, живо интересовавшийся моим состоянием, испуская временами жуткое и зловещее клочотание.

* * *

Я всецело поддерживаю использование отравляющих газов против нецивилизованных племен.

Моральный эффект должен быть так силен, что смертность должна быть минимальной.

Необязательно использовать лишь наиболее смертоносные газы; можно использовать газы, которые причиняют большой дискомфорт и сеют ужас, но не оказывают перманентных эффектов на большинство пострадавших.

* * *

О моральности применения химического оружия: Нет никакой логики в том, чтобы считать подобающим уложить человека сильными взрывчатыми веществами, разбрасывающими осколки, которые причиняют отравленные, гноящиеся раны, однако считать аморальным ожечь его едким газом или вызвать у него кашель...

* * *

Глядя на эти бесформенные массы, лежащие в гробах, завернутые в стандартные одеяла, гордость нации, помпезность империи, военная слава предстают ничем более, нежели тусклой, бесплотной тканью мечты.

* * *

Первое необходимое условие демократического процесса – сохранение мира в Европе. Война смертельна для либерализма. Либерализм есть всемирный антагонист войны.

* * *

Войны Викторианской эпохи были совсем не такие, как Великая война [Первая мировая]. Никто не ожидал быть убитым. В те ушедшие, ветреные дни война для огромного большинства участников была чудной спортивной игрой. Большинству из нас было суждено увидеть войну нового времени. Здесь смерть была обычным ожиданием. Жестокие раны считались счастливым избеганием смерти. Целые взводы были сметаемы стальным вихрем артиллерии и пулеметов. Те, кто выжил, знали, что наверняка погибнут в следующей атаке или в той, что будет после нее.

* * *

Все великие пейзажи были написаны в помещениях... В своем полутемном погребе голландский или итальянский мастер воссоздавал сверкающий лед голландского карнавала или светлую солнечность Венеции или Кампаньи.

* * *

О своих трудах на поприще живописи:

Я всегда изучаю все поле боя, решая, атаковать ли белые пространства сначала, а потом сосредоточиться на очагах сопротивления.

* * *

Большинство людей удивятся, когда попадут в рай. Они ожидают встретить там достопримечательные личности вроде Цезаря и Наполеона, однако их там вряд ли удастся отыскать среди миллионов других – индийцев и китайцев включительно.

* * *

Чем лучше мы следуем Нагорной проповеди, тем успешнее мы в наших потугах.

* * *

Меня удивляет, что некоторые наши епископы пускаются в долгие рассуждения, пытаясь примирить веру с разумом. Зачем нужно примирять эти вещи? Если вы верите в восточку, греющую вам душу и обещающую воссоединение с любимыми вами людьми, воссоединение в мире гораздо лучше, чем этот, то какое же вам дело до цвета конверта, в котором пришла эта весть, и до того, правильно ли поставлена дата на почтовой марке?

* * *

Было время, когда эпоха веры пыталась предотвратить эпоху резона, и время, когда эпоха резона пыталась уничтожить эпоху веры.

* * *

Существование Бога доказывают Ленин с Троцким, для которых просто необходим ад.

* * *

Это, я думаю, исторический факт, что восстание большого населения никогда не было вызвано исключительно или, даже главным образом, религиозным энтузиазмом.

* * *

Жизнь миссионера, должно быть, очень волнительна, ибо он зависит от каприза и нрава аборигенов и их вождя.

* * *

Мне всегда приходилось бывать в церкви раз в неделю. Я накопил за эти годы такой депозит в Банке Соблюдения Обрядов, что могу теперь уверенно снимать со счета. Свадьбы, крестины и похороны приносили мне ежегодный доход благочинности, и я никогда не интересовался состоянием своего банковского счета. Возможно, я уже снял с него больше, чем там было.

* * *

Я не столп церкви, а подпорка – я поддерживаю ее извне.

* * *

Один из моих великих друзей, лорд Хью Сесил, недавно определил науку как «организованное любопытство». Нам нужно быть осторожными, чтобы не сделать слишком больших открытий, не обнаружить вещи столь широкого применения, что наша незрелая цивилизация не сможет с ними справиться (1948).

* * *

Разве человечество не выходит из-под власти индивидов? Разве дела наши не решаются все более массовыми процессами? Разве современные условия не враждебны для развития выдающихся личностей и для их влияния на события? И наконец, если все это правда, благоприятно ли это для нас и для нашей славы? (1931)

* * *

Человек – стадное животное, любящее жить в стадах.

* * *

Странное наблюдение приходится сделать: без изобретения профессора Хабера[] немцы не смогли бы продолжить войну [Первую мировую] после того, как исчерпали свои изначальные ресурсы нитратов. Изобретение одного этого человека позволило им не только иметь почти неограниченный запас взрывчатых веществ для всех целей, но удовлетворить потребности сельского хозяйства в химикатах.

Это примечательный факт, показывающий, сколь неизвестные и случайные инциденты могут двигать судьбами мира в наш век научных открытий.

* * *

Я ничего не знал о науке, но кое-что знал об ученых. Как министр я много занимался вещами, которых не понимал. У меня было, в любом случае, острое восприятие того, что будет полезным, и того, что будет вредным, того, что станет лекарством, и того, что будет убийственно вредным.

* * *

Пуля в ногу делает храбреца трусом. Удар в голову делает мудреца дураком. Я читал, что достаточное количество абсента может превратить порядочного в подлеца. Триумф духа над материей что-то не кажется пока весьма окончательным.

* * *

Телевидение заняло свое место в мире... Я как человек старомодный никогда не был его поборником, но, думаю, оно прекрасно обойдется без поборников. Это чудесно, что каждое выражение моего лица сейчас могут видеть миллионы людей по всем Соединенным Штатам. Надеюсь, что исходный материал так же хорош, как средство его вещания.

* * *

Даже если нам приходится опуститься до уровня телевидения, мы должны идти в ногу с современностью.

* * *

Звездное время – не солнечное время. Естественное время – не солнечное время, солнечное время – не гринвичское время. Время на часах никогда не соответствует солнечному времени, кроме как на меридиане и в отдельные дни года.

* * *

Мы с президентом Рузвельтом так и не поймали ни одной рыбы... Президент, однако, наслаждался рыбалкой и находился весь день в хорошем расположении духа. Очевидно, у него есть главное качество рыболова – не мерить удовольствие уловом.

* * *

Носороги стояли посередине равнины, примерно в пятистах ярдах... вовсе не животное двадцатого века, но дивный, угрюмый зверь, забредший из каменного века... Велик моральный эффект наступающего врага. Все выстрелили. Тяжеловесный зверь продолжал наступать, будто он был неуязвим, будто он был машиной, непроницаемой для пуль, нечувствительной к боли и страху. Еще тридцать секунд, и он будет здесь... Есть время для созерцания, с некоторой отстраненностью, время признать, что именно мы здесь агрессоры, именно мы вызвали конфликт своим неспровоцированным нападением с намерением убить мирное травоядное. Время подумать, что если есть в отношениях человека и животного такие вещи, как правда и неправда, – а кто скажет, что нет? – то правда ясно на стороне носорога... В конце, однако, остается шкура, остается рог, остается туша, над которой уже начали кружить стервятники.

* * *

Черчилль о своем скакуне Колонисте Втором:

Я сказал ему, что это очень важный забег, и если он его выиграет, ему никогда больше не придется участвовать в скачках, а можно будет проводить все время в приятной женской компании. Колонист Второй не смог сосредоточиться на забеге.

* * *

Я по-прежнему верю, при всей громадности и грозности мировой политики, что личные контакты с нужными людьми в нужном месте в нужное время могут еще сыграть важную роль в достижении мира (1955).

* * *

Сидя в правительстве, политик не представляет, как чертовски трудно приходится простому народу.

* * *

Когда опасность на расстоянии, когда есть достаточно времени, чтобы подготовиться к встрече с ней, можно – и должно – бить в набат. Но когда опасность близка и в оставшееся время уже невозможно сделать многое, нет пользы в том, чтобы распространяться об ошибках и небрежностях ответственных лиц. Время пугаться – тогда, когда беды могут быть исправлены. Когда же их нельзя полностью избежать, их нужно встретить смело.

* * *

Нет ничего проще, дешевле и бесполезней, чем критиковать опасный и непредсказуемый ход войны *post factum*.

* * *

Министр или президент во главе некой огромной сферы деятельности, чьи практические решения из часа в час влияют на множество важных дел, более не является магической фигурой. Напротив, его видят, и – что наиболее важно, он видит себя, как вполне обычный

гражданин, занятый в нынешнее время некоторой работой больших размеров. Вопрос, однако, в том, способно ли такое отношение произвести в этом человеке чувство лидерства.

* * *

Вы всегда можете рассчитывать, что американцы сделают правильно – после того, как перепробуют все остальные варианты.

Успех сделан из способности терпеть поражение за поражением без потери энтузиазма.

* * *

Никакая чрезвычайная ситуация в государстве, помимо, пожалуй, начавшегося военного вторжения извне, не должна как-либо ограничивать свободу парламентской дискуссии (1901).

* * *

Никакой народ в мире не получил столь много словесной симпатии и столь мало реальной поддержки, как буры. Будь я бурским бойцом на поле брани – а если бы я был буром, я, надеюсь, был бы бойцом на поле брани, – на меня все эти заявления о сочувствии не произвели бы никакого впечатления.

* * *

Если буры останутся глухи к голосу разума и слепы к руке дружбы, если они отвергнут все попытки переговоров и пренебрегут всеми условиями, тогда, восхищаясь их решимостью и выдержкой, мы сможем лишь надеяться, что наш народ в том деле, какое он считает правым, выкажет столь же твердую решимость и столь же устойчивую выдержку.

* * *

Рискну думать, что правительство Его Величества было бы неправо запретить своим военным командирам какие-либо методы ведения войны, которые оправданы прецедентами, установленными европейскими и американскими генералами в последние пятьдесят или шестьдесят лет.

* * *

Долгом таких членов парламента, как я, которые представляют большие общины рабочего класса, является донести до правительства тот факт, что страна не желает считать цену войны до тех пор, пока эта война не выиграна.

* * *

Коль уж вы имели несчастье быть вовлеченным в войну, нет цены слишком высокой за быстрый и победный мир.

* * *

Я всегда замечал, что когда радикал увлекается империализмом, он заражается им в очень острой форме.

* * *

Если талант военного министра может быть измерен количеством денег, добываемых им у своих коллег для военных целей, досточтимый джентльмен непременно войдет в историю как величайший военный министр, когда-либо бывший у нашей страны.

* * *

Я знаю, как некоторые солдаты отзываются об этом [законопроекте].

У меня не хватит духу повторить их выражения здесь, но я буду счастлив осведомить заинтересованных членов парламента в частном порядке.

* * *

Палате общин следует иметь более широкий вид на наши имперские обязательства, чем тот, что доступен из окон военного министерства.

* * *

Это полузабытый эпизод, ибо он попал в тот период сумерек, что находится между яркими вспышками газетных скандалов и спокойными лучами лампы истории.

* * *

Я был воспитан думать, что генералы существуют для армии, а не армия для генералов.

* * *

Европейская война не может быть ничем иным, кроме жестокой, душераздирающей борьбы, которая – если мы хотим вкусить горькие плоды победы – потребует все человеческие ресурсы нашей нации, полное прекращение гражданского экономического производства и концентрации всей жизненной энергии на одной цели.

* * *

Я часто изумлялся с тех пор, как нахожусь здесь, с каким хладнокровием и каким бахвальством члены парламента и даже министры говорят о войне в Европе... Теперь, когда могучие сообщества брошены в бой друг с другом, каждое со своей горечью и возмущением, когда силы науки и цивилизации сметают все, что могло бы смягчить их ярость, война в Европе может означать лишь руины для побежденных и почти столь же фатальное экономическое истощение для победителей.

* * *

Иностранные народы знают, что такое война. В Европе едва ли есть столица, которую не взял бы неприятель в последние сто лет, и именно острое понимание ужасных последствий войны сохраняет мир в Европе.

* * *

Мы обнаружили некоторое число очень уважаемых джентльменов с несформированными убеждениями и еще более несформированными избирателями, выглядящими чрезвычайно неумными и чрезвычайно устыженными самих себя и своего правительства, но совершенно готовых поддерживать это правительство во что бы то ни было.

* * *

Как часто случается с теми, кто пошел дальше, у него вышло хуже.

* * *

Мы показали, что были искренни, ибо мы дома делали то, что проповедовали за границей.

* * *

Широкие взгляды всегда торжествуют над малыми идеями. Широкие экономические принципы всегда со временем побеждают резкие схемы сиюминутной выгоды. Справедливость переигрывает интригу. Из всех видов политики честность дает наибольшую прибыль.

* * *

Мы можем иметь очень разные взгляды на то, в каком направлении, как далеко и как быстро нам нужно двигаться, однако же мы все едины в одном – мы не сдвинемся назад ни на дюйм.

* * *

«Таймс» утратил дар речи и выражает свое безмолвие на трех колонках.

* * *

С вашей поддержкой мы возобладаем над ними, но ах как нам нужна эта ваша поддержка.

* * *

Социализм стремится сбросить богатых вниз, либерализм хочет поднять вверх бедных. Социализм уничтожит частные интересы; либерализм сохранит частные интересы в той единственной форме, в которой они могут быть справедливо и безопасно сохранены – в согласии с общественными правами. Социализм возносит власть; либерализм возносит человека. Социализм целится в капитал; либерализм целится в монополию... Не думайте, что

либерализм – это убеждение, которое исчерпало себя, философия, у которой нет будущего. Пока вертится Земля, либерализм будет играть свою роль, свою великую, благотворную, лечебную роль в жизни людей и государств.

* * *

Не врага передо мной боюсь я, но раскола в рядах позади меня.

* * *

Вы слышали фразу: «От каждого по способности, каждому по потребности». Как мило это звучит. Позвольте мне сказать это иными словами: «Работайте по желанию, получайте по аппетиту».

* * *

Социалисты хотят перестроить мир и начинают с того, что выбрасывают из него суть человека.

* * *

Никто не может быть коллективистом либо индивидуалистом, всякому приходится быть и тем и другим. В некоторых делах нам нужно общее согласие. Другие должны быть священной личными... Во взаимной адаптации идей коллективизма и индивидуализма находится будущее решение мировых проблем.

* * *

Как вернувшиеся Бурбоны, они ничему не научились и ничего не забыли.

* * *

Всегда находились люди богатства и положения, приносившие себя в жертву во имя простого народа, и именно поэтому в нашей стране столь мало классовой ненависти, несмотря на всю нищету и все лишения, которые мы видим вокруг.

* * *

О планах Консервативной партии поднять налоги и тарифы на импорт:

Если непредвзято и вдумчиво посмотреть на программу, которой угрожает нам Консервативная партия, вы увидите, что лишенная своих маскировок и украшений программа эта есть не что иное, как преднамеренная попытка предводителей собственных классов переложить их нынешнее бремя на плечи масс и получить более высокие прибыли со своих вложений путем поднятия цен.

* * *

Машинисты начинают использовать электоральный паровоз в собственных целях.

* * *

Часто человек высказывает свои настоящие взгляды в одной беспечной фразе, срывающейся с края его ума, гораздо больше, нежели в тщательно подготовленном заявлении или самом красноречивом разглагольствовании.

* * *

Вы слышали, как говорят: «Свобода медленно расширяется от прецедента к прецеденту». То, с чем мы столкнулись теперь, состоит в следующем: «Свобода быстро сужается от привилегии к привилегии».

* * *

Мы не группа дикарей и готтентотов в глубинах Африки. Мы не дети в школе. Мы – ведущее общество цивилизованного мира.

Для всех наций мы были учителями свободы. Для всех народов мы были учителями принципов и практики представительского правления.

* * *

Ваши праотцы смотрели в глаза миру гораздо более грозному, чем нынешний.

Мир тот был окутан темными тучами нависшего над человеком насилия, тучами революций, каких мы не знали в этой стране уже много лет. И все-таки наши предки упорно толкали историю вперед к расширению демократических основ Конституции, и мы сегодня являем собой более богатую, более счастливую и более удовлетворенную нацию, вкушающую плоды их смелости и рассудительности.

* * *

Протекционизм – как привычка крепко выпить. Хорошая доза вызывает краткосрочную веселость, за которой следуют менее приятные симптомы. В безрадостной серости утра не находится иного снадобья против перегаров ночного дебоша, как снова прильнуть к протекционистской бутылке. Повторить и повысить дозу становится единственным лекарством. Довольно легко развить такую привычку; стать снова свободным может быть весьма болезненным делом.

* * *

Взирая на свои потери, открыто и трезво, вы не должны забывать в то же время о награде, за которую боретесь.

* * *

Борьба будет тяжелой, риски многочисленны и потери жестоки, но когда придет победа,

она воздаст нам за все (1915).

* * *

Общим долгом прессы, по большей части верно исполняемым, является поддержание общественного духа в дни войны. Это не означает, что вы не должны смотреть в лицо фактам.

* * *

Мы противостоям врагу, который не колебался бы ни минуты, если бы мог уничтожить каждую живую душу в нашей стране нажатием кнопки. Мы имеем дело с врагом, который изничтожил бы все наше население столь же мимолетно, как садовник вытравливает осиное гнездо в саду.

* * *

Я приучился, за последнее время, судить о мировых событиях и тенденциях как о большевистских или антибольшевистских (1920).

* * *

Социалисты строят теории о человечестве и не заботятся о человеке.

* * *

О лейбористском правительстве, 1924:

Нынешнее правительство берется говорить от имени народа, представляя менее одной трети избирателей и едва удерживаясь у власти посредством игры на противоречиях двух старших партий.

* * *

Можно соглашаться с принципом, можно соглашаться с безотлагательностью, не соглашаясь при этом с методом.

* * *

Наши экономические проблемы требуют от нас пребывать в тесном и постоянном контакте с реальностью.

* * *

Мы часто слышим, что золотой стандарт прикует нас к Америке. Я скажу вам, к чему он нас прикует. Золотой стандарт прикует нас к реальности, хороша она или плоха.

* * *

О возврате к золотому стандарту:

Мы были бы безумцами и преступниками, если бы не сопровождали этот шаг должными мерами предосторожности.

* * *

О субсидиях для угольной промышленности:

Как можно оправдать, что целая страна принуждена платить такого рода налог бесконечно, при отсутствии перспектив разрешения вопроса?

* * *

Этот парламент, представляющий 45 миллионов человек, единственная инстанция, могущая судить о соотношении различных интересов в обществе.

* * *

Газеты два месяца требовали опубликования документов англо-французского соглашения, и когда документы были опубликованы, газетчики с возмущением обнаружили, что в них нет ничего такого, с чем можно было бы поспорить.

Тогда они принялись жаловаться, что документы не были опубликованы раньше.

* * *

Зачем смерть всегда проходила на волосок от меня, как не для того, чтобы я сделал что-то?

* * *

Пока индуист оттачивает аргумент, мусульманин точит меч.

* * *

Возьмусь утверждать, что в будущем чехословацкое государство не сможет сохранить своей независимости. Думаю, мы увидим, как в ближайшие годы или в ближайшие месяцы Чехословакия будет поглощена нацистским режимом.

Быть может, она присоединится к нему из отчаяния или из мести. В любом случае, история эта закончена и рассказана (5 октября 1938 г.).

* * *

Беспроводная связь позволит каждому слышать и принимать участие в беседе в любой точке мира, будто просунув голову в окно комнаты (1931).

* * *

География и климат станут послушны человеческим указам.

Количество дождя, выпадающего ежегодно на эпсомский ипподром, будет достаточным, чтобы растопить льды в Арктике и Антарктике.

Изменение одного элемента в другой посредством температуры и давления изменит нашу жизнь неописуемо (1931).

* * *

Я чувствую, Франция де Голля будет более враждебна к Англии, чем была когда-либо со времен Фашоды.

* * *

Я убежден, что Гитлер и его сторонники используют первую возможность прибегнуть к военной силе (1930).

* * *

Когда мы дегенерируем, что в конце концов неизбежно, когда мы утратим наше внутреннее превосходство, другие расы, согласно закону жизни, придут занять наше место...

И дряхлый дрожащий европеец научными своими машинами сметет с лица земли доблестных дикарей, которые нападут на него (1899).

* * *

Стоит лишь Германии начать войну в Европе, можно быть уверенным, что Япония немедленно разожжет второй пожар на Дальнем Востоке (1936).

* * *

Пусть не думают ни секунды, что опасность второго взрыва в Европе миновала. На некоторое время ступор и коллапс, последовавшие за мировой войной, принесли угрюмую пассивность, и ужасы войны, ее бойни, ее тирания глубоко проникли в душу Европы и определили образ мыслей каждого класса в каждой стране. Но причины войны не устранены. В самом деле причины эти были в некоторых аспектах отяжелены так называемыми мирными договорами (1924).

* * *

В прошлых войнах все решали эпизоды. В этой войне куда важнее тенденции. Не добыв никаких потрясающих побед, мы можем выиграть войну... Поражение Германии может быть гораздо более тяжелым на второй или третий год войны, чем если бы мы вошли в Берлине 1914-м (1915).

* * *

Если мы не победим, мы не желаем жить. Но мы победим (1914).

* * *

Намек на вегетарианство Адольфа Гитлера, 1940:

Эту войну выиграют плотоядные.

* * *

Нет причин думать, что эта война закончится, когда ее исход станет очевидным.

Битва при Геттисбурге провозгласила конечную победу Севера, но гораздо больше крови пролилось после битвы при Геттисбурге, чем до нее.

* * *

Я всегда ожидал, что война станет более жестокой, когда провинившиеся нацисты почувствуют кольцо фатума, сжимающееся вокруг них (1942).

* * *

Быть может, нас ждет еще более ужасная война. Война Востока против Запада.

Война монгольских орд против либеральной цивилизации (1947).

* * *

Высоты величия не были достигнуты внезапным полетом. Пока их компаньоны спали, великие мужи упорно взбирались по ночным скалам.

* * *

Я нахожу, что ожидание куда утомительней, чем действие.

* * *

Сегодня мне 25. Ужасно думать, как мало времени мне осталось.

* * *

Будь проклято безжалостное время! Будь проклята наша смертность! Как жестоко короток наш час (1906.)

* * *

1945 г., в возрасте 71 года; потерпев поражение на выборах в 1945 году, Черчилль вернется на пост премьер-министра в 1951-м.

Я вижу, партийные боссы раздают инструкции, что никто старше семидесяти не должен участвовать в выборах. Я естественно хочу знать, относится ли это ко мне.

* * *

Я мог бы пойти в церковь и возглашать проповеди в духе дерзновенного противостояния современности. Я мог бы пойти в город и сделать состояние. Я мог бы даже пойти в адвокаты, и кого-то могли бы повесить после моей защиты.

* * *

Черчилль был болен пневмонией после Тегеранской конференции, 1943:

Можете взять кровь у меня из пальца, из мочки уха, и, разумеется, у меня есть почти бесконечный простор задницы.

* * *

Пули для философа, дорогая мама, не стоят внимания. К тому же я столь высокого о себе мнения, что не верю, что боги могли бы сотворить столь могучее существо, как я, для столь прозаичного конца (1897).

* * *

Когда я был молод, меня обвиняли в непостоянстве взглядов и склонности меняться. Теперь меня бранят за упорство в тех взглядах, которые я имел в юности, и даже за повторение речей, которые я произнес задолго до того, как большинство из вас родились.

* * *

Я не уподоблюсь тому святому, который отказался поступить правильно из-за того, что к этому его подталкивал дьявол.

* * *

Я всегда извлекал пользу из критики в мой адрес и никогда не имел в критике недостатка.

* * *

Шелковое белье чрезвычайно важно для моего самочувствия. У меня очень хрупкий и чувствительный эпидермис. Взгляните на текстуру моего эпидермиса – нет ни пятнышка, за исключением того места, где я пожертвовал полоску кожи для моего раненого товарища во время суданской кампании.

* * *

Я нисколько не возражаю, чтоб меня называли гусем. Ко мне обращали и куда худшие слова.

* * *

Смерть приходит рано ко многим из тех, чей дух так изувечен, что лишь в бою они

находят отдых, удовлетворение только в опасности и мир только в хаосе.

* * *

В моей стране политики гордятся тем, что они слуги государства; им было бы стыдно быть его господами.

* * *

Все говорили, что я был наихудшим канцлером казначейства за все времена. И теперь я с ними согласен. Так что мир теперь единодушен.

* * *

Мистер Ганди собирается приехать в Лондон, как только его уговорят, и здесь, в центре империи, обсуждать с нашими министрами лучшие способы расколоть ее.

* * *

Я придерживаюсь правила, насколько это мне удастся, не говорить тех вещей, которые могут быть еще неизвестны военным штабам других государств.

* * *

Адресовано сыну:

Рандольф, не перебивай меня, когда я тебя перебиваю!

* * *

Просить меня удержаться от произнесения речи – как просить многоножку пройти по земле, не касаясь ее ножками.

* * *

Я уйду, лишь когда паб закрывается.

* * *

Я предпочитаю следовать сердцу, а не расчетам о настроениях общества.

* * *

Поразительно, что в свои старые годы я получаю столько научных степеней, тогда как в юности я провалил столько экзаменов.

Кто-то может сделать вывод, что лучший способ получить как можно больше степеней – это провалить как можно больше экзаменов.

* * *

Такой вывод, леди и джентльмены, не соответствовал бы той академической атмосфере, принадлежностью к которой я теперь так горжусь, и поэтому я поспешу вывести из моего опыта другую мораль, с которой, думаю, вы все согласитесь.

А именно, что мальчики и девочки не должны унывать из-за отсутствия успехов в юности...

* * *

В ожидании европейской войны, 1914:

Все идет к катастрофе и коллапсу. Я заинтригован, возбужден и счастлив. Разве не ужасно быть так устроенным?

* * *

Я не державный муж. Нельзя сделаться державным мужем раньше, чем умрешь, а я еще не умер.

* * *

Мне никогда не доставляет радости человеческое несчастье.

* * *

Все то время, когда я не был в правительстве, – примерно половина жизни, – я зарабатывал продажей слов и, надеюсь, иногда продажей мыслей.

* * *

Ни в ожидании войны, ни в самые темные дни ее я не имел никаких проблем со сном. Я всегда плюхался в постель и засыпал после того, как выполнял нужную работу. Я спал глубоко и просыпался свежим...

* * *

Пол появился после того, как протоплазм – или протозоа – разделилась надвое. Если бы не это деление, у нас бы не было столь радостного воссоединения полов.

* * *

Уберите от меня этих котят, иначе я влюблюсь.

* * *

Я не мог жить без шампанского. В победе я его заслуживаю, в поражении я в нем нуждаюсь.

* * *

Аллюзия к словам Наполеона «Бог на стороне больших батальонов»:

Американский цыпленок – очень маленькая птица в сравнении с обычной английской курицей. Его аппетитно подают с рисом и всякими сопутствующими вещами. Все же я на стороне больших цыплят столь же часто, сколь Судьба на стороне больших батальонов.

* * *

Я вернулся в Лондон в том состоянии, в каком оказывается бутылка шампанского, простоявшая ночь открытой.

* * *

В кулинарии Черчилль называл «темой» специфический вкус:

Уберите этот пудинг! В нем нет темы.

* * *

Я могу управиться на кухне. Могу сварить яйцо. Я видел, как это делают.

* * *

О морской качке:

Всякая вещь имеет обратную сторону, и даже у монотонности своя скрытая радость.

* * *

Не рубите дерево, не посадив другое.

* * *

Ложный довод отталкивает всех слушателей, кроме убежденных и приверженных сторонников.

* * *

Дела в мире обстояли бы гораздо лучше, будь он населен только животными.

* * *

Мы живем в столь сенсационный, лихорадочный век, что люди за два месяца не только меняют свои взгляды, но и забывают, во что верили и что чувствовали раньше.

* * *

Выбор, который нам приходится делать, это не всегда выбор между хорошим и плохим; очень часто выбирать приходится между двумя совершенно ужасными альтернативами.

* * *

Старейшая привычка сопротивляться переменам состоит в том, чтоб жаловаться, что если лекарство от болезни не имеет всеобщего применения, оно и вовсе не должно применяться.

Но где-то же нужно начинать.

* * *

Я думаю, в общем и целом, что при свободных общественных институтах лучшая часть человеческой природы в конечном итоге берет верх. Но в этой доктрине есть ограничения.

* * *

К счастью, человеку не приходится прямо управлять своими телесными процессами. Ему не приходится планировать заранее, сколько ударов сердца произвести в следующие 24 часа, и как температура и кровяное давление повлияют на все это.

Нет никаких официальных стандартов касательно выделения лимфы и желчи. В противном случае достойный президент торговой палаты обнаружил бы, что он существенно перебрал свой лимит.

* * *

Когда великие идеи приходят в движение, возбуждая человеческие души, отрывая людей от их каминов, заставляя их покинуть свой комфорт, свое имущество, свою погоню за счастьем, – в ответ на импульс ужасающий и непреодолимый, – мы понимаем, что мы суть духи, а не животные.

* * *

Я всегда считал, что замена лошади двигателем внутреннего сгорания обозначила очень мрачную веху в прогрессе человечества.

* * *

Можно спорить, выиграл ли род человеческий от развития науки после изобретения парового двигателя... Нужно опасаться последствий обладания человечеством, столь немного отличным от своих предков так называемых варварских времен, такими ужасными силами, как атомная бомба. Лучше дайте мне лошадь.

* * *

Проходя через бедные кварталы Манчестера, 1906:

Представьте, что вы живете на одной из этих улиц, никогда не видя ничего красивого, никогда не съев ничего вкусного, никогда не говоря ничего умного!

* * *

Каждый день вы можете прогрессировать. Каждый шаг может быть плодотворным. И все же перед вами будет расстилаться бесконечный, уходящий все дальше, убегающий все выше путь. Вы знаете, что никогда не достигнете конца его. Однако это вас отнюдь не приводит в уныние. Напротив, это прибавляет к радости вашего восхождения.

* * *

Я склонен думать, что в свободном обществе всякое зло несет с собой и средства к исправлению его, поэтому я считаю, что вкус к всевозможным сенсациям переигрывает и тем самым подавляет себя.

* * *

Важнее всего, чтобы моральная философия и духовные концепции выстояли под напором этих умопомрачительных научных эволюций. Было бы куда лучше приостановить материальный прогресс, чем оказаться под властью наших собственных аппаратов и сил, приводимых ими в движение (1931).

* * *

Социализм есть философия неудачи, вера неведения, евангелие зависти.

* * *

По счастью, жизнь пока еще не слишком безмятежна, иначе путь от колыбели к могиле мы проходили бы много быстрее.

* * *

По свету ходит огромное количество лживых домыслов, и самое худшее, что половина из них – чистая правда.

* * *

Многие пытаются ставить знак равенства между пожаром и пожарной командой.

* * *

Клуб, в котором слишком много членов, перестает быть клубом.

* * *

Легче управлять нацией, чем воспитывать четверых детей.

* * *

Копить деньги – вещь полезная, особенно если это уже сделали ваши родители.

* * *

Я никогда не критикую правительство своей страны, находясь за границей, но с лихвой возмещаю это по возвращении.

* * *

Сдержанность современных утверждений порою переходит пределы; страх противоречия выхолащивает всякий смысл и всякое значение.

* * *

Хотя я лично доволен современными взрывчатыми веществами, думаю, нам не нужно препятствовать их улучшению.

* * *

Продолжительные усилия, а не сила или ум, есть ключ, отмыкающий наш потенциал. Здоровые граждане – величайшее достояние любой страны.

* * *

Если бы Всемогущий вознамерился перестроить мир и спросил у меня совета, я бы попросил окружить каждую страну Английским каналом [пролив между островом Великобритания и континентом]. Атмосфера же была бы такой, что все, что пыталось бы взлететь, сгорало бы.

* * *

Он любил трудящихся. Любил смотреть, как они трудятся.

* * *

Воду было невозможно пить. Чтобы придать ей вкус, мы добавляли виски. Таким благоразумным предприятием я приучился любить его.

* * *

Из всех народов мира наш будет последним, который согласится быть управляемым бюрократией. Свобода у нас в крови.

* * *

Нет противника, которого они попытаются избегнуть. Нет трудностей, которых они не перенесут.

Чего они не прощают, так это ложных обещаний и пустого хвастовства.

* * *

Доверьтесь народу. Он вас никогда еще не подводил.

* * *

Основой коммерции на этом острове было изобилие дешевого угля. Прибавив к углю свой ум, изобретательность, хорошее ведение бизнеса, предприимчивость, наше население удвоило себя в ходе столетия.

* * *

Коммунистические формулы, которые он использовал против других с разрушительным эффектом, более не были ему препятствием. Он отбросил их с той готовностью, с какой он отбросил свою жену, своего отца, свое имя.

* * *

Большевизм есть великое зло, но он произрос из великих социальных зол.

* * *

Никогда не забывайте, что большевики – это крокодилы. У меня нет к ним ни малейшего доверия. Сила и факт – единственная их реальность.

* * *

Проезжая в автомобиле улицами Москвы [в 1942 г.], которая казалась очень пустой, я приотпустил окно, чтобы вдохнуть воздуха, и к удивлению своему обнаружил, что стекло имело больше двух дюймов [пяти сантиметров] толщины. Это превосходило все, что я когда-либо видел.

* * *

Очень опасно недооценивать германскую эффективность в любых военных делах.

* * *

О быстром вооружении Германии, 1935:

Дела сильно ухудшились, но дела сильно прояснились.

* * *

О Мюнхенском соглашении, 1938:

Все, чего мы добились, это чтобы германский диктатор удержался от хватания еды со стола, а согласился подождать, пока ему преподнесут одно блюдо за другим.

* * *

Многие думают, что поступаются интересами Чехословакии, я же убежден, что мы скоро обнаружим, что поступились интересами Великобритании и Франции и, возможно, непоправимо ослабили их безопасность... Это не только вопрос потери влияния в Европе. Мы должны смотреть дальше. Посмотрите на природу нацистского движения, на природу правления, которое оно подразумевает (1938).

* * *

После победы греческой армии над войсками фашистской Италии в 1940 году:

Теперь мы не станем говорить, что греки сражаются, как герои, но – герои сражаются, как греки.

* * *

Я получил от французского руководства самые священные клятвы, что при любом ходе событий Франция будет драться до конца – будь он горьким или будь он славным.

Нет, если мы будем драться до конца, он может быть только славным (19 мая 1940 г.).

* * *

Относительно германской угрозы, 1938:

Мы должны получить превосходство в воздухе и снова стать островом.

* * *

Потом я сказал весьма заурядным тоном, не придавая моменту особого значения:

– Разумеется, чтобы ни случилось в Дюнкерке, мы продолжим сражаться...

Изрядное число присутствовавших политиков вскочило со стульев и, возгласами выражая поддержку, направилось ко мне, чтобы похлопать меня по плечу...

Я был вполне уверен, что каждый министр был готов погибнуть в ближайшее время, готов был потерять всю свою семью и все свое имущество, но не сдаться... (1940)

* * *

Речь в парламенте 13 мая 1940 г., через три дня после того, как Черчилль стал премьер-министром:

Мне нечего вам предложить, кроме крови, труда, слез и пота.

* * *

Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы сделал, по крайней мере, положительное упоминание о

дьяволе.

* * *

Солдатам приходится умирать, но тем самым они дают жизнь стране, которая дала жизнь им (1943).

* * *

Мы не ищем выгод, не жаждем территорий, не ждем наград и не приемлем компромисса. Именно в таком свете мы желаем быть судимы – сначала нашей совестью, а потом грядущим (1943).

О Британской империи и ее жителях

Разумеется, мы должны иметь армию – не только как тренировочный лагерь для наших заморских гарнизонов, но и потому, что народу Великобритании было бы нездорово и даже аморально вести кроткую, вялую, безопасную жизнь под защитой кольца закованных в железо кораблей.

* * *

Об увеличении британской сухопутной армии в начале XX века, 1915:

Этого достаточно, чтобы раздражать, но недостаточно, чтобы запугать. Этого недостаточно, чтобы сделать нас неуязвимыми, но достаточно, чтобы сделать нас азартными.

Народы и правители знают, что, в целом, британское влияние благотворно и добро и способствует достижению счастья и благоденствия рода человеческого.

Наше правление в Индии не продержалось бы ни дня – во всяком случае, ни месяца, – если бы не было основано на вере индийского народа в наши высокие и бескорыстные мотивы. Британская справедливость есть истинное основание британского господства в Индии.

Никакая другая нация не являла в какой-либо момент своей истории столько дерзания и самопожертвования, почти всеобщего, в массах народных. Французская революция не могла защитить землю Франции без использования принуждения. Американское Содружество не могло сохранить свою целостность без принудительных мер. Но современная Британия нашла миллионы граждан, которые по собственной доброй воле с рвением и трезвым пониманием необходимости приняли решение сражаться и умереть за поставленные на карту принципы в тяжелейшей, жесточайшей и неблагодарнейшей войне в истории человечества.

Посмотрите, как Австралия и Новая Зеландия в последнем и доблестном Крестовом походе сметают объединившееся варварство Пруссии и Турции. Посмотрите, как бьется до смерти Канада, защищая последние мили разрушенной Бельгии. Смотрите дальше, сквозь дым и кровь гигантской бойни, смотрите и увидите единую Британскую империю, мирно стоящую за спиной освобожденной Европы.

* * *

Наше время сурово, наши вызовы огромны, боль и смятение Европы бесконечны, но объединенная мощь Британии, брошенная в схватку, будет неодолима.

Если британский фунт стерлингов не будет прикреплен к общеизвестному надежному стандарту, на который все могут положиться, то коммерция не только Британской империи, но и Европы может перейти в расчеты долларом, а не фунтом стерлингом.

* * *

Об Индии, 1931:

Вот почти 350 миллионов человек, поднятых на такой уровень цивилизации, мира, порядка, чистоты и прогресса, который далеко превосходит все, что они могли бы самостоятельно достичь, и все, что они могут самостоятельно поддерживать. Сей чудесный факт относится на счет руководства и начальствования нескольких тысяч британских чиновников, ответственных перед [британским] парламентом, которые на протяжении поколений определяли развитие Индии. Если это начальствование будет подорвано или уничтожено, вся эффективность государственных служб – военных, административных, медицинских, гигиенических, судебных, железнодорожных, ирригационных, инфраструктурных и тех, что предотвращают голод, – погибнет вместе с ними. Индия быстро скатится сквозь эпохи к варварству и лишениям Средних веков. На карту поставлено вовсе не удовлетворение политических устремлений небольшого числа интеллигенции к самоуправлению. Напротив, речь о практической, технической задаче поддержания мира и жизнеобеспечения в Индии. Позволить индийскому народу упасть до уровня Китая было бы для Великобритании уходом от исполнения долга.

* * *

Покинуть Индию на волю брахманов было бы жестоким и порочным равнодушием. Эти брахманы, изображая принципы западного либерализма, позируя как философические и демократические политики, суть те же самые брахманы, которые отрицают первичные права на жизнь шестидесяти миллионов своих собственных соотечественников, которых они называют «неприкасаемыми» и которых они тысячами лет угнетения приучили смиряться со своим печальным положением. Они не сядут есть с этими шестидесятью миллионами, не станут пить с ними, не будут обращаться с ними как с человеческими существами.

Брахманы считают себя оскверненными самым приближением «неприкасаемых». И вдруг они в один момент поворачиваются и принимают закручивать логические тезисы с Джоном Стюартом Миллем или отстаивать права человека с Жаном Жаком Руссо.

* * *

Предсказание, сбывшееся с точность до наоборот; индусы нанесли мусульманам поражение как в гражданской войне, так и в последовавших индопакистанских войнах:

Брахманы хорошо знают, что они не могут защитить себя от мусульман. Среди многочисленных добродетелей индуистов нет воинских качеств. Нет сомнений, что уход британцев из Индии, к чему призывает мистер Ганди, приведет к еще одному завоеванию индусов мусульманами.

* * *

Об индуистах и мусульманах в Индии, 1931:

Если вы возьмете франко-германские антагонизмы, прибавите к ним антагонизмы католиков и протестантов и умножите все это на десять, вы и тогда не сравняетесь с той бездной, что разделяет эти две расы, густо смешанные миллионами в городах и на равнинах Индии.

* * *

Их горькое положение хуже, чем положение рабов, ибо им было внушено принимать не только физическое, но и психическое рабство. Иногда я спрашиваю себя, если бы Христос опять пришел в наш мир, не направился ли бы он первым делом к неприкасаемым Индии? Самый акт принятия христианства одним из этих бедных созданий подразумевает духовное освобождение от наваждения о том, что они нечисты.

* * *

Реакция на отказ Индийского национального конгресса призвать к сопротивлению возможному японскому вторжению в Индию:

Я ненавижу индийцев. Это звериный народ со звериной религией.

* * *

Британцы всегда готовы воевать, но не всегда подготовлены к этому.

* * *

У британцев есть девиз: «Во время изменений карты Европы делаем бизнес как обычно».

* * *

Скажите британцам правду. Это крепкий народ, прочный народ. Они могут быть огорчены поначалу, но если вы им сказали все, как есть, вы застраховали себя от жалоб и обвинений, весьма неприятных, когда они приходят на волне разочарования.

В британском рабочем... есть укорененная и естественная любовь к честной игре.

* * *

Британцы – единственный народ, любящий, когда ему говорят, насколько все плохо, любящий, когда ему говорят наихудшее.

* * *

Я осмелюсь упомянуть несколько вещей об Англии... Здесь едва ли кому придет в голову, что банки закроют свои двери перед вкладчиками. Здесь никто не сомневается в справедливости суда. Здесь никто не подвергается преследованиям из-за религии своей или расы. Здесь все, помимо преступников, смотрят на полицейского как на друга и слугу общественности. Здесь мы можем защитить права гражданина перед государством и критиковать действующее правительство.

* * *

Мы – самая единая из всех наций... ибо мы были выкормлены свободой в индивидуальной ответственности, мы выращены не в тоталитарном единодушии и единообразии, но в терпимости и плюрализме.

* * *

Если в Британии нет опасности большевизма, это лишь потому, что у нас есть просвещенная, активная политическая жизнь, у нас есть взвешенное, образованное, организованное общественное мнение и гарантирующая свободу конституция, которую мы полны решимости сделать инструментом постоянных прогрессивных реформ. Для того, чтобы это состояние общества сохранялось, непрерывные политические усилия должны быть предпринимаемы во всех частях государства всеми классами граждан.

* * *

Мы полагаемся на рядовых солдат британской демократии. Мы доверяемся верному сердцу Британии. Наша вера покоится на той скале, которую являют собой рабочие и служащие нашего острова, а они всегда отвечали зову долга.

* * *

Британский народ всегда превосходил британский климат. Британцы всегда были выше своего климата и вынесли из него многие свои принципы и образы жизни.

* * *

Историки на протяжении веков замечали одну особенность английского народа, стоившую ему весьма дорого. Добыв в борьбе победу, мы всегда выбрасывали на ветер большую часть плодов ее.

* * *

Британский Лев, столь свирепый и доблестный в былые времена, столь бесстрашный и непобедимый в любых смятениях Армагеддона, теперь гоним кроликами с полей своей прошлой славы. Не сила наша подорвана – мы хвораем болезнью воли.

* * *

Интересы Британии идут в ногу с прогрессом и свободой человечества.

* * *

Какой благородный посредник – английский язык. Невозможно написать страницу, не насладившись богатством и разнообразием, гибкостью и глубиной нашего родного языка.

* * *

Я видел границы и владения Британской империи в мирное время и в военное, видел достаточно, чтобы знать: Империя не продержалась бы и года на сугубо материальном фундаменте. Жизненная энергия нашего правления исходит из моральной силы, не физической. Свобода и справедливость, английская честность, английская терпимость вознесли жизнь нашего родного острова над стандартами соседних наций.

* * *

Я был только слугою своей страны, и окажись я в какой-то момент неспособен выразить ее неуклонную волю к борьбе и к победе, я должен был бы быть должным образом отставлен в сторону.

* * *

У Британии одна конституция – здравый смысл.

* * *

Я незыблемо верю в гений Британии. Я верю в инстинктивную мудрость нашей многожды испытанной демократии.

* * *

Любопытно, что британские островитяне, которые ненавидят муштру и не знали иноземного вторжения почти тысячу лет, при приближении и возрастании опасности нервничают все меньше. Когда угроза критична, они неистовы, когда она смертельна, они неустрашимы.

* * *

Бисмарк сказал однажды, что главнейший факт XIX столетия в том, что Британия и Соединенные Штаты говорят на одном языке. Давайте сделаем так, чтобы важнейшим фактом столетия XX стало то, что они идут одной дорогой.

* * *

Четыреста лет британской политикой было противодействие сильнейшей державе на континенте плетением комбинаций других стран... Иногда это Испания, иногда французская монархия или французская империя, иногда Германия.

* * *

Британская империя существовала на принципах семьи, а не на принципах синдиката.

* * *

Посмотрите в любую точку Британской империи, вы увидите, что британцы приносят окончание войн, искореняют варварские обычаи, открывают церкви, школы и больницы, строят железные дороги и порты, разрабатывают природные ресурсы с тем, чтобы облегчить почти всеобщую, повсеместную, отчаянную бедность. Мы щедро даем деньги и материальные блага... но ни один налог не обременяет колониальные народы, помимо тех налогов, что используются их собственным правительством на их собственные нужды. Я пишу «их собственным правительством» сознательно, ибо, как бы ни требовали разные обстоятельства разных подходов, британцы давно имеют в отношении заморских территорий одну цель: конечное развитие этих территорий в нации, свободно ассоциированные с Британским Содружеством. Нынешнее состояние Содружества – доказательство этой искренности (1960).

* * *

Я не для того стал первым министром Короля, чтобы председательствовать над ликвидацией Британской империи. Для этой задачи, если б ее когда-то поставили, пришлось бы подыскать кого-то другого.

* * *

Я мог бы защитить Британскую империю от кого угодно, но не от британского народа. Уганду защищают насекомые.

* * *

Франко-канадцы больше наслаждались пением песни «Боже, храни короля», чем «Правь, Британия».

* * *

Не преувеличение сказать, что будущее всего мира зависит... от отношений между Британской империей и США.

Идентичность целей и решимость, преобладающие в англоязычном мире, более, чем любой иной факт, определяют образ жизни, доступный человечеству на протяжении поколений и, возможно, столетий, последующих за нами.

* * *

Великобритания и Соединенные Штаты как одно целое? Да, я всецело за это. Хотите, чтобы я выставил свою кандидатуру на президентских выборах?

* * *

Британцы хорошо платят налоги, но ненавидят муштру. Французы не возражают против муштры, но избегают платить налоги.

И те и другие готовы сражаться, если убеждены, что это единственный способ выжить. Но

в этом случае у французов будет маленький бюджет, а у британцев маленькая армия.

* * *

Выступая перед Комитетом освобождения Парижа:

Я предупреждаю вас – будьте настороже, ибо я буду говорить по-французски, – весьма рискованное предприятие, которое поставит под сомнение вашу благожелательность к Великобритании.

* * *

О росте британских военных расходов в конце XIX – начале XX века:

Мы движемся быстро, но в каком направлении? Сэр, я усматриваю в этом все более скором подъеме динамику падающего тела.

* * *

В Англии мы даже платим лидеру оппозиции зарплату в 2000 фунтов годовых за то, чтобы он держал правительство в ответе.

* * *

Древнее англосаксонское основание всей нашей системы правосудия – это суд присяжных... Мы считаем его фундаментальным гарантом наших демократических свобод... Этот принцип вплетен во всю историю нашей юридической системы, и вопрос «Виновен или нет?» будет решен простым людом.

* * *

Во время нападения буров на английский бронепоезд в Южной Африке:

Нет ничего более захватывающего, чем... повторяющиеся взрывы снарядов, стук осколков, врезающихся в сталь вагонов, свист пуль, рычание и пыхтение мотора – несчастного, истязаемого существа, получившего попадания не менее дюжины снарядов, каждый из которых, попади он в котел, мог положить всему конец, – ожидание конца, осознание бессилия, сменяющие друг друга надежда и отчаяние...

* * *

Две великие политические партии разделяют всю Англию между собой в своей борьбе.

У каждой мощная структура; у каждой множество сторонников; у каждой свои функции, свои устремления и свои источники силы.

И так они возносятся и опускаются в своих борениях с разным успехом из года в год, от выборов к выборам, и из их борения, как ни покажется это странным, в долгие периоды многих лет рождается ровный поток прогресса.

* * *

Развитие дружбы и взаимного доверия среди англоязычных народов остается высшим объектом мировой политики и является сегодня вернейшим способом финального изгнания из мыслей человеческих ужасов и ненавистей войны.

* * *

У английской нации большой запас здравого смысла. Она владеет всевозможными способами, как это видно из ее прошлого, способами ограничения государственного давления и автократии.

* * *

Монте-Карло, 1962:

Я хочу умереть в Англии.

* * *

Право, язык и литература объединяют англоговорящий мир.

* * *

Я сам по себе англоязычный союз.

* * *

О пуштунских племенах, 1897:

Сильная туземная предрасположенность убивать, присущая от природы всем человеческим существам, сохранилась в этих долинах в беспрецедентной свежести.

* * *

Сикх был изначально изобретен, чтобы сражаться с пуштуном.

* * *

Будь Ирландия более процветающей, она была бы более лояльной, и будь она более лояльной, она была бы более свободной (1904).

* * *

В Ирландии почти все случается тогда, когда вы этого не ожидаете, а то, чего многие ждут, не случается никогда.

* * *

О Южной Африке, 1906:

В этой земле поразительных парадоксов добро оборачивается злом, и зло оборачивается

добром. Золотые шахты, столь нужные при постоянном бюджетном дефиците, стали для страны величайшим проклятием, наполняя землю кровью и огнем и оставляя ее в долгах и во вражде.

* * *

О темноте африканских ночей:

Мы покинуты в скорби и тоске среди темноты, пока не засияют звезды и не напомнят нам, что есть что-то за пределами ночи.

* * *

О суданских махдистах, 1899:

«Безумный фанатизм» – это унижающий отзыв о дервишах со стороны их врагов. Я считаю его жестокой несправедливостью.

Не может быть храбр тот, кто не признает благородных побуждений этих воинов Ислама, и не поймет, что они погибли, дабы смыть со своей чести пятно поражения.

Почему должны мы считать безумством в дикаре то, что в цивилизованном человеке считаем благородством?

* * *

Слуга Черчилля умер в 1908 г. от холеры недалеко от места битвы при Омдурмане (1898), в которой участвовал Черчилль.

В день после битвы при Омдурмане мне выпало хоронить уланов 21 – го полка, умерших ночью от ран. Теперь, девять лет спустя, в совсем иных обстоятельствах, после путешествия с другого конца Африки, я снова был в этом угрюмом месте, где было пролито столько крови, и снова стоял над открытой могилой. Желтые разливы ушедшего солнца все еще стекали с пустыни, и звук погребальных салютов разбил ее тишину.

* * *

Характер нашей нации таков, что единственное место, которому гарантированы добровольцы, это кровавые траншеи Франции и Фландрии.

О политике

Лорд Керзон цитирует великого французского агностика: «Всякая цивилизация есть плод трудов аристократии».

Думаю, куда правдивей было бы сказать: «Обслуживание аристократии есть неплодотворный труд всякой цивилизации».

* * *

Тысячи людей, никогда не голосовавших за либералов, клянутся больше никогда за них не голосовать.

* * *

Социалисты хотят перестроить мир и начинают с того, что выбрасывают из него суть человека.

* * *

Перетасовывать кабинет министров – как решать калейдоскопичную мозаичную загадку.

* * *

Фундамент всей демократии – это избирательное право.

* * *

Не стану притворяться, доведись мне выбирать между коммунизмом и нацизмом, я бы выбрал коммунизм. Надеюсь, мне не придется ощутить на себе ни того ни другого.

* * *

Когда коммунист открывает рот, вам приходится гадать, пытается ли он улыбнуться или намеревается проглотить вас.

* * *

Большевизм – это не политика. Большевизм – это болезнь.

* * *

Придет день, когда цивилизованный мир осознает без тени сомнения, что удушение большевизма в корне было бы огромным благом для всего человечества.

* * *

Нужно остерегаться создавать общество, где никто, кроме политиков и чиновников, ничего не решает.

* * *

Лидеры, которые ведут свои партии, принимая изо дня в день популярные решения, откладывая трудности, избегая насущных проблем до тех пор, когда уже поздно, не могут пожаловаться, что, когда неудачи превращаются в катастрофу, некоторые из их последователей не желают разделить бесславие капитуляции.

* * *

Всякий предводитель партии должен иметь мозг больший, чем собственный. Он должен

уметь оперировать через многих людей.

* * *

Люди контролируют правительство, а не правительство людей.

* * *

У ненависти та же роль в правительстве, что у кислоты в химии.

* * *

Палата общин – это не только машина для законодательства, это великий форум для дебатов... Если палата общин теряет способность обсуждать вопросы, которые обсуждает страна, которые заполняют страницы газет, которые вызывают интерес и беспокойство каждого гражданина, она теряет контакт с обществом.

* * *

Главный недостаток капитализма – неравное распределение благ; главное преимущество социализма – равное распределение лишений.

* * *

Тирания – наш враг, в какие бы вуали и маски она ни рядилась, на каком бы языке ни говорила, будь она внешняя или внутренняя, мы всегда должны быть начеку, всегда мобилизованы, всегда бдительны, всегда готовы вцепиться ей в горло.

* * *

Нам говорят, не нужно тревожить добродушного избирателя и общественность. Как слабо и никчемно будут звучать эти аргументы, если через год или два нас застигнут жирными, насыщенными и беззащитными.

* * *

Правительства, захватившие власть силой или узурпацией, часто прибегают к террору, чтобы сохранить украденное.

* * *

Национальное единство не означает национального единодушия.

* * *

Великие мужи, создавшие американскую Конституцию, воплотили в нее разделение властей в наиболее сильной и устойчивой форме. Не только разделили они исполнительную,

законодательную и судебную функции, но и учреждением федеральной системы сохранили огромные и суверенные права местных общин. Всем этим они построили – часто ценой некоторых управленческих неудобств – систему закона и свободы, в рамках которой американцы достигли процветания и лидерства в мире.

* * *

В основании демократии – маленький человек в кабинке с маленьким карандашом, ставящий маленький крестик на маленьком листе бумаги.

* * *

Поддерживать это правительство, сделать его успешным, превратить его в эффективный инструмент ведения войны, судить о нем осмотрительно и уважительно – это не вопрос симпатий и неприязни, не вопрос обычного политического выбора, а вопрос нашего самосохранения.

* * *

Чего ожидает нация от нового правительства? Я могу ответить одним словом – действия. Действия, а не сомнения, действия, а не слов, действия, а не агитации. Нация ждет своих приказов. Обязанность правительства – объявить, что нужно сделать, представить его парламенту и стоять или пасть подле результатов своей работы.

О войне

В войне – непоколебимость, в поражении – непреклонность, в победе – великодушие, в мире – добрая воля.

* * *

Было бы безмерным преступлением продлить эту войну на один ненужный день. Было бы неизмеримой и безмерной ошибкой заключить мир прежде, чем жизненно важные цели достигнуты.

* * *

Я не говорю, что мы должны вооружиться для того, чтобы вести войну. Я говорю, мы должны вооружиться для того, чтобы вести переговоры.

* * *

Третья мировая война маловероятна... Обе стороны знают, что она началась бы ужасами такого рода и масштаба, какие никогда еще не снились человеческим существам.

* * *

Об опасности ядерной войны:

Темные века могут возвратиться, каменный век может вернуться на мерцающих крыльях науки, и та сила, что сейчас осыпает человечество безмерными материальными благами, может привести его к полному уничтожению.

* * *

Почему война должна быть единственным делом, достаточно большим для того, чтобы воодушевлять великие и свободные страны?

* * *

Сколько войн было предотвращено терпением и доброй волей?

* * *

Каждый умный человек может строить планы, как выиграть войну, если на нем нет ответственности эти планы воплощать.

* * *

На войне гибнут лишь однажды. В политике вас могут убить многожды.

* * *

Наша первая победа в том, чтобы избежать битвы, и вторая, если этого не удалось, в том, чтобы выиграть ее.

* * *

Во время войны продовольственные рационы – альтернатива голоду. В мирное время они могут стать альтернативой изобилию.

* * *

Чем больше я смотрю на воинскую службу, тем больше она нравится мне, однако тем больше я понимаю, что это не мое ремесло.

* * *

Танк был изобретен, чтобы расчищать путь пехоте сквозь пулеметный огонь. Теперь пехоте приходится расчищать путь для танков.

* * *

Разрушая военный деспотизм, я исполняю свой долг перед человечеством. Мне не по нраву правительство, которое держится только на штыках.

* * *

Невозможно управлять войной, как опытом в лаборатории.

* * *

История рода человеческого – война. Помимо кратких и ненадежных промежутков, на Земле никогда не было мира.

* * *

Война ужасна, но рабство хуже.

* * *

О немецкой армии:

Я вижу бездумные, муштрованные, послушные массы гуннского солдатства, расплзающиеся, как рои саранчи.

* * *

... поток статей в газетах, показывающих, как плохо ведется война и как некомпетентны ответственные лица, – все это получает полную огласку.

* * *

Будучи мирной нацией, мы всегда отставали в подготовке к войне. Но мы всегда побеждали.

* * *

Мы целый год сражались против тирании одни, не только из государственных резонов... мы сражались, ибо были проникнуты убеждением, что стоим не только за самих себя, но и за весь мир.

* * *

У каждого британского правительства есть два наивысших обязательства... во-первых, стремиться предотвратить войну. Во-вторых, быть готовым к войне.

* * *

Американцы вступают в эту войну из чувства, не из интереса. Я мог бы изложить очень сильный аргумент о том, что Америке выгодно было бы держаться в стороне.

* * *

О кубино-испанской войне:

Самый достопримечательный факт, кажется, в том, что две армии стреляют друг в друга на протяжении часов, и никто не задет пулей. Кажется, статистика говорит, что во время битвы нужно выпустить 2000 пуль, чтобы убить человека. В случае кубинской войны статисты обнаружат, что 2000 были нужны для того, чтобы промазать в каждого солдата на поле боя.

* * *

Эти малые государства выстояли. Теперь они в безопасности. Их выживание было шатким. Дрожа и шатаясь, но все-таки стоя на ногах, они отразили не только большевистские армии, но и еще более опустошительную большевистскую пропаганду, которая, будучи применена к людям в состоянии нищеты, едва выздоравливающим от конвульсий войны, выглядит очень соблазнительно.

* * *

О бое английского и французского флотов в бухте Мерсэль-Кебир, где военно-морское командование вишистской Франции отказалось выполнить британский ультиматум, направленный на предотвращение попадания французских кораблей под контроль Германии:

Теперь французы дрались в полную силу, впервые с начала войны.

* * *

Буры были наиболее гуманными среди белых людей... Для бура уничтожение жизни белого человека, даже на войне, было скорбным и ужасным событием. Они были самым добросердечным врагом, с которым я когда-либо воевал на четырех континентах, где мне посчастливилось нести военную службу.

* * *

Война никогда не платит дивиденды по вложениям.

* * *

Война не всегда ждет, пока все участники готовы. Иногда она приходит, когда никто не готов. Иногда она приходит, когда одна страна считает себя менее неготовой, чем иные. Или когда одна нация ожидает, что время делает ее не сильнее, а слабее.

* * *

Послушав, что говорят, можно подумать, будто лучший способ выиграть войну это чтобы все страны-участники были представлены на всех военных советах и во всех структурах, и что с каждым нужно консультироваться, прежде чем делать что-либо. На самом деле это вернейший способ проиграть войну.

* * *

Нет большей опасности, чем равенство сил. Если хотите привести дело к войне, создайте такое равновесие, при котором обе стороны думают, что имеют шанс на победу.

* * *

Первое необходимое условие демократического процесса – сохранение мира в Европе. Война смертельна для либерализма. Либерализм есть всемирный антагонист войны.

* * *

Войны Викторианской эпохи были совсем не такие, как Великая война [Первая мировая]. Никто не ожидал быть убитым. В те ушедшие, ветреные дни война для огромного большинства участников была чудной спортивной игрой. Большинству из нас было суждено увидеть войну нового времени. Здесь смерть была обычным ожиданием. Жестокие раны считались счастливым избежанием смерти. Целые взводы были сметаемы стальным вихрем артиллерии и пулеметов. Те, кто выжил, знали, что наверняка погибнут в следующей атаке или в той, что будет после нее.

* * *

Странное наблюдение приходится сделать: без изобретения профессора Хабера[] немцы не смогли бы продолжить войну [Первую мировую] после того, как исчерпали свои изначальные ресурсы нитратов. Изобретение одного этого человека позволило им не только иметь почти неограниченный запас взрывчатых веществ для всех целей, но удовлетворить потребности сельского хозяйства в химикатах. Это примечательный факт, показывающий, сколь неизвестные и случайные инциденты могут двигать судьбами мира в наш век научных открытий.

* * *

На войне я носил свою длинную кавалерийскую саблю хорошо отточенной. В самом-то деле, я ведь выиграл школьный турнир по фехтованию.

* * *

Война – это, главным образом, каталог ошибок.

* * *

Британии и Франции пришлось выбирать – война или бесчестье. Они выбрали бесчестье. Они получают войну.

* * *

Раньше война была жестокой и величественной. Теперь она стала жестокой и убогой. Когда судьба призывает нас к великому служению, она дает нам великую силу.

* * *

Я не думаю, что Советская Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны. Имея дело с союзниками, иногда замечаешь, что они обзавелись собственным мнением.

* * *

О командовании батальоном в Первой мировой войне; Черчилль много раз оказывался под артиллерийским огнем:

На войне Фортуна сбрасывает все вуали и предстает перед вами в наготу. Вы можете пройти с правой стороны какого-то дерева или с левой, и от этого зависит, назначат ли вас командующим армейским корпусом или отошлют домой покалеченным и парализованным на всю жизнь.

* * *

Ничто на войне не случается так, как надо, кроме разве что случайно или по ошибке.

* * *

Хуже, чем идти на войну с союзниками, лишь одно – идти на войну без них.

* * *

Во время войны правда столь ценна, что должна сопровождаться телохранителем лжи. Война – слишком серьезное дело, чтобы доверять ее генералам.

* * *

Давайте запомним свои уроки... Никогда не думайте, что война будет спокойной и легкой, и что те, кто пускается в этот странный вояж, могут измерить приливы и ураганы, с которыми столкнутся. Государственный муж, впадающий в военную лихорадку, должен осознавать: как только дан сигнал к началу, он более уже не господин политических, но раб непредвиденных событий, некомпетентных или самонадеянных генералов, ненадежных союзников, враждебных нейтралов, зловредной фортуны, мерзких сюрпризов, ужасных просчетов... При всей своей уверенности в легкой победе помните, что в мире не случилось бы ни одной войны, если бы другая сторона не думала, что у нее тоже есть шанс.

* * *

Если не можете улыбаться – ухмыляйтесь. Не можете ухмыляться – не показывайтесь солдатам, пока не сможете. Война это игра, в которую играют с улыбкой.

* * *

Я всегда удивлялся, став свидетелем окончания этих двух войн, как трудно людям понять

римскую мудрость: «Щади побежденных, завоевывай гордых»... Современная практика слишком часто была – «Карай побитых, ублажай сильных».

* * *

Гражданское население Германии легко может спастись от жестокостей войны. Все, что ему нужно сделать, это выйти за пределы своих городов, где производятся вооружения, оставить свою работу, уйти в поля и смотреть с расстояния, как горят их дома. Там у них найдется время для созерцания, для медитации и раскаяния. Там они могут вспомнить миллионы русских женщин и детей, которых они согнали со своих мест погибать в снегах, вспомнить массовые казни крестьян и военнопленных...

Там они могут вспомнить, что это гитлеровский режим принес Германии лишения, муки, смерть и разруху. Там они могут понять, что свержение тирана есть первый шаг к освобождению.

* * *

Это война, в глубочайшем своем существе, за то, чтобы на нерушимом камне выстроить права индивида. Это война за то, чтобы воскресить фигуру человека.

* * *

Там, снаружи, бушуют штормы войны и хлещут землю яростными волнами, но внутри наших сердец этим воскресным утром – покой. Наши руки напряжены, но наша совесть спокойна...

Это не вопрос Данцига или Польши. Мы воюем, чтобы спасти целый мир от чумы нацистской тирании. Это не война за господство, за расширение, за материальные блага.

Это не война за то, чтобы лишить какую-либо страну своего места под солнцем.

* * *

Вы спросите, в чем состоит наша политика? Я отвечу – вести войну на море, на земле и в воздухе, со всею силой, какую Бог может дать нам, вести войну против чудовищной тирании, непревзойденной в темном, горьком каталоге человеческих преступлений. Вот в чем состоит наша политика. Вы спросите, какова наша цель? Я отвечу одним словом – победа. Победа любой ценой, победа вопреки всем ужасам, победа, сколь долг и труден ни был бы путь к ней.

* * *

Мирные демократии, имеющие целью обеспечить свободу индивида и благосостояние масс, начинают войну в гораздо менее выгодном состоянии, нежели диктатура, чьей единственной темой была война, подготовка к войне и превращение всего общества в сырье для военной машины.

* * *

Из моих наблюдений наших русских друзей и союзников во время войны я вынес

убеждение, что ничем они не восхищаются так, как силой, и ни к чему не имеют меньше уважения, чем к слабости, особенно слабости военной.

* * *

Большевики одним ударом отняли у России две наибольшие ценности – победу и мир. Победа была в пределах досягаемости, и мир был наибольшим желанием России. И то и то другое было у нее отнято. Победа была превращена в поражение. Что же касается мира, жизнь России стала с приходом большевиков одной непрерывной мучительной войной.

* * *

Война – тяжелая школа, но британцы, раз уж их принудили туда идти, делаются внимательными учениками.

* * *

Народы, павшие с оружием в руках, поднимались снова. Но с теми, которые сдались кротко, все кончено.

* * *

Историю пишут победители.

* * *

О, вы можете взять самого храбрейшего моряка, самого отважного летчика, самого дерзкого солдата и посадить их за стол вместе. Что вы получите? Общую сумму их страхов.

* * *

Не будет ли создана бомба размером с апельсин, вмещающая в себе огромную тайную силу, <...> способная смести небольшой город одним ударом? Бомба, направляемая автоматически в летательной машине радиолучами или лучами иного рода, без пилота? (1924).

* * *

Предрекая ядерное сдерживание времен «холодной войны»:

Может статься, что мы, по блистательной иронии, придем к такой стадии во всех этих событиях, где безопасность будет жизнестойким ребенком ужаса и выживание братом-близнецом уничтожения.

* * *

Басня о разоружении в зоопарке:

Дабы никого не обидеть, я обращусь к аллегории. Однажды все животные в зоопарке решили, что им следует разоружиться, и устроили конференцию по разоружению. И вот

Носорог, открывая собрание, изрек, что применение зубов суть жуткое варварство и должно быть строго запрещено по всеобщему согласию. Рога же являются оружием защиты и поэтому будут дозволены. Бык, Олень, Дикобраз и даже маленький Ежик заявили намерение голосовать вместе с Носорогом. Но Лев и Тигр предложили иной подход. Они высказались в пользу клыков и даже когтей, которые они называли древним и благородным рыцарским оружием. Пантера, Леопард, Пума и вся фракция диких кошек стали на сторону Льва и Тигра. Потом заговорил Медведь. Он предложил запретить как рога, так и зубы и никогда больше не использовать этих орудий в борьбе. Всякий спор лучше разрешить дружеским объятием. Ведь это так по-братски, обниматься, и это будет огромным шагом к достижению мира. Однако же другие животные были этим предложением оскорблены, а Индейка [по англ. Индейка – Turkey, так же, как Турция] впала в полную панику. Спор стал чрезвычайно горячим, и все животные, рассуждая о клыках, рогах и объятиях, принялись доказывать свои мирные намерения с большой злостью, обмениваясь весьма зловещими взглядами. К счастью, посетители зоопарка сумели убедить животных мирно разойтись по клеткам, и, находясь там, звери вскоре снова почувствовали друг к другу большую симпатию.

* * *

Когда выигрываешь войну, все, что происходит, может быть приписано твоей мудрости. Медаль блестит, но также отбрасывает тень.

* * *

Прежде, чем соберут урожай, мы будем в состоянии войны (23 августа 1939 г.).

* * *

Уместно изложить принципы английской политики в отношении Европы, которых я придерживался в течение многих лет и все еще продолжаю придерживаться. Я не мог лучше изложить их, чем я сделал это на заседании консервативных членов комиссии по иностранным делам, которые пригласили меня выступить перед ними на закрытом заседании в конце марта 1936 года. «На протяжении 400 лет внешняя политика Англии состояла в том, чтобы противостоять сильнейшей, самой агрессивной, самой влиятельной державе на континенте и, в частности, не допустить захвата такой державой Бельгии, Голландии и Люксембурга. Если подойти к вопросу с точки зрения истории, то эту четырехсотлетнюю неизменность цели на фоне бесконечной смены имен и событий, обстоятельств и условий следует отнести к самым примечательным явлениям, которые когда-либо имели место в жизни какой-либо расы, страны, государства или народа. Более того, во всех случаях Англия шла самым трудным путем. При столкновениях с Филиппом II Испанским, с Людовиком XIV, с Наполеоном, а затем с Вильгельмом II ей было бы легко и, безусловно, весьма соблазнительно присоединиться к сильнейшему и разделить с ним плоды его завоеваний. Однако мы всегда выбирали более трудный путь, объединялись с менее сильными державами, создавали из них коалицию и, таким образом, наносили поражение и срывали планы континентального военного тирана, кем бы он ни был, во главе какой бы страны ни стоял. Заметьте, что политика Англии совершенно не считается с тем, какая именно страна стремится к господству в Европе. Дело не в том, Испания ли это, французская монархия, Французская империя, Германская империя или гитлеровский режим. Ей безразлично, о каких правителях или странах идет речь; ее интересует лишь то, кто

является самым сильным тираном или кто может превратиться в такого тирана. В связи с этим встает вопрос: какая держава в Европе является сейчас сильнейшей и кто стремится установить свое деспотическое господство? Сегодня, в нынешнем году, по-видимому, на известный период 1937 года французская армия – сильнейшая в Европе. Но никто не боится Франции. Все знают, что Франция хочет, чтобы ее не трогали, и что она стремится только к самосохранению. Все знают, что французы мирно настроены и охвачены страхом. В то же время это храбрые, решительные, миролюбивые люди, которых гнетет чувство тревоги. Это либеральная страна, имеющая свободные парламентские институты. Германия же никого не боится. Она вооружается в масштабах, еще невиданных в истории этой страны. Во главе ее стоит кучка торжествующих головорезов. При правлении этих деспотов денег не хватает, недовольство растет. Очень скоро им придется сделать выбор между экономическим и финансовым крахом или внутренним переворотом, с одной стороны, и войной, у которой не может быть иной цели и которая, если она успешно закончится, не может иметь иного результата, кроме германизации Европы под нацистским контролем, с другой. Поэтому мне кажется, что сейчас снова создались все прежние условия и что наше национальное спасение зависит от того, удастся ли вновь собрать все силы Европы, чтобы сдержать, ограничить и, если необходимо, расстроить планы установления германского господства. Наш долг – в первую очередь заботиться о жизни и способности Британской империи к сопротивлению, а также о величии нашего острова и не предаваться иллюзиям, мечтая об идеальном мире, который означает лишь, что вместо нас контроль установила бы другая, худшая сила и что в будущем руководство принадлежало бы ей. Мои три основных положения состоят в следующем. Во-первых, мы должны оказать сопротивление претенденту на роль властелина или потенциальному агрессору. Во-вторых, Германия при ее нынешнем нацистском режиме, с ее громадными вооружениями, созданными с такой быстротой, несомненно, играет эту роль. В-третьих, Лига Наций самым действенным образом спланирует многие страны и объединяет наш собственный народ, позволяя обуздать возможного агрессора. Прежде всего мы должны учитывать нашу действительную связь с Францией. Это не означает, что мы должны создать излишне враждебное отношение к Германии. Наш долг и наши интересы требуют, чтобы мы не допускали накаливания отношений между этими двумя странами. Нам это будет нетрудно в той мере, в какой это касается Франции. Подобно нам, это – парламентарная демократия, сильно настроенная против войны, и, подобно нам, сталкивающаяся с серьезными трудностями при подготовке своей обороны. Поэтому, говорю я, мы должны считать наш оборонительный союз с Францией основой всего. Все остальное мы должны подчинить этому факту теперь, когда наступили такие трудные и опасные времена. Самое главное – это решить, в каком направлении следует идти. Я лично стою за вооруженную Лигу всех наций или стольких наций, сколько удастся привлечь к этому, Лигу, противостоящую потенциальному агрессору, причем основой этой Лиги должны быть Англия и Франция».

* * *

Никто в жизни не дает такой пьянящей радости, как люди, стреляющие в вас безрезультатно.

* * *

Военнопленный это тот, кто пытался вас убить и не смог, а теперь просит вас не убивать.

* * *

Мне нравятся люди, которые усмеваются в драке.

* * *

О начале битвы при Омдурмане, в которой Черчилль участвовал в качестве кавалериста:

Усталость похода, насекомые, неудобства – все было забыто. Мы «вошли в соприкосновение» с врагом, а это славное состояние бытия, ибо оно покрывает все черты жизни ярким, живящим возбуждением, которое превосходит все удовольствия искусства, интеллекта или любви.

* * *

О битве при Аламейне, ноябрь 1942 г.:

До Аламейна у нас не было побед. После Аламейна у нас не было поражений.

* * *

Авиация – это кавалерия современных войн.

* * *

О Первой мировой войне:

Проиграть – значит быть поработленным или, в самом лучшем случае, быть уничтоженным.

О России и русских

Я убежден, что британский, американский и российский народы, перенесшие неисчислимые убытки, опасности и кровопролития дважды за четверть столетия из-за тевтонского стремления к господству, предпримут в этот раз шаги, делающие невозможным для Пруссии и всей Германии атаковать их снова, с мстительной силой.

* * *

Финляндия – превосходная, нет, бесподобная – в пасти опасности, Финляндия показывает, на что способны свободные люди. Финляндия великолепно послужила человечеству.

Она выставила на обозрение всего мира слабость Красной армии и советской авиации. Многие иллюзии о Советской России были развеяны в эти несколько недель свирепых боев в Арктике.

* * *

Мы не желаем никаких большевистских экспериментов в нашем доме. Какие-либо эксперименты подобного рода привели бы к уничтожению большинства населения наших островов. Мы можем, во всяком случае, сделать невозможным, чтобы смертельная болезнь,

сразившая Россию, перескочила в нашу страну и отравила ее.

* * *

Я берусь утверждать, что все эти бедствия в России происходят единственно от большевиков – революционной секты жестоких фанатиков, чьи губительные доктрины разрушили Россию и разрушат всякую страну, где возымеют господство.

* * *

Мне не известно ни одно правительство, которое исполняет взятые на себя обязательства столь же твердо, пусть даже себе в ущерб, как правительство Советской России.

* * *

Что мы можем сделать, чтобы помочь России? Нет ничего, чего бы мы ни сделали. Если жертва тысяч британских жизней может перевесить чашу весов, наши соотечественники не дрогнут.

* * *

Наихудшим злостью русских было рождение Ленина. Вторым их наихудшим злостью была его смерть.

* * *

В письме генералу Эйзенхауэру, 1945:

Чрезвычайно важно, чтобы наше рукопожатие с русскими состоялось как можно восточнее.

* * *

У русских большевиков нет ни одного социального принципа и философского концепта, который не был бы воплощен в жизнь и претворен в неизменные законы термитами миллион лет назад.

* * *

Унылые, убогие фигуры русских большевиков не искупают своей скудности даже величиной своих преступлений. Вся форма, вся эмфаза сникает в огромном процессе азиатского разжижения.

* * *

Русские всех классов участвовали в революции. Ни один класс не пожал плодов ее.

* * *

Русские армии сделали главную работу по части выпуска кишок германской армии.

В воздухе и в океане мы могли держать свои позиции, но никакая сила в мире, если не считать того, что могло быть создано за несколько лет, не была способна истрепать и сломать германскую армию, помимо русских советских армий.

* * *

Было бы безмерной катастрофой, если бы русское варварство покрыло собою культуру и независимость древних государств Европы.

* * *

О расколе Европы между советским и западным блоками после Второй мировой войны, 1955:

В Европе, в некотором смысле, восстановлена граница монгольского завоевания XIII века.

* * *

Троцкий поднял бедных против богатых. Он поднял нищих против бедных. Он поднял преступников против нищих... Он дошел до самого твердого дна. Ниже коммунистующего криминала ничего не нашлось. Тщетно смотрел он на диких животных. Обезьяны не сумели оценить его красноречия. Троцкий не смог мобилизовать волков.

* * *

В ответ на тост Сталина, Москва, 1944:

Я всегда считал и продолжаю считать, что именно Красная армия вырвала кишки из грязных нацистов.

* * *

Аллюзия к «делу врачей» в СССР:

Думаю, Сталину было не до встречи со мной. Мы бы тоже почувствовали очень большую озабоченность, если бы столь многие из наших лучших врачей были обвинены в отравлении столь многих из наших лучших политиков.

О себе

Мои вкусы просты. Я легко довольствуюсь наилучшим.

* * *

Каждый вечер я устраиваю себе трибунал. Предмет расследования – был ли я достаточно эффективен сегодня.

* * *

Что касается меня, я оптимист. Не вижу проку быть кем-либо еще.

* * *

История будет добра ко мне, ибо я намерен сам ее писать.

* * *

Он шел по моим следам еще до того, как я их оставил... Это был бессознательный предвосхищающий плагиат.

* * *

Я всегда избегаю пророчествовать о будущем, гораздо лучше пророчествовать о прошлом.

* * *

Если я принес какую-то пользу людям, это никогда не было через самопринуждение, но всегда через самовыражение.

* * *

Сегодня я намерен произнести долгую речь. У меня не было времени приготовить краткую.

* * *

Я никогда не тревожусь по поводу своих действий, я беспокоюсь лишь из-за бездействия. Одни меняют партию ради принципов, другие – принципы ради партии.

* * *

Я взял от алкоголя больше, чем он взял от меня.

* * *

Никто не может сказать, что я хоть раз пропустил возможность оценить достоинства алкоголя.

* * *

Моя совесть – хорошая девочка. Я наладил с ней отношения.

* * *

Если уж это будет мир порока и скорби, то я возьму себе порок, а вы берите скорбь.

Дешевая популярность может оказаться дорого купленной.

* * *

В Блэкхайме я принял два очень важных решения – родиться и жениться. Я вполне доволен ими обоими.

* * *

Я в своей жизни больше сконцентрировался на самовыражении, чем на самоотказе.

* * *

В каждый свой год в палате общин я говорил себе одну вещь – «Не перебивай», но никогда не мог исполнить этой установки.

* * *

У него были все ненавистные мне добродетели и ни одного восхищающего меня порока. В моем возрасте я уже не могу позволить себе плохо себя чувствовать.

* * *

Все мы насекомые. И я, мне кажется, – светлячок.

* * *

Я люблю свиней. Собаки смотрят на нас снизу вверх, кошки – сверху вниз. Лишь свинья смотрят на нас как на равных.

* * *

Лучше всего я чувствую себя в XVIII веке.

* * *

Если бы я уважал мнение distinguished члена парламента, я бы рассердился.

* * *

Всегда готовый к мученичеству, я предпочитал, чтобы его отсрочили.

* * *

Проглотив свои слова, я никогда не страдал несварением желудка.

* * *

Я всегда готов учиться, хотя не всегда люблю быть поучаем.

* * *

Физзарядкой я занимаюсь, участвуя в процедурах выноса гроба своих знакомых сторонников здорового образа жизни, увлекавшихся бегом и гимнастикой.

* * *

Если я сегодня популярен среди моих сограждан, то это уж точно не потому, что я соглашался с общественным мнением в недавние годы. Есть лишь один путь – пытаться знать правду и говорить правду.

* * *

Там, где мое мышление, воображение или интерес не были затронуты, я был не в настроении или не в состоянии учиться.

* * *

Непунктуальность – мерзкая привычка, и всю свою жизнь я пытался избавиться от нее. Мы будем давать пощаду, но не будем просить ее.

* * *

Я дитя палаты общин. Я был воспитан в доме своего отца с верой в демократию.

* * *

Мое представление о хорошем ужине – это чтобы сначала была хорошая еда, потом хорошая дискуссия о хорошей еде, и после того, как эта хорошая еда будет тщательно обсуждена, была хорошая дискуссия на хорошую тему, а я был главным собеседником.

* * *

Конечно же, я эгоист. Как далеко вы уйдете, если не будете им?

* * *

Ненависть – плохой наставник. Я никогда не считал себя умелым ненавистником, хотя, признаюсь, ненависть порой подшпоривала мою драчливость.

* * *

Под материальным благосостоянием я понимаю не только достаток, но и досуг.

* * *

Пенициллин вылечил Черчилля от тяжелой, вероятно смертельной, пневмонии в 1943 г.

Нам бы следовало иметь агиологию медицины и дни всяческих святых в память о великих открытиях, сделанных во благо всего человечества. Праздничный день для почитания св. Анестезии, день чистого непорочного св. Антисептика... и, будь у меня слово в этом деле, я считал себя обязанным почитать св. Пенициллина.

* * *

Если бы я не мог быть дирижером в оркестре, я был бы литаврами.

* * *

Всю свою жизнь я желал быть властелином устного слова.

* * *

Я уж точно не из тех, кого надо пришпоривать. Фактически, я сам шпора. Трудности мои в том, чтобы находить терпение и сдерживать себя, многими беспокойными неделями ожидая результата.

* * *

Если я остаюсь в политике, неся груз моего возраста, это не потому, что я люблю власть и ее кабинеты. У меня было достаточно власти. Если я остаюсь, это потому, что мне кажется, что у меня есть влияние на то, о чем я забочусь больше всего – обеспечение надежного и долгого мира.

* * *

Покой? Нет ничего покойнее могилы. Я никогда не заточу себя в такую моральную и интеллектуальную гробницу.

* * *

Будь моя воля, я написал бы слово «застрахуйтесь» на каждой двери, в каждой записной книжке.

* * *

Я делаю различия между различными ошибками. Есть ошибки, происходящие из дерзости, такие я называю «ошибки к врагу». Здесь вам следует поддерживать ваших командиров. Есть ошибки, происходящие из принципа «безопасность прежде всего», «ошибки от врага». Такие требуют гораздо более критического рассмотрения.

* * *

Я никогда не курю до завтрака.

* * *

О трансатлантических вояжах:

В первый день плавания желудок ваш так расстроен, что вы не выходите из каюты. Во второй день вы начинаете неуверенно передвигаться и отправляетесь в поход к борту. В третий день, когда вы уже в порядке и готовы к романтике, корабль швартуется в док.

* * *

Отказываясь принять королевскую награду после поражения на выборах в 1945 г.:

Как могу я принять орден Гартера, если народ Англии только что выдал мне орден Сапога?

* * *

Я сделался защитником наибольшей свободы дебатов, пусть даже они приводят к резким столкновениям и острым словам.

* * *

Когда я попаду на небеса, я намерен провести большую часть первого миллиона лет за рисованием.

* * *

Письмо, оставленное Черчиллем министру обороны Южно-Африканской Республики де Соуза:

«Сэр, я имею честь уведомить Вас, что, поскольку я считаю, что у вашего правительства нет никакого права удерживать меня в качестве военнопленного, я решил сбежать из-под вашего ареста... Понимая, что мне больше не представится случай увидеться с Вами в этих обстоятельствах, я использую эту возможность донести до Вас, что считаю ваше обращение с военнопленными правильным и гуманным и что я не вижу оснований жаловаться на него. Возвратившись в распоряжение британских частей, я сделаю публичное заявление об этом.

Я должен также поблагодарить Вас лично за Вашу вежливость ко мне и выразить надежду, что мы встретимся снова в Претории при других обстоятельствах. С сожалением, что не могу попрощаться с Вами более церемониальным образом, Имею честь быть вашим самым покорным слугой,

Уинстон Черчилль.

1899, 10 декабря, Претория.

* * *

Черчилль, оказавшись вне правительства после Второй мировой войны, занялся разведением скаковых лошадей.

Разводить лошадей? Чтобы сказали, что премьер-министр Великобритании живет на аморальный доход, заработанный лошадьёю?

* * *

В письме к британскому генералу Джону Френчу, 1915:

И прежде всего, друг мой, не будьте раздражены или унылы. Мы находимся на сцене истории.

* * *

При просмотре кинокадров разрушений в германских городах, причиненных англо-американскими бомбардировками:

Ужели мы звери? Заходим ли мы слишком далеко?

* * *

Мое необъятное уважение к Создателю этой вселенной и бесчисленных других заставляет меня верить, что Он не отправит человека в ад без судебного слушания дела. И где бы ни был этот суд, он будет в согласии с принципами английского общего права. Я обойдусь без суда присяжных, но не без habeas corpus.

* * *

Возможно, последнее известное высказывание Черчилля, сделанное им за несколько дней до смерти в январе 1965 года, в возрасте 90 лет:

Это было большое путешествие, весьма стоящее того, чтобы предпринять его – однажды.

О людях

О премьер-министре Стэнли Болдуине, которого Черчилль упрекал в неадекватной реакции на вооружение Германии в 1930-х гг.:

Он не лучше, чем труп-эпилептик.

* * *

О Клементе Эттли:

Овца в овечьей шкуре.

* * *

О Клементе Эттли:

Он скромный человек, и у него есть на то все основания.

* * *

О смерти Ричарда Молинэ, сослуживца Черчилля в Судане, который в 1898 году был

ранен в битве при Омдурмане и получил трансплантат кожи Черчилля:

Он понесет с собой кусок моей кожи, нечто вроде разведывательной экспедиции в мир иной.

* * *

О Шарле де Голле:

Он похож на самку ламы, которую застали во время купания.

* * *

Обращено к Бенито Муссолини, пресс-конференция в Риме:

Будь я итальянцем, я, конечно же, был бы всецело с вами от начала и до конца вашей победной борьбы против звериных страстей и appetitов ленинизма... Ваше движение оказало услугу всему миру.

* * *

Из письма Эйзенхауэру, где Черчилль советует избегать вторжения в Китай:

Защищайте Чан Кайши щитом, но не мечом.

* * *

О матери:

Она сияла мне, как Вечерняя звезда. Я любил ее нежно – но на расстоянии.

* * *

Об отце:

После этого у меня было с ним три или четыре длинных задушевных разговора, и это все, чем я могу похвалиться.

* * *

Лорд Розбери пережил свое будущее на десять лет, а свое прошлое на двадцать.

* * *

Для Марка Кларка и Беделла Смита я ввел титулы Американского Орла и Американского Бульдога. Достаточно посмотреть на их фотографии, чтобы понять почему.

* * *

О Ремси Макдональде, британском политике, премьер-министре в 1931–1935 гг.:

В детстве, когда я ходил в цирк, там была выставка уродцев, и мне всегда хотелось посмотреть представление человека, прозванного Чудом без костей. Родители мои тогда рассудили, что это было бы слишком отвратительно и деморализующе для моих юных глаз. Я

ждал 50 лет, чтобы увидеть Чудо без костей сидящим в кресле казначейства.

* * *

Из выступления Черчилля на церемонии вручения ему Нобелевской премии по литературе:

Замечу, что первым англичанином, получившим Нобелевскую премию по литературе, был Редьярд Киплинг, и ту же премию получил мистер Бернард Шоу... Я довольно хорошо знал их обоих, и мысли мои были в согласии больше с мистером Киплингом, нежели мистером Шоу. С другой стороны, сам я никогда много не присутствовал в мыслях мистера Редьярда Киплинга, а мистер Бернард Шоу, напротив, высказывался обо мне в самых лестных выражениях.

* * *

О Второй мировой войне:

Однажды президент Рузвельт сказал мне, что ищет у людей советов относительно названия этой войны. Я сейчас же ответил – «Ненужная война».

* * *

О Филиппе Сноудене, лейбористском канцлере казначейства:

Не приложив ни малейших усилий к созданию бюджетного профицита, он волею судьбы теперь поставлен распоряжаться им.

* * *

О Фредерике Смите, графе Биркенхедском (1872–1930), британском государственном деятеле от Консервативной партии:

В нем была двойная доза человеческой природы. Он зажигал все свои свечи с обоих концов.

* * *

Болдуин думал, что Европа – это скучно, Чемберлен думал, что это только большой Бирмингем.

* * *

О Льве Троцком во время его изгнания:

Он просил защиты у цивилизации, которую всю жизнь пытался уничтожить.

* * *

Троцкому, должно быть, трудно угодить.

Ему не нравился царь, и он убил его и его семью.

Ему не нравилось имперское правительство, и он взорвал его.

Ему не нравился либерализм Гучкова и Милюкова, и он сверг их.

Ему был несносен отход от радикализма Керенского и Савинкова, и он отобрал у них

власть.

* * *

Диктатура пролетариата значила для него быть диктатором от имени пролетариев. «Трудящиеся массы», «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», евангелие от Маркса, «Союз Советских Социалистических Республик» и т. д. для него прекрасно укладывалось в одно слово – Троцкий.

* * *

Вероятно, Троцкий никогда не понимал марксистскую идею; но марксистский военный учебник он изучил непревзойденно.

* * *

О Льве Троцком:

Ему мало было разрушить государство, он хотел сам управлять руинами.

* * *

Германский молот пробил фронт, а Ленин взорвал тыл.

* * *

О Борисе Савинкове (1879–1925), одном из лидеров партии эсеров, организаторе ряда политических убийств, позже члене Временного правительства:

Все дороги были бы ему открыты, родился он в Британии, во Франции, в Соединенных Штатах, в Скандинавии, в Швейцарии. Сотня счастливых карьер была бы ему доступна. Но в России с таким умом и с такой волей жизнь была мучительным восхождением к мучительной смерти.

* * *

Адресовано Ллойд Джорджу, который отправлялся на корабле в Россию для переговоров во время Первой мировой войны:

Смотрите, не будьте торпедированы, иначе ваши коллеги меня съедят.

* * *

О Тегеранской конференции, 1943:

Я напомнил двум своим великим товарищам [Сталину и Рузвельту] более чем однажды, что я был единственным из нашей троицы, кто мог в любое время быть отстранен от власти голосованием парламента, свободно избранного всеобщим избирательным правом, и что меня ежедневно контролировал кабинет министров, представляющий все партии в государстве. Сталин и Рузвельт могли приказывать; мне приходилось убеждать. Я рад, что так и было.

Часть II

Черчилль всерьез

Речь премьер-министра Черчилля в Палате общин («Мы будем драться на побережье») – 4 июня 1940 г

Перевод: Ann Revniltseva Mike Revniltsev

Положение британских экспедиционных сил стало критическим. Однако благодаря грамотно проведенному отступлению и ошибкам со стороны Германии, основная часть британских войск отошла к Дюнкеркскому плацдарму. Опасность, которой подвергается Британская нация, теперь открылась ясно и отчетливо. 26 мая началась «Операция Динамо» – началась эвакуация из Дюнкерка. На море сохранялось абсолютное спокойствие. Королевские Военно– Воздушные Силы – на которые в последнее время очень роптала армия – неистово боролись против превосходящих сил противника, грозящих сорвать операцию. Вначале операции были надежды, что удастся эвакуировать 45.000 человек; однако, по окончании эвакуации оказалось, что более 338.000 союзных войск достигли Англии, включая 26.000 французских солдат. 4 июня Черчилль докладывал Палате Общин, пытаясь определить степень национальной эйфории и облегчения от такого неожиданного спасения, а также для того, чтобы открыто обратиться за помощью к Соединенным Штатам.

4 июня 1940 г.

Палата общин.

С того момента как французская оборона у Седана и Меца была прорвана к концу второй недели мая, только безотлагательное отступление к Амьену и на юг могло стать единственным спасением для Британской и Французской Армий, которые, выступив по просьбе Бельгийского короля, вошли в Бельгию; но этот стратегический факт не был сразу осознан. Французское Главное Командование надеялось, что можно будет закрыть образовавшуюся брешь, и что северные армии до сих пор хорошо управляемы. Кроме того, такого рода отступление, наверняка, повлекло бы за собой уничтожение всей Бельгийской Армии, состоящей более чем из 20 дивизий, и потерю всей Бельгии. Таким образом, когда мощь и замыслы немецкого продвижения стали ясны, и когда новый Французский Генералиссимус, генерал Веиганд принял командование и занял место генерала Гамелена, Французской и Британской Армиями была предпринята попытка помочь бельгийцам и в тоже время дожидаться помощи от новой Французской Армии, которая должна была выступить через Сомме.

Однако, немецкий прорыв прорезал как острая коса правый фланг и тыл северных частей армий. Восемь или девять бронетанковых дивизий, в каждой из которых было около четырех сотен разного рода бронированной техники, тщательно подобранных, чтобы они могли быть дополняемы и делимы на более мелкие самостоятельные части, перерезали все коммуникационные линии между нами и основными французскими силами. Таким образом были разрушены наши коммуникации для поставки провизии и боеприпасов, которые в первую очередь шли в Амьен, далее через Аббевилль, и затем вдоль побережья – в Булонь и Кале, и так почти до Дюнкерка. За этой бешеной атакой техники шло несколько немецких моторизованных дивизий, а за ними относительно медленно брела тупая грубая масса обычной немецкой армии

и немецкого народа, которые всегда готовы к тому, чтобы его вели протаптывать дорогу в новые страны, где царит свобода и покой, которых они никогда не знали.

Я сказал, этот удар бронированной косы почти достиг Дюнкерка – почти, но не совсем. Булонь и Кале были местами отчаянных сражений. Защитники оставили Булонь только подчинившись приказам. Стрелковая бригада, 60-е стрелки, стрелки Королевы Виктории с батальоном британских танков и 1.000 французских воинов, все вместе – около четырех тысяч, защищали Кале до последнего. Британскому бригадному генералу дали час, чтобы сдаться. Но он с презрением отверг предложение, и прошло четыре дня напряженных уличных сражений, прежде чем воцарилась тишина, которая ознаменовала конец беспримерного сопротивления. Только 30 оставшихся бойцов были подобраны Военно-Морским флотом и мы не знаем судьбы их товарищей. Однако, их самопожертвование было не напрасным. По крайней мере две танковые дивизии, которые иначе были бы брошены против Британских Экспедиционных Войск, должны были быть отправлены, чтобы победить их. Была написана еще одна страница славы пехотных дивизий, а выигранное время позволило французским войскам удержать Гравелен.

Таким образом оказалось, что порт Дюнкерка остался открыт. Когда стало ясно, что невозможно восстановить проход к Амьену основных французских армий, остался единственный выход. На самом деле, казавшийся невозможным. Бельгийские, Британские и Французские Армии были практически окружены. Единственное возможное отступление – к одному порту и его побережью. Со всех сторон давили мощные атаки и самые страшные – с неба.

Когда, теперь уже две недели назад, я попросил организовать собрание Палаты сегодня, я боялся этого жребия объявить самую страшную военную катастрофу, которая когда-либо происходила в нашей долгой истории. Я полагал и некоторые соглашались со мной – что, возможно, 20 000 или 30 000 солдат должны будут принять участие в военных действиях. Казалось несомненным, что иначе вся Французская Первая Армия и все Британские Экспедиционные Войска к северу от линии Амьенс-Аббевилль либо будут разбиты в сражениях либо будут вынуждены сдаться из-за нехватки продовольствия и боеприпасов. Это тяжелые и мрачные известия, к которым я неделю назад призывал приготовить Палату и народ. Все: олов, сердце, цвет Британской Армии, на чем и вокруг чего мы должны были создать и создавали в последние годы наши вооруженные силы, казалось недалеко от смерти на полях или к сдаче в постыдный и изнурительный плен. Таковы были перспективы неделю назад. Но еще один удар, который можно было считать смертельным, обрушился на нас.

Король бельгийцев призвал нас придти к нему на помощь. Если бы этот правитель и его правительство активно сотрудничало с Союзниками, с теми, кто избавил их страну от гибели в прошлой войне, и не искали бы спасения в том, что оказалось фатальным бездействием, Французская и Британская Армии могли благополучно еще в самом начале событий спасти не только Бельгию, но, возможно, даже Польшу. Но даже в последний момент, когда Бельгия уже подверглась нападению, и Король Леопольд призвал нас оказать помощь, даже в последний момент мы пришли. Он и его храбрая и хорошо подготовленная Армия, которая составляет около полумиллиона, охраняла наш левый фланг и, таким образом, держала прикрывала наш единственный путь отступления к морю. Неожиданно, без каких-либо предупреждений, руководствуясь не советом своих Министров, а своими личными соображениями, он сдал полномочия Немецкому Командованию, предал свою Армию, и оставил незащищенным весь наш фланг и наши пути к отступлению.

Неделю назад я просил Палату воздержаться от окончательных оценок, потому что не все было до конца ясно, но теперь я считаю, что мы должны подвести итоги в этом печальном

эпизоде. Капитуляция Бельгийской Армии вынудила Британцев, как можно скорее закрывать своим флангом проход к морю длиной более 30 миль. Иначе всё было бы кончено и все мы бы разделили бы судьбу, к которой приговорил Король Леопольд самую сильную армию, которую когда-либо создавала его страна. Таким образом, каждый, кто проследит ход операции по карте увидит, что был потерян контакт между Британцами и двумя из трех корпусов, составляющих Первую Французскую Армию, которые были еще дальше от берега, чем мы; и казалось невозможным, что кто-нибудь еще из Союзнических войск сможет добраться до побережья.

Враг атаковал мощно и свирепо со всех сторон, и его основная сила – сила численно превосходящих Военно-Воздушных Сил, была брошена в бой, а также направлена на Дюнкерк и на побережье. Концентрируя свою мощь на узкой линии отхода к морю, с востока и с запада, противник открыл артиллерийский огонь по берегу, единственно к которому могли подходить и уходить корабли. Они напичкали магнитными минами каналы и моря; посылали волны бомбардировочной авиации, используя иногда более сотни в каждом налете, чтобы сбрасывать свои бомбы на единственный оставшийся пирс, и на песчаные дюны, в которых укрывались войска. Их подводные лодки, одна из которых была потоплена, и моторные суда собирали свою смертельную дань с огромного количества отплывающих спасательных кораблей. В течение четырех-пяти дней продолжалось напряженное сражение. Все их бронетанковые дивизии – или то, что от них осталось – с огромным количеством пехоты и артиллерии, тщетно бросались на все сужающийся и уменьшающийся участок, где боролись Британские и Французские Армии.

Там временем, военно-морские силы Великобритании, с помощью бесчисленного количества торговых моряков, из всех сил старались помочь посадить на корабли Британские войска и войска Союзников; 220 легких эсминцев и 650 другого рода кораблей были задействованы. Они вынуждены были работать у трудного побережья, часто при плохой погоде, под почти непрекращающимися бомбовыми атаками и под все увеличивающимся артиллерийским огнем. Кроме того, само море, как я уже сказал, не было свободным от мин и торпед. И в таких условиях они держались, без отдыха или отдыхая совсем немного, дни и ночи напролет, выполняя рейс за рейсом через смертельные воды, каждый раз привозя спасенных солдат. Количество людей, которых они вернули на Остров, – это мерило их преданности и храбрости. Санитарные корабли, которые переправляли многие тысячи Британских и Французских раненых, явно выделяясь, представляли собой особую цель для нацистских бомб; но мужчины и женщины на борту этих кораблей ни одно мгновение не колебались, выполняя свой долг.

Между тем, Королевские Военно-Воздушные Силы, давно уже вступившие в бой своими континентальными силами, в той степени в какой позволяла досягаемость с баз, подключили часть основных сил истребительной авиации метрополии, и сражались с немецкими бомбардировщиками и с огромным числом истребителей, которые защищали их. Это было затяжное и свирепое сражение. И вдруг поле битвы просветлело, грохот и шум на мгновение – только на мгновение – стих. Чудо избавления, достигнутое доблестью, упорством, блестящей дисциплиной, безупречной службой, находчивостью, мастерством, непобедимой преданностью, является доказательством нам всем. Плохое управление немецких войск привело к тому, что они даже не смогли серьезно помешать эвакуации. Королевские Военно-Воздушные Силы сковали большую часть немецких Воздушных Сил, и нанесли удар, принесший противнику потерь по крайней мере четыре к одному; Военно-морской Флот, используя около 1000 кораблей всех видов, спасли более 335 000 Британских и Французских военных из пасти смерти и позора на их родную землю, к делам, которые их еще ожидают. Конечно, мы не должны характеризовать это спасение как победу. Войны не выигрываются эвакуациями. Но надо отметить, что в самом этом спасении действительно есть победа. Эта победа

Военно-Воздушных Сил. Многие наши солдаты, возвращаясь, не видели Воздушные Силы в действии; они видели только немецкие бомбардировщики, которым удалось уйти от атак наших истребителей. И поэтому они недооценивают достижения наших летчиков. Я слышал много разговоров об этом. И поэтому я хочу сделать небольшое отступление.

Это было великое испытание сил Британских и Немецких Воздушных ВВС. Можете ли вы представить себе большую задачу для немцев в воздухе, чем сделать эвакуацию с этих берегов невозможной, и потопить все корабли, которые только они смогут обнаружить, т. е. сотни? Могла ли тогда быть задача большей военной важности и значения, чем эта? Они старались изо всех сил, но встретили отпор; и их планы были сорваны. Мы вытащили Армию, а они заплатили четырехкратно за любую нашу потерю. Огромное количество немецких самолетов – а мы знаем, что немцы весьма храбрая раса – отворачивало назад, атакуемые вчетверо меньшими силами Королевских ВВС. За двенадцатью самолетами охотились двое. Один самолет противника вышел из боя от одной лишь демонстрации атаки нашим самолетом, у которого уже не было боеприпасов. Все типы наших самолетов – Харрикейн, Спитфайр и новый Дефиант – и все наши летчики доказали, что они сильнее, чем все те противники, с которыми им пришлось сталкиваться до сих пор.

Когда мы учтем, на сколько большим станет наше преимущество, когда мы будем защищать небо над Британией против атак с моря, я должен сказать, что нахожу эти обстоятельства прочной основой, на которую мы можем уверенно рассчитывать. Я отдаю должное нашим молодым летчикам. Французская Армия была в это время сильно отброшена назад натиском нескольких тысяч танков. Не может ли так случиться, что дело всей цивилизации будут защищать своим мастерством и преданностью несколько тысяч летчиков? Никогда не было, я полагаю, во всем мире, во всей военной истории, такой возможности у молодежи. Рыцари Круглого Стола, Крестоносцы, все уходит в прошлое – и не только потому, что прошло много веков. Эти молодые люди, которые вылетают с каждым рассветом защищать свою родную землю и все, за что мы боремся, держат в своих руках машины колоссальной разрушительной силы. О них можно сказать: Каждый рассвет приносил благородный шанс И каждая возможность звала благородного рыцаря Они заслуживают нашей признательности, как и все храбрые воины, которые, были и будут готовы отдать все, и в том числе свою жизнь, за Родину.

Возвращаясь к Армии. В длинной череде крайне лютых битв, сражаясь на трех фронтах сразу, две-три дивизии вели бои против такого же или несколько превосходящего количества вражеских войск. Они свирепо сражались на земле, которая многим из нас так знакома, в этих боях наши человеческие потери превысили 30.000 убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Я воспользуюсь случаем, чтобы выразить сочувствие Палаты Общин всем, кто сейчас переживает тяжелые утраты или кто еще в неведении о судьбе своих близких. Президент Министерства Торговли сегодня не присутствует здесь. Его сын был убит, и многие в Палате испытали резкую боль от понесенного тяжелого горя. Но вот что я скажу о тех, кто пропал без вести: много раненых благополучно вернулись домой в свою страну, и я бы сказал, что многие из тех, кто объявлен пропавшими без вести, однажды могут вернуться домой, так или иначе. В суматохе этой битвы было неизбежно, что многие окажутся в таком положении, когда честь не требует от них продолжать оказывать сопротивление.

Мы можем противопоставить потерям, составляющим свыше 30 000 человек, гораздо более тяжелый урон, несомненно нанесенный противнику. Но наши материальные потери огромны. Вероятно, мы потеряли одну треть солдат, по сравнению с потерями в начальных сражениях в прошлой войне с 21 марта 1918 года, но мы потеряли почти все вооружение, весь наш транспорт, всю бронетехнику, которые были у северной армии. Эти потери несомненно

приведут к дальнейшей задержке роста нашей военной мощи. Этот рост не идет, так как мы надеялись. Все лучшее, что мы могли дать, мы отдали Британским Экспедиционным Силам, и, хотя нельзя сказать, что у них было желаемое количество разного рода техники, все же армия была хорошо вооружена. У них были все новинки, которые только могла произвести наша промышленность, и все это пропало. Это серьезная задержка. Сколько еще так будет продолжаться зависит от того, какие усилия мы будем прилагать здесь, на Острове. Такого напряжения сил, которое мы видим сейчас еще не знала наша история. Работа идет повсюду, днем и ночью, по воскресеньям и в рабочие дни. Капитал и Рабочие отбросили свои интересы, права и обычаи и направили все на общие нужды. Уже хлынул поток снаряжения. И нет таких причин, которые бы не позволили нам преодолеть неожиданные и серьезные потери, свалившиеся на нас, не задерживая этим развертывание нашей основной программы.

Тем не менее, наша благодарность судьбе за спасение нашей Армии и стольких людей, чьи близкие пережили мучительную неделю, не должна затмить тот факт, что то, что произошло во Франции и Бельгии – колоссальное военное бедствие. Французская армия ослабла, Бельгийская армия сдалась, большая часть укрепленных позиций, на которые мы так рассчитывали, потеряна, многие ценные шахты и заводы перешли к врагу, все порты Канала – в руках противника со всеми вытекающими отсюда трагическими последствиями, и мы должны ожидать другого удара, который будет практически немедленно нанесен по нам или Франции. Нам сообщили, что у господина Гитлера уже есть план высадки на Британские Острова. Это то, о чем часто раньше помышляли. Когда Наполеон расположился у Булони на год со своими плоскодонками и своей Великой Армией, ему сказали: «Много трудностей нас ждет в Англии». И их будет несомненно гораздо больше, так как Британские Экспедиционные Силы вернулись.

На всю задачу защиты нашего дома от вторжения, конечно, сильно влияет тот факт, что в настоящий момент мы имеем на Острове гораздо более мощные вооруженные силы, чем когда-либо в этой войне или в прошлой. Но это не будет длиться вечно. Мы не должны довольствоваться оборонительной войной. У нас есть долг перед Союзником. Мы должны заново сформировать и построить Британские Экспедиционные Силы, под руководством доблестного Главнокомандующего, Лорда Горта. Этот процесс идет полным ходом; но пока мы должны поставить нашу оборону на такой уровень организации, при котором будет требоваться наименьшее возможное количество войск, чтобы оказать эффективную защиту, и при котором будут осуществимы наиболее мощные наступательные действия. Этим мы сейчас занимаемся. И было бы очень уместно, если Палата выразит желание обсудить этот вопрос на закрытом Заседании. Не потому, что правительству нужно будет раскрыть в больших подробностях военные секреты, а для того, чтобы мы смогли провести дискуссию свободно, не сдерживаясь и не опасаясь ежесекундно, что враг прочитает все на следующий день; и Правительство сможет извлечь выгоду из открыто высказанных точек зрения от всех органов Палаты с их знаниями многих частей страны. Я понимаю, что будут сделаны некоторые запросы, к которым с готовностью присоединится Правительство Его Величества.

Мы посчитали необходимым ужесточить меры не только против вражеских чужеземцев, подозрительных лиц других национальностей, но и против британцев, которые могут стать опасны или принести вред, если война перекинется на землю Великобритании. Я знаю, что есть очень много людей, которых затронули наши антинацистские распоряжения, но которые являются яростными врагами Нацистской Германии. Я очень сожалею об этом, но мы не можем сейчас, в напряжении сегодняшних дней, разобраться в этом со всеми желаемыми подробностями. Если будут попытки забросить парашютный десант и последует сопутствующая этому битва, этим людям лучше будет быть в стороне, ради них самих и ради нас. Однако, есть другая группа людей, к которым я не питаю никаких симпатий. Парламент

наделил нас правом железной рукой пресекать любую активность какой-либо «пятой колонны» в Британии и мы будем пользоваться этим правом без тени сомнения, до тех пор пока не будем убеждены, и даже более чем убеждены в том, что это зло среди нас успешно уничтожено.

Возвращаясь снова, и в этот раз с более общих позиций, к вопросу вторжения, я бы отметил, что не было ни одного периода за все эти долгие века, которыми мы гордимся, когда бы нашему народу могла быть дана абсолютная гарантия против вторжения, и еще меньше – против серьезных набегов. Во времена Наполеона, тот же ветер, который нес его корабли через Канал, мог бы отогнать блокирующий флот. Всегда был шанс, который вдохновлял и обманывал воображение многих тиранов с Континента. Много рассказано сказок. Нас убеждали, что новые методы ведения войны будут воплощены в реальности, и теперь, когда мы видим новые затеянные злодеяния, изобретательность нападения, которые показывает наш враг, мы, несомненно, должны готовиться к любого рода новым стратегиям и новым жестоким и предательским маневрам врага. Я считаю, что ни одна идея не должна считаться до такой степени абсурдной, что ее не стоит учитывать, а надо смотреть на нее исследовательским, но в то же время, я надеюсь, спокойным взглядом. Мы никогда не должны забывать о силах моря и воздуха, которые мы можем использовать. Я полон уверенности в том, что если все выполнят свой долг, если мы не будем пренебрегать ничем, и если принять все меры, так как это делалось до сих пор, мы снова докажем, что мы способны защитить наш родной Остров, перенесем бурю войны, и переживем угрозу тирании, если потребуется – в течение многих лет, и если потребуется – одни. В любом случае, это то, что мы собираемся попробовать сделать. Таково решение Правительства Его Величества каждого его члена. Такова воля Парламента и нации. Британская Империя и Французская Республика, соединенные вместе общим делом и задачей, будут защищать до смерти свою Родину, помогая друг другу как хорошие товарищи на пределе своих сил. Даже если огромные просторы Европы, многие древние и прославленные Государства пали или могут попасть в тиски Гестапо и других гнусных машин Нацистского управления, мы не сдадимся и не проиграем. Мы пойдем до конца, мы будем биться во Франции, мы будем бороться на морях и океанах, мы будем сражаться с растущей уверенностью и растущей силой в воздухе, мы будем защищать наш Остров, какова бы ни была цена, мы будем драться на побережьях, мы будем драться в портах, на суше, мы будем драться в полях и на улицах, мы будем биться на холмах; мы никогда не сдадимся и даже, если так случится, во что я ни на мгновение не верю, что этот Остров или большая его часть будет порабощена и будет умирать с голода, тогда наша Империя за морем, вооруженная и под охраной Британского Флота, будет продолжать сражение, до тех пор, пока, в благословенное Богом время, Новый Мир, со всей его силой и мощью, не отправится на спасение и освобождение старого.

Радиообращение премьер-министра У. Черчилля «Война безвестных воинов» – 14 июля 1940 года

Перевод: Ann Revniltseva Mike Revniltsev

В течение июня и первых дней июля немецкие ВВС были перегруппированы для того, чтобы начать первую активную стадию операции «Морской лев» (вторжение в Британию) с уничтожения Королевских Военно-Воздушных Сил. 10 июля началась Битва за Британию.

14 июля, 1940 г.

Выступление по радио на канале BBC, Лондон.

В течение последних двух недель перед Британским Флотом, кроме блокирования оставшихся Немецких Военно-Морских Сил и преследования Итальянского Флота, была поставлена задача обезвредить на время войны главные корабли Французского Флота. Эти корабли, согласно условиям, подписанного в Компьене перемирия, должны были усилить мощь нацистской Германии. Переход этих кораблей к Гитлеру увеличивал бы угрозу Великобритании и Соединенным Штатам Америки. Таким образом, у нас не было иного выхода, кроме как действовать, и действовать немедленно. Наша горькая задача теперь завершена. Хотя недостроенный линкор, «Жан Барт», все еще стоит в марокканской гавани; в Тулоне и в различных французских портах по всему миру – стоят несколько французских военных кораблей, но они, находясь в плохом состоянии или будучи устаревшими, не смогут угрожать нашему военно-морскому превосходству. До тех пор, пока они не делают никаких попыток вернуться в порты, контролируемые Германией и Италией, мы не будем им досаждать. Эта мрачная фаза в наших отношениях с Францией подошла к концу. Давайте немного поразмыслим о будущем. Сегодня 14 июля, национальный праздник Франции.

Год назад в Париже я наблюдал на Елисейских Полях величественный парад французской армии и французской империи. Кто может сказать, что произойдет за последующие несколько лет? Вера нам дана для того, чтобы помочь и утешить нас, когда мы в страхе предстаем перед раскрытой книгой человеческих судеб. И я заявляю о своей вере в то, что некоторые из нас доживут до 14 июля, когда освобожденная Франция будет снова радоваться величию и славе, и снова выйдет вперед как борец за свободу и права человека. Когда этот день придет, а он придет, Франция с пониманием и добротой повернется к тем французам, мужчинам и женщинам, где бы они ни были, которые в самый тяжелый час не оставили Республику.

Тем временем, мы не должны ни попусту сотрясать воздух ни винить себя понапрасну. Когда у вас есть друг, вместе с которым вы ведете страшную борьбу, и оказалось так, что ваш друг сражен ошеломляющим ударом, надо быть уверенным в том, что оружие, выпавшее из его рук, не достанется вашему общему врагу. Вы не должны злиться из-за иступленных криков вашего друга. Не добавляйте ему боли, а старайтесь ему помочь. Связь интересов Британии и Франции остается. Остается цель. И неизбежно остается долг. До тех пор, пока наш путь к победе не закрыт, мы готовы оказать Французскому правительству всю помощь, которая будет в наших силах, содействовать торговле и помогать администрации тех частей французской империи, которые сейчас оказались отрезанными от оккупированной Франции, но которые сохраняют свою свободу. И, находясь под железными требованиями войны, которую мы ведем против Гитлера и всех его деяний, мы уверены: каждое истинное французское сердце будет биться и радоваться каждому нашему новому сражению; и не только Франция, но и все угнетенные страны в Европе должны считать, что каждая победа Британии – это шаг к освобождению Континента от страшнейшего рабства, в котором он когда-либо находился.

Все указывает на то, что война будет длинной и тяжелой. Никто не может сказать на какие земли она распространится. Но ясно одно: нацистское Гестапо не долго будет руководить европейскими народами, и весь мир не поддастся гитлеровским проповедям ненависти, ненасытности и властолюбия.

Сейчас нам приходится сопротивляться одним и встречать все самое худшее, что только может сделать мощь и злобство тирана. Мы смиренны перед Богом, но мы осознаем, что служим ясной цели, и готовы защищать нашу родную землю против вторжения, которое ей угрожает. Мы боремся одни, но не ради себя одних. Здесь, в Городе-Убежище, который хранит свидетельства развития человечества и который имеет большое значение для всей христианской цивилизации; окруженном морями и океанами, где правит флот; защищенном с

неба силой и преданностью наших летчиков – мы ждем, не страшась встретить надвигающееся нападение. Может быть вторжение начнется сегодня. Может быть – на следующей неделе. А, может, оно так и не будет предпринято. Но мы, все вместе, должны быть готовыми встретить внезапный страшный удар или – что, возможно, будет более трудным испытанием мы должны приготовиться к долгой вахте. Но будь испытание суровым или длительным, или и тем и другим, мы не будем искать пути к соглашению, мы не допустим никаких переговоров; мы можем проявить милосердие, но мы не будем просить о нем.

Могу себе представить, что сочувствующие нам народы за Атлантическим океаном, или обеспокоенные друзья в еще незахваченных странах Европы, которые не могут оценить наши возможности и нашу решимость, ощущают страх, не зная, выживем ли мы, увидев столько государств и королевств, разорванных на куски за несколько недель или даже дней чудовищной силой нацистской военной машины. Но Гитлер еще не сталкивался с великой нацией, у которой сила воли была бы равна его. Многие страны были отравлены интригами до того, как они были сражены насильственным ударом. Они сгнили изнутри до того, как были разбиты извне. Как иначе можно объяснить то, что произошло с Францией? – с французской армией, с французским народом, с руководителями французского народа.

Но здесь, на нашем Острове, мы сильны и полны решимости. Мы видели, как Гитлер готовил с научной точностью свои планы для уничтожения соседних с Германией стран. У него были планы нападения на Польшу и на Норвегию. У него были планы на Данию. У него были планы, полностью осуществленные, на судьбу мирных и доверчивых голландцев; и, конечно, на бельгийцев. Мы видели как французы были разбиты и побеждены. Поэтому, мы можем быть уверенными в том, что существует план – возможно, созревавший годами – уничтожения Великобритании, которой дана своего рода честь, быть его главным и сильным врагом. Все, что я могу сказать, это то, что любой план захвата Британии, который Гитлер имел два месяца назад должен быть полностью пересмотрен, чтобы соответствовать нашим новым позициям. Два месяца назад, нет, один месяц назад – нашей первой и главной задачей было сохранить нашу лучшую армию во Франции. Все наши регулярные войска, все военное снаряжение, и большая часть наших воздушных сил должны были быть отправлены во Францию и, действуя, оставаться там. Но теперь вся наша армия здесь, дома. Никогда раньше в прошлой войне или в этой – не было на Острове армии сравнимой по качеству, оборудованию или числу с той, что охраняет нас сегодня. Сейчас мы имеем полутораmillionную британскую армию, организация, оборонительные и ударные возможности которой росли с каждой неделей июня и июля. Никакая похвала не будет чрезмерной по отношению к офицерам, солдатам и невоенным гражданам – которые помогли осуществить эти изменения за столь короткий срок. А за солдатами регулярной армии, которые будут защищать нашу землю от вражеского десанта, от захватчиков с неба, и от любых предателей, которые окажутся среди нас (я не верю, что их много – будь они прокляты, но с ними быстро расправятся) – за регулярной армией – стоит более миллиона защитников-добровольцев, или, как их еще называют «домашняя гвардия». Эти офицеры и простые люди, многие из которых прошли прошлую войну, хотят атаковать и бить врага, где бы он ни был. Если захватчик придет в Британию, он не увидит склонившегося в подчинение ему народа, как, увы, мы видели в других странах. Мы будем защищать каждую деревню, каждый городок и город. В самом Лондоне, сражаясь за каждую улицу, мы истребим всю вражескую армию; мы лучше увидим Лондон в руинах и золе, чем прирученным и поработанным. Я обязан сказать об этом, потому что необходимо сообщить народу о наших намерениях и заверить его в нашей решимости.

Прошлая неделя была великой для Королевских ВВС и частей истребительной авиации. Было подбито более, чем пять к одному немецких самолетов, которые пытались помешать

нашим судам в Ла-Манше или осмеливались пересечь британскую береговую границу. Это, конечно, предварительные столкновения перед суровыми воздушными боями, которые нас еще ожидают впереди. Но я не вижу ни одной причины, по которой мы должны быть недовольны достигнутыми результатами; хотя, несомненно, мы надеемся их улучшить, как только бои будут более масштабными и переместятся вглубь страны. Повсюду расположен мощный Королевский Флот. Имея более тысячи военных кораблей под английским военно-морским флагом, патрулирующих моря, флот способен легко переместиться на защиту любой части британской империи, которой могут угрожать; он также может защищать нашу связь с Новым Светом, откуда, по мере усиления борьбы, идет все большая помощь. Разве это не удивительно, что через десять месяцев непрекращающихся атак с моря и неба, наша торговля и продовольственные запасы находятся в лучшем состоянии, чем они когда-либо были, что наш торговый флот по сравнению с началом войны вырос, не говоря уж о большом количестве иностранных кораблей, находящихся в нашем распоряжении. Почему я останавливаюсь на этом? Конечно, не для того, чтобы стимулировать ослабление наших усилий или бдительности. Наоборот. Они должны быть удвоены, и мы должны готовиться не только к лету, но и зиме; не только к 1941, но и к 1942 году; когда, я верю в это, война перестанет быть оборонительной. Я останавливаюсь на наших сильных сторонах, на тех силах, которыми мы обладаем – я останавливаюсь на всем этом, потому что нужно показать, что у нашего правого дела есть силы выжить и защищаться; и пока мы с трудом пробираемся через темную долину, мы видим солнечный свет впереди.

Я стою во главе правительства, представляя все партии государства – все убеждения, классы и любую точку зрения. Все мы, такие разные, находимся под властью короны нашей древней монархии. Нас поддерживает свободный парламент и свободная пресса; но есть у нас одна общая цель, объединяющая нас всех и делающая нас единым народом – а именно (и это становится все более очевидно), то, что мы готовы вытерпеть любые крайности, вынести их и пересилить; такова сегодня цель и в правительстве Его Величества. Только в такие времена как эти, нации могут защитить свою свободу; и только таким образом они могут продолжать высоко нести свою честь.

Все сейчас зависит от жизненной силы британской расы в любой части мира, от всех солидарных с нами народов и от всех благожелателей в любой стране, делающих все возможное днем и ночью; от тех, кто жертвует все, кто бесстрашен и вынослив, на пределе своих сил, и до самого конца. Это не война вождей или принцев, династий или какого-то национального честолюбия; это война народов и принципов. Сейчас очень много тех, и не только на этом Острове, но и в других странах, кто окажет верную услугу в этой войне, но чьи имена никогда не будут известны, о чьих подвигах никогда не узнают. Это война безвестных воинов; но давайте все будем бороться, не сомневаясь в нашей вере или долге, и тогда черное дело Гитлера будет выметено из нашего времени.

Речь премьер-министра У. Черчилля в Палате общин «Немногие» – 20 августа 1940 года

Прошел почти год с начала войны и, я думаю, для нас будет разумным сделать остановку в нашем путешествии и хорошенько рассмотреть темное широкое поле. Также было бы полезно сравнить первый год этой, второй войны против немецкой агрессии с первым годом предыдущей, происходившей почти четверть века назад. Хотя эта война – только продолжение прошлой, видна большая разница в ее характере. В прошлой войне миллионы людей боролись, бросая друг в друга огромное количество стали. «Люди и снаряды» таков был девиз, и

чудовищная резня стала его следствием. В этой войне пока ничего такого не произошло. Это противоборство стратегии, организации, технического аппарата, науки, механики и морали. Британские потери за первые 12 месяцев в прошлой Великой Войне составляли 365.000. В этой войне, я рад объявить, британские потери убитыми, ранеными, попавшими в плен и пропавшими без вести, включая гражданское население, не превышают 92.000, и из них большая часть живы, как военнопленные. Общем можно отметить, что по всей Европе на одного убитого или раненого в первый год войны приходится, возможно, пять убитых или раненых за 1914-15.

Однако резня это лишь небольшая частица настоящей войны, а последствия для воюющих на самом деле более страшные. Мы видели как великие страны с мощной армией были повергнуты за несколько недель. Мы видели Французскую Республику и славную французскую армию, побежденными до полного, абсолютного подчинения с меньшими потерями, если сравнить с любой из полдюжины сражений 1914-18. Плоть Франции – хотя временами кажется, что даже ее душа – не выдержала несравнимо менее мощный напор, чем тот, который она выдержала 25 лет назад с помощью силы духа и непоколебимой силы воли. Хотя к настоящему времени потери человеческих жизней были, к счастью, уменьшены, но изменения в судьбах наций возникшие в ходе борьбы, оказываются гораздо более значительными, чем какие-либо изменения, произошедшие с ними с варварских времен. В области науки и стратегии произошли большие изменения, развитие техники дало большие преимущества, в результате чего миллионы людей становятся неспособными к дальнейшему сопротивлению, или считают себя неспособными к дальнейшему сопротивлению, и страшная игра в шахматы, из которой игроки уже не могут выйти, продвигается от шаха к мату.

Есть и другое, более явное отличие от 1914 года. Воюющие нации полностью вовлечены в действия, не только солдаты, а весь народ, мужчины, женщины и дети. Фронт распространился повсюду. Рвы вырыты в городах, на улицах. Каждая деревня укреплена. Каждая дорога перекрыта. Линия фронта проходит через заводы. Рабочие это те же солдаты, хотя с другим оружием, но с тем же мужеством. Таковы большие и явные отличия от того, что многие из нас видели в борьбе четверть века назад. Есть все основания полагать, что эта война, нового характера, хорошо подходит для выдающихся способностей и неисчерпаемых ресурсов Британского народа и Британской Империи, и что, поскольку мы достаточно хорошо вооружены – она будет более выгодна для нас, чем жуткая массовая резня в Сомме и Пашенделе. Если нам, нашей нации выпало бороться и страдать вместе, то нам это по плечу, потому что мы самая сплоченная нация, потому что мы вступили в войну по желанию народа и с открытыми глазами, и потому что мы выросли со знанием свободы и в индивидуальной ответственности, мы – результат не тоталитарной одинаковости, а терпимости и разнообразия. Если все эти наши качества будут использованы для войны, как сейчас, то мы будем способны показать врагу много такого, что будет неожиданностью для него. С тех пор как немцы изгнали евреев и перестали быть образцом технического прогресса, наша наука несомненно опережает их. Географическое положение, главенство в морях, дружба с Соединенными Штатами позволяют нам привлекать средства со всего мира и производить военное оружие любого рода, особенно технически сложного оружия, которое раньше могла делать лишь нацистская Германия.

Гитлер сейчас в Европе повсюду. Наши попытки наступления постепенно блокируются и мы должны методично и решительно готовиться к компаниям в 1941 и 1942 годах. Два или три года – небольшой срок, даже для наших жизней, полных опасностей. Это ничто для истории нации, и делая самое благородное дело в мире, будучи единственным борцом за свободу всей Европы, мы не должны жалеть эти годы или быть утомленными тяжелым трудом и борьбой в

течении этого времени. Наша энергия в будущие годы не будет ограничена единственно защитой себя и своего имущества. Много возможностей может открыться для нас, олицетворяющих силы на земле и на море, и мы должны быть готовыми пользоваться выгодами этих моментов. Один из способов ускорить конец этой войны это убедить врага, не словами, а делами, что у нас есть и желание и средства не только на то, чтобы идти не останавливаясь вперед, но и, чтобы наносить серьезные и неожиданные удары. Путь к победе может оказаться не таким длинным, как мы ожидаем. Но мы не имеем права на это рассчитывать. Будь он длинный или короткий, тяжелый или легкий, мы должны пройти его до конца.

Наше намерение – поддерживать и усиливать жесткую блокаду не только по отношению к Германии, но и к Италии, Франции и всем тем странам, которые пали перед немецкой властью. Я читал в газетах, что господин Гитлер также объявил блокаду Британии. И никто не может на это жаловаться. Я помню, Кайзер делал то же самое в прошлой войне. То, что действительно оказалось бы предметом для всеобщего недовольства, так это если бы мы способствовали продлению страданий всей Европы, позволяя проходить поставкам продовольствия нацистам и, таким образом помогали бы их военным действиям, или, позволяя проходить поставкам продовольствия покоренным народам, которую нацистские завоеватели наверняка выкрали бы у них.

Из лучших побуждений было сделано много предложений о том, что надо позволить проходить поставкам продовольствия для помощи этим народам. Я сожалею, что мы должны отказать. Нацисты заявляют, что они создали новую единую экономику в Европе. Они неоднократно утверждали, что обладают большим запасом еды и что смогут накормить захваченные народы. 27 июня по немецкому радио было сказано, что к тому времени, когда план мистера Гувера по оказанию помощи Франции, Бельгии и Голландии заслужит одобрение, немецкие силы уже предпримут необходимые меры. Мы знаем, что в Норвегии, когда немецкие войска вступили на ее землю, были продовольственные запасы, которых хватило бы на год. Также мы знаем, что Польша, хотя и не богатая страна, обычно производит достаточное количество еды для своего народа. Более того, другие страны, которые господин Гитлер оккупировал, обладали значительными запасами во время захвата, и, в большинстве случаев, сами являются очень успешными производителями продовольствия. Если всех этих запасов теперь нет, это могло случиться только потому, что Германия использовала их, чтобы накормить и дать усиленное питание своему народу – для разнообразия – в течение последних нескольких месяцев. В это время года, даже если увеличить этот период на несколько месяцев, существует очень маленькая вероятность нехватки продовольствия, поскольку урожай только что был собран. Единственное, что сейчас или во время приближающейся зимы может привести к голоду в любой части Европы, так это немецкие поборы или их неумение распределить запасы, которыми они владеют.

Есть и другой аспект. Многие из наиболее ценных пищевых продуктов необходимы для производства важных для войны материалов. Жир используется при создании взрывчатки. Спирт для автомобильных моторов делается из картошки. Пластиковые материалы, которые сейчас широко применяются при строительстве самолетов, производятся из молока. Если немцы используют эти товары, чтобы кидать бомбы на наших женщин и детей, вместо того, чтобы кормить народы, которые их производят, мы можем быть уверенными в том, что импортированные продукты будут применяться таким же образом, прямо или косвенно, будут использоваться, освобождая врага от ответственности, к которой он так своевольно относится. Пусть Гитлер полностью несет свою ответственность, а европейские народы, страдающие от его ига, способствуют любыми способами приближению дня избавления. Тем не менее, мы можем и будем способствовать быстрому оказанию продовольственной помощи в любой

порабощенный район, который будет полностью очищен от немецких сил и снова завоюет свою свободу. Мы сделаем все, что в наших силах, для формирования продовольственных запасов по всему миру, чтобы европейские народы – я осторожно говорю, включая немецкий и австрийский народы – всегда чувствовали уверенность, что свержение нацистской власти немедленно принесет им пищу, свободу и мир.

Прошло уже больше четверти года с тех пор, как в Британии вступило в силу новое правительство. Что за поток несчастий обрушился на нас с того времени! Доверчивые Нидерланды разбиты, их любимый и уважаемый монарх изгнан; мирный город Роттердам стал местом такой же ужасной и кровавой резни как в тридцатилетней войне; Бельгия оккупирована; наши собственные экспедиционные войска, которые король Леопольд призвал на помощь, сильно пострадали и были почти схвачены, и, казалось, спаслись только чудом, потеряв все снаряжение; наш союзник, Франция, отрезан; Италия – стала нашим противником; вся Франция под властью врага, все ее арсеналы и огромное количество разного рода военных материалов используются или могут быть использованы врагом, в Виши действует марионеточное правительство, которое в любой момент могут заставить стать нашим противником; вся западноевропейская морская граница от мыса Норд Кап до испанской границы – в руках Германии; все порты, все воздушные пространства огромного фронта задействованы против нас, как потенциальные базы для нападения. Более того, немецкие воздушные силы, значительно превосходящие нас по численности, находятся так близко к нашему Острову, что то чего мы так боялись пришло, и не только вражеские бомбардировщики теперь могут долететь до нас за несколько минут с любой стороны, но и могут сопровождаться истребителями. Так почему же, если еще в начале мая можно было предвидеть подобные перспективы, это могло показаться невероятным, что после того как этот ужас и несчастья кончатся, или даже в период ужаса и несчастья, что мы поднимемся, уверенные в себе, хозяева своей судьбы, и неизменная убежденность в победе будет гореть в наших сердцах. Немногие могли поверить, что мы выживем; и ни один не мог поверить, что сегодня мы не только будем чувствовать себя сильнее, но действительно будем сильнее, чем когда-то бы ни было.

Давайте разберемся, что же на другой чаше весов. Британская нация и империя, оказавшись одни, не склоняясь, стояли перед лицом бедствия. Никто не дрогнул, не поколебался; нет, те, кто раньше думал о мире, теперь помышляют только о войне. Наш народ един и решителен, как никогда. Смерть и разруха стали мелочью по сравнению с позором от поражения или неисполнения долга. Мы не можем предвидеть, что будет впереди. Может так случиться, что еще более суровые испытания ожидают нас. Но мы должны смело смотреть в лицо будущему. Мы уверены в себе и в нашем правом деле, и в течение месяцев испытаний это стало наивысшей истиной.

Тем временем, мы закалили не только наши сердца, но и наш Остров. Мы перевооружили и перестроили наши войска так, как показалось бы невозможным несколько месяцев назад. В июле мы переправили через атлантический океан, благодаря нашим друзьям там, огромное количество военного снаряжения разного рода: пушек, винтовок, пулеметов, снарядов и патронов, все доставлено в полной сохранности, не потеряно ни одной винтовки или патрона. Продукция наших собственных заводов, работающих так, как никогда раньше, направлена на нужды войск. Вся британская армия – дома. Сегодня более, чем у 2.000.000 человек, полных решимости, есть винтовки и штыки, и из них три четверти состоят в регулярных войсках. Никогда раньше у нас не было такой армии на Острове во время войны. Вся наша страна встала против завоевателей, откуда бы они не пришли: с моря или с воздуха. Как я уже говорил перед Палатой в середине июня, чем сильнее наши войска дома, тем крупнее должны быть десантные силы врага, а значит тем легче нашему Военно-Морскому флоту будет засечь их

сосредоточение и легче будет их перехватить и уничтожить; и если они все же высадятся тем сложнее для врага будет обеспечить захватчиков продовольствием и снаряжением, находясь под непрерывными атаками с моря и воздуха. Все это древняя, классическая доктрина. Во времена Нельсона правило гласило: «Наша первая линия обороны, это порты врага». А теперь воздушная разведка и фотография заново доказывают его правильность. Наш Военно-Морской флот теперь гораздо сильнее, чем он был в начале войны. Хлынул огромный поток технических новшеств, которые уже начинают применяться. Мы надеемся, наши друзья за океаном своевременно пришлют нам подкрепление, чтобы покрыть разницу между нашими мирными флотилиями 1939 года и военными флотилиями 1941-ого. Послать такую помощь не составляет труда. Моря и океаны открыты. Деятельность вражеских подводных лодок контролируются. С магнитными минами, до настоящего времени, успешно справляются. После года подводной войны и восьми месяцев напряженных минных атак торговые перевозки британского флота больше. Плюс к этому, под нашим контролем здесь и в гаванях империи находятся суда тоннажем свыше 4.000.000 тонн, принадлежавших захваченным государствами. Наши запасы продовольствия разного рода гораздо богаче, чем в мирные дни, и сейчас действует программа по увеличению производства питания.

Зачем я это все говорю? Конечно, не для того, чтобы похвастаться и, естественно, не с целью как-то выразить удовлетворение. Перед нами огромная опасность, но настолько же велики наши преимущества и ресурсы. Я перечислял их, потому что народ имеет право знать, что у нас есть крепкое основание для уверенности, которую мы чувствуем, и есть причины верить, что мы способны, как я сказал в один из мрачных дней два месяца назад, вести затяжную войну «если необходимо одни и, если нужно, в течение многих лет». Я это говорю и потому, что осознание того, что Британская Империя – нерушима, и что сопротивление нацизму растет, должно зажечь искру надежды в груди сотен миллионов подавленных и отчаявшихся мужчинах и женщинах по всей Европе, и далеко за ее пределами, и из этих искр сложится очищающее и поглощающее пламя.

Суровые воздушные сражения, которые продолжались над этим Островом в течение последних нескольких недель, достигли высочайшего напряжения. Сейчас рано пытаться определять пределы масштабов и продолжительности этих боев. Естественно, что мы должны ожидать более мощных ударов, чем те, которые враг уже нанес. Враг строит аэродромы повсюду во Франции и в странах Центральной Европы, движения вражеских эскадрилий и арсеналов в нашу сторону все продолжают. Абсолютно ясно, что не понеся серьезных потерь господин Гитлер не оставит попыток воздушных атак Великобритании. Если после всей его похвалы и угроз, от которых кровь стынет в жилах, и мрачных достижениях, о которых он трубит по всему миру, о разрушениях и огромном количестве сбитых самолетов, что, как он утверждает, было достигнуто без особых потерь с его стороны; если после всех сказок о подавленных британцах, охваченных паникой и проклинаящих плутократичный Парламент, который их привел ко всему этому – если после всего через некоторое время его бешеные воздушные атаки иссякли, правдивость заявлений может быть поставлена под сомнение. Мы можем быть уверены, что он будет продолжать свои действия до тех пор, пока у него будут силы для этого, и до тех пор пока у него не возобладает озабоченность в отношении русских воздушных сил.

С другой стороны, условия и ход борьбы были до настоящего времени благоприятны для нас. Я говорил Палате два месяца назад, что во Франции наши истребители неизменно приносили немцам потери около двух-трех самолетов к одному, в сражении под Дюнкерком, а эта земля считалась ничьей, потери составляли приблизительно три-четыре к одному, и мы полагали, что должны достичь гораздо большего соотношения в борьбе за наш Остров. И наши

надежды оправдались. Нужно также помнить, что все вражеские машины и летчики, которые были подбиты над этим островом или морем, которое его окружает, были либо уничтожены либо схвачены; в то время как, большая часть наших машин и также пилотов находятся в безопасности, и скоро еще не раз вылетят на задание.

Широкая и восхитительная система восстановления техники, управляемая Министерством Авиастроения, а также расчетливое и быстрое использование всех запасных частей и материалов, гарантирует скорое возвращение в строй поврежденных машин. В то же время, великолепное – нет, поразительное увеличение производства и восстановления британских самолетов и моторов, которое было достигнуто, как будто с помощью волшебства, гениальной организацией и руководством лорда Бивербрука, дало нам огромный резерв самолетов всех типов, при постоянно растущем количестве и качестве продукции. Конечно, враг гораздо более многочисленней, чем мы. Но, как мне сообщили, уже сейчас наше производство значительно превышает его, и кроме того мы начинаем получать поставки продукции из Америки. Очевидным фактом, и подтверждения этому я вижу из ежедневных докладов, сейчас является то, что после всех сражений мощь нашей бомбардировочной и истребительной авиации увеличилась как никогда. Мы верим, что сможем продолжать бороться с врагом в воздухе столько, сколько это будет ему угодно, и чем длительнее будет борьба, тем быстрее мы будем приближаться сначала к равенству с противником, а затем и к превосходству над ним в воздушных сражениях, которые являются одним из решающих факторов исхода войны.

Каждый дом на нашем Острове, в нашей Империи, и во всем мире, за исключением домов преступников, благодарен британским пилотам, бесстрашным и неутомимым перед постоянными сложными задачами и смертельной опасностью, которые своей доблестью и преданностью управляют течением Мировой Войны. Никогда раньше в истории человеческих конфликтов так много людей не было многим обязано стольким немногим. Каждое сердце обращено к сражающимся пилотам, чьи блестящие дела мы видим собственными глазами изо дня в день; но также мы не должны забывать, что все это время, ночь за ночью, месяц за месяцем, эскадрильи наших бомбардировщиков пробираются глубоко в Германию, и, с помощью высочайшего навигационного мастерства находят свои цели во тьме, и наносят сокрушительные удары с избирательной точностью по всей машине нацистского технического и военного производства, часто выполняя свои задачи под мощным огнем и с тяжелыми потерями. Ни на кого другого не падает тяжесть войны сильнее, чем на дневных бомбардировщиков, которые, в случае вторжения, будут выполнять неоценимые задачи, и чье неистовое рвение пока приходилось ни раз сдерживать.

Мы можем проверять результаты бомбардировок военных целей в Германии не только через сообщения, которые мы получаем из различных источников, но и, конечно, с помощью фотографии. Я, не колеблясь, могу сказать, что процесс бомбардировки военной промышленности и путей сообщения Германии, складов и баз воздушных сил, с которых нас атакуют, будет продолжаться, все увеличиваясь, до конца войны и к следующему году может достигнуть таких объемов, о которых раньше даже не помышляли, это один из наиболее надежных путей, если не самый короткий, к достижению победы. И даже если бы нацистские легионы оказались победителями на Черном море, или тем более на Каспийском, и если Гитлер добрался бы до Индии, это бы ему ничего не дало, если в то же время в самой Германии вся экономика и научный аппарат военной силы разбиты и растерты в порошок.

Тот факт, что осуществить крупномасштабное вторжение на этот Остров с каждой неделей, прошедшей с момента спасения нашей армии из Дюнкерка становится все сложнее, а также наше огромное превосходство на море позволяет нам постепенно переводить внимание и силу на Средиземное море, против еще одного врага, который без малейшего повода, с

равнодушным расчетом, из жадности и корысти, напал на Францию со спины, в тяжелый для нее момент, и который теперь действует против нас в Африке. Конечно, неудача Франции серьезно повредила нашим позициям на, как сейчас несколько странно называют, Среднем Востоке. К примеру, для защиты Сомали, мы рассчитывали на помощь французских войск для проведения атак на итальянцев с Джибути. Также мы полагались на французские морские и воздушные военные базы в Средиземном море, и в особенности на побережье северной Африки. Мы рассчитывали на французский флот. Не смотря на то, что Французская метрополия сейчас побеждена, нет никаких причин, почему французские Военно-Морские силы, значительные части французской армии, воздушных сил и французской Империи за морем не могу продолжить борьбу на нашей стороне.

Франция, защищенная огромной силой моря, обладающая бесценными стратегическими базами и достаточными финансовыми средствами, могла остаться одной из сильных участников сражения. Действуя таким образом, Франция могла бы сохранить свою жизнеспособность, и Французская Империя, вместе с Британской, имела бы возможность продвинуться вперед в деле освобождения и объединения французской земли. В случае, если бы мы оказались в ужасном положении Франции, ситуация, которая теперь, к счастью, невозможна, несмотря на то, что обязанность всего военного командования бороться до конца здесь на Острове, но также их обязанность, как я уже отмечал в речи 4 июня, – предпринимать меры по защите флота Канады и других наших Доминионов до тех пор, пока это будет возможно, и сделать все, для того чтобы борьба была продолжена из-за океана. Большинство из захваченных немцами стран до настоящего момента храбро и исполненные верой продолжают начатое. Народы Чехии, Польши, Норвегии, Нидерландов, Бельгии – все еще в бою с мечом в руке, эти народы Великобритании и Соединенные Штаты Америки считают единственными представителями законного правительства в каждом из этих уважаемых государств.

То, что сейчас одна только Франция лежит поверженной – преступление, но не великой и благородной нации, а тех, кто называет себя «людьми Виши». Мы глубоко симпатизируем французскому народу. Наша древняя дружба с Францией не мертва. И эта дружба ярко воплощается в генерале де Голле и его храбром отряде. Эти свободные французы были приговорены Виши к смерти, но, несомненно, как то, что завтра встанет солнце, настанет день, честь станет уделом их имен, их имена будут выгравированы на камнях на улицах, в деревнях Франции, возвращенной в свободную Европу, к своей полной независимости и к своей древней славе. Но это убеждение, которое я чувствую к будущему, не может повлиять на проблемы, что стоят перед нами в Средиземном море и в Африке. До начала войны было принято решение не защищать протекторат Сомали. Эта политика была изменена в первые месяцы войны. Когда французы сдались, и когда наши небольшие войска, находящиеся там, а именно несколько батальонов, были атакованы всеми итальянскими войсками в составе почти двух дивизий, и с которыми ранее встретились французы под Джибути, было принято верное решение отозвать наши войска, фактически неповрежденными, для ведения действий в других местах. Несомненно, гораздо большие операции грядут на Среднем востоке, и я не буду пытаться обсуждать или предсказывать их возможные задачи. У нас есть большие армии и большие резервы. Мы полностью владеем ситуацией на восточной части Средиземного моря. Мы намереваемся сделать все возможное, чтобы хорошо себя зарекомендовать, верно и решительно выполнить свои обязанности и долг в той части мира. Более того, я думаю что Палата не хотела бы, чтобы я сказал больше.

Многие в письмах просили меня сделать сегодня более полное заявление о наших целях в войне, и мире, к которому мы стремимся после войны, чем информация, содержащаяся в большой декларации, выпущенной в начале осени. С тех пор мы объединили наши усилия с

Норвегией, Голландией и Бельгией. Мы признали чешское правительство доктора Бенеша, и мы заверили генерала де Голля в том, что в нашу задачу входит освобождение Франции. Я не считаю, что в настоящий момент было бы правильным пускаться в глубокие рассуждения о будущем Европы или о мерах, которые необходимо будет предпринять, чтобы избавить человечество от страданий Третьей Мировой войны, в то время как сейчас бушует битва и, возможно, война все еще находится на начальной стадии. Эти рассуждения новы, о таком мироустройстве говорят, думают и спорят многие люди. Но прежде, чем мы приступим к построению этого нового мира, нам нужно убедить и не только себя, но и все другие страны в том, что нацистская тирания будет в конце концов разрушена.

Ход мировой истории – это благороднейшая награда за победу. Мы все еще взбираемся, прилагая большие усилия, в гору; мы еще не достигли отмеченной верхушки; мы не можем осмотреть пейзаж или хотя бы представить, как оно будет выглядеть когда придет время. Задача, которая стоит перед нами уже сейчас более практичная, простая и более суровая. Я надеюсь, на самом деле – молюсь, чтобы мы не оказались недостойными нашей победы, если после тяжелого труда и несчастья она все-таки будет нам дарована. Ради всего остального мы должны добиться победы. Такова наша задача. Тем не менее, в одном направлении мы можем видеть несколько дальше. Мы должны думать не только о себе, но и о долговременной безопасности нашего дела и принципов, за которые мы боремся и о будущем Британского Содружества Наций. Несколько месяцев назад мы пришли к заключению, что интересы Соединенных Штатов и Британской Империи требуют, чтобы США имели средства и морской и воздушной защиты западного полушария от атак нацистской военной машины, которая завоевала временный, но, возможно, длительный контроль над большей частью западной Европы и ее богатыми ресурсами. Таким образом, мы решили, без каких-либо просьб со стороны США, сообщить правительству Соединенных Штатов о том, что мы бы были рады предоставить им в пользование военные базы и аэродромы в наших Трансатлантических владениях, в местах, которые они сочтут для себя нужными. Принцип объединения интересов в общих целях между Великобританией и Соединенными Штатами начал развиваться еще до войны. Были достигнуты различные соглашения об определенных небольших островах в Тихом океане, которые стали важными пунктами заправки самолетов. В этих вопросах мы оказались очень близки с правительством Канады.

Теперь мы знаем, что США так же были озабочены вопросом воздушной и морской обороны своего атлантического побережья, и президент Рузвельт недавно заявил, что он хотел бы поговорить с нами, с Доминионами Канадой и Ньюфаундлендом, о развитии американских морских и воздушных баз в Ньюфаундленде и на островах Вест Индии. Конечно, разговор идет не о передаче суверенитета – это никогда не предлагалось – или о каком-либо еще действии без предварительного согласия, или против желания различных заинтересованных колоний; но, что касается нас, Правительство Его Величества единодушно согласно предоставить военные базы Соединенным Штатам на основе 99-летнего соглашения арендного пользования, и мы чувствуем уверенность, что это послужит нашим интересам не менее, чем их, и интересам самих колоний, и Канады, и Ньюфаундленда. Это важные шаги. Без сомнения, этот процесс означает, что два англо-говорящих демократических государства, Британская Империя и Соединенные Штаты Америки, должны объединяться для общих действий, и тогда никто не сможет нас остановить. Этот процесс течет как Миссисипи. Пусть так и продолжается. Пусть он течет бурным потоком. Даже если бы я захотел, я не смог бы его остановить; и никто не может это сделать. Как Миссисипи, процесс течет. И пусть так и будет. Пусть движется бурным, неумолимым, неотвратимым и добрым потоком, к лучшим землям и лучшим дням.

Радио обращение премьер-министра У. Черчилля «Конец войны в Европе» – 8 мая 1945 года

Вчера утром, в 2:41 утра, генерал Йодль как представитель немецкого Верховного командования, и гранд-адмирал Дениц, назначенные руководителями Германии, подписали акт безоговорочной капитуляции всех германских сухопутных, морских и воздушных сил войскам Экспедиционных сил союзников, а так же Верховному командованию Советских вооруженных сил.

Генерал Бедель Смит, начальник штаба вооруженных сил союзников и генерал Франсуа Севе подписали документ от имени главнокомандующего вооруженными силами союзников, и генерал Сулопаров подписал от имени русского командования.

Сегодня это соглашение будет ратифицировано и подтверждено в Берлине где командующий военно-воздушными силами союзников, заместитель главнокомандующего союзнических сил маршал Тэддер и генерал де Латр де Тассини подпишут его от имени генерала Эйзенхауэра. Маршал Жуков подпишет его от имени русского Верховного командования. С немецкой стороны представителем командования будет фельдмаршал Кейтель, Верховный главнокомандующий немецкими сухопутными, морскими и воздушными силами.

Боевые действия официально прекратятся через минуту после полночи сегодня (вторник 8 мая), однако в интересах спасения жизней директива «прекращение огня» еще вчера была передана по всему фронту, и наши дорогие острова в Проливе так же будут освобождены сегодня.

Немцы в ряде мест до сих пор оказывают сопротивление русским войскам, однако если они продолжают это делать после сегодняшней полуночи, они лишат себя защиты со стороны военного права и будут атакованы войсками союзников. Не удивительно, что на таком широком фронте и при существующем беспорядке в рядах врага подчинение приказам немецкого главнокомандования не происходит немедленно. Однако, по нашему мнению и по мнению наших военных советников, нет никаких причин скрывать от народа факт, сообщенный нам генералом Эйзенхауэром, подписанной в Реймсе безоговорочной капитуляции, а так же нет причин, запрещающих нам праздновать сегодняшний и завтрашний дни как дни Победы в Европе.

Сегодня, возможно, мы больше будем думать о себе. А завтра мы должны отдать должное нашим русским товарищам, чья отвага на полях сражений стала одним из важнейших слагаемых нашей общей победы.

Война с Германией, таким образом, подходит к концу. После нескольких лет интенсивной подготовки Германия обрушилась на Польшу в начале сентября 1939 года. Во исполнение наших обязательств перед Польшей, и в соглашении с Республикой Франция, Великобритания, Британская Империя и Содружество Наций объявили войну грязному агрессору. После того как доблестная Франция была повержена мы, силами острова и силами нашей объединенной Империи в течении целого года продолжали борьбу без всякой поддержки со стороны до тех пор пока в битву не вступила военная мощь Советского Союза и, позднее, огромные силы и средства Соединенных Штатов Америки.

В конце концов практически весь мир объединился на борьбу с злодеями, которые сейчас повержены. Сердца всех людей на нашем острове и во всей Британской империи сейчас переполняет благодарность нашим величественным союзникам.

Сейчас мы можем себе позволить короткую передышку радости, однако не будем забывать, что нам еще предстоит много дел. Вероломная и алчная Япония еще не покорена.

Раны, которые она нанесла Великобритании, Соединенным Штатам и другим странам, и ее отвратительные жестокости вызывают к справедливости и возмездию. Все наши силы и средства сейчас мы должны посвятить этой нашей задаче. Вперед, Британия! Да здравствует дело свободы! Боже, храни короля! Примечание редактора: практически сразу после объявления о немецкой безоговорочной капитуляции по радио, Черчилль прочитал то же самое обращение в Палате Представителей и добавил следующее:

Мне было поручено донести это послание до Британской нации и Содружества. Я еще только хочу добавить два-три предложения. Ими я хочу выразить свою глубокую признательность Палате Представителей, которая оказала сильнейшую из когда-либо виданных в нашей долгой истории поддержку нашим военным действиям. Все мы совершали ошибки, однако парламентское правление показало, что можно вести войну в ее самой трудной и долгой форме, в то же время сохраняя все идеалы демократии. Я хотел бы выразить сердечную благодарность всем членам всех партий за то, что они помогли поддержать наше парламентское правление под огнем врага, за то что нам удалось упорно бороться – и мы могли бы бороться и дальше, если бы это было бы нужно – до тех пор, пока поставленная нами цель добиться полной и безоговорочной капитуляции врага не была достигнута. Я хорошо помню как в конце прошлой войны, более чем четверть века назад, Палата, слушая длинный перечень условий капитуляции и условий перемирия, наложенных на Германию, совершенно не выказывала склонности к дебатам, а предложила поблагодарить Всемогущего Господа, великая сила которого меняет и формирует счастье народов и судьбу людей; и я, таким образом, с вашего позволения предлагаю Палате сейчас посетить церковь св. Маргарет в Вестминстере чтобы вознести смиренную и почтительную хвалу Всемогущему Господу за наше избавление от Германского владычества. Этот порыв в точности совпадает с тем, который охватил нас в конце прошлой войны.

Уинстон Спенсер Черчилль
Речь в Вестминстерском колледже
(Фултон, Миссури, США) – 5 марта 1946

Я счастлив, что прибыл сегодня в Вестминстерский колледж и что вы присвоили мне ученую степень. Название «Вестминстер» мне кое-что говорит. Кажется, что я его где-то слышал. Ведь именно в Вестминстере я получил львиную долю своего образования в области политики, диалектики, риторики, ну и еще кое в чем. В сущности, мы с вами получили образование в одних и тех же или схожих учебных заведениях.

Также честь, возможно почти уникальная, для частного лица – быть представленным академической аудитории президентом Соединенных Штатов. Обремененный множеством различных забот и обязанностей, которых он не жаждет, но от которых не бежит, президент проделал путь в 1000 миль для того, чтобы почтить своим присутствием нашу сегодняшнюю встречу и подчеркнуть ее значение, дав мне возможность обратиться к этой родственной стране, моим соотечественникам по ту сторону океана, а, может быть, еще и к некоторым другим странам. Президент уже сказал вам о своем желании, которое, я уверен, совпадает с вашим, – чтобы я в полной мере был волен дать вам мой честный и верный совет в эти беспокойные и смутные времена.

Я, разумеется, воспользуюсь этой предоставленной мне свободой и чувствую себя тем более вправе сделать это, что какие бы то ни было личные амбиции, которые я мог иметь в мои молодые годы, давно удовлетворены сверх моих самых больших мечтаний. Должен, однако, заявить со всей определенностью, что у меня нет ни официального поручения, ни статуса для

такого рода выступления, и я говорю только от своего имени. Так что перед вами только то, что вы видите. Поэтому я могу позволить себе, пользуясь опытом прожитой мною жизни, поразмышлять о проблемах, осаждающих нас сразу же после нашей полной победы на полях сражений, и попытаться изо всех сил обеспечить сохранение того, что было добыто с такими жертвами и страданиями во имя грядущей славы и безопасности человечества.

Соединенные Штаты находятся в настоящее время на вершине всемирной мощи. Сегодня торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и неимоверную ответственность перед будущим. Оглядываясь вокруг, вы должны ощущать не только чувство исполненного долга, но и беспокойство о том, что можете оказаться не на уровне того, что от вас ожидается. Благоприятные возможности налицо, и они полностью ясны для обеих наших стран.

Отвергнуть их, проигнорировать или же без пользы растратить означало бы навлечь на себя бесконечные упреки грядущих времен. Постоянство мышления, настойчивость в достижении цели и великая простота решений должны направлять и определять поведение англоязычных стран в мирное время, как это было во время войны. Мы должны и, думаю, сможем оказаться на высоте этого жесткого требования. Когда американские военные сталкиваются с какой-либо серьезной ситуацией, они обычно предваряют свои директивы словами «общая стратегическая концепция». В этом есть своя мудрость, поскольку наличие такой концепции ведет к ясности мышления. Общая стратегическая концепция, которой мы должны придерживаться сегодня, есть не что иное, как безопасность и благополучие, свобода и прогресс всех семейных очагов, всех людей во всех странах. Я имею в виду прежде всего миллионы коттеджей и многоквартирных домов, обитатели которых, невзирая на превратности и трудности жизни, стремятся оградить домочадцев от лишений и воспитать свою семью в боязни перед Господом или основываясь на этических принципах, которые часто играют важную роль. Чтобы обеспечить безопасность этих бесчисленных жилищ, они должны быть защищены от двух главных бедствий – войны и тирании. Всем известно страшное потрясение, испытываемое любой семьей, когда на ее кормильца, который ради нее трудится и преодолевает тяготы жизни, обрушивается проклятие войны. Перед нашими глазами зияют ужасные разрушения Европы со всеми ее былыми ценностями и значительной части Азии. Когда намерения злоумышленников либо агрессивные устремления мощных держав уничтожают во многих районах мира основы цивилизованного общества, простые люди сталкиваются с трудностями, с которыми они не могут справиться. Для них все искажено, поломано или вообще стерто в порошок.

Стоя здесь в этот тихий день, я содрогаюсь при мысли о том, что происходит в реальной жизни с миллионами людей и что произойдет с ними, когда планету поразит голод.

Никто не может просчитать то, что называют «неисчислимой суммой человеческих страданий». Наша главная задача и обязанность – оградить семьи простых людей от ужасов и несчастий еще одной войны. В этом мы все согласны. Наши американские военные коллеги после того, как они определили «общую стратегическую концепцию» и просчитали все наличные ресурсы, всегда переходят к следующему этапу – поискам средств ее реализации. В этом вопросе также имеется общепринятое согласие. Уже образована всемирная организация с основополагающей целью предотвратить войну. ООН, преемница Лиги Наций с решающим добавлением к ней США и всем, что это означает, уже начала свою работу. Мы обязаны обеспечить успех этой деятельности, чтобы она была реальной, а не фиктивной, чтобы эта организация представляла из себя силу, способную действовать, а не просто сотрясать воздух, и чтобы она стала подлинным Храмом Мира, в котором можно будет развесить боевые щиты многих стран, а не просто рубкой мировой вавилонской башни.

Прежде чем мы сможем освободиться от необходимости национальных вооружений в целях самосохранения, мы должны быть уверены, что наш храм построен не на зыбучих песках или трясине, а на твердой скалистой основе. Все, у кого открыты глаза, знают, что наш путь будет трудным и долгим, но если мы будем твердо следовать тому курсу, которому следовали в ходе двух мировых войн (и, к сожалению, не следовали в промежутке между ними), то у меня нет сомнений в том, что, в конце концов, мы сможем достичь нашей общей цели.

Здесь у меня имеется и практическое предложение к действию. Суды не могут работать без шерифов и констеблей. Организацию Объединенных Наций необходимо немедленно начать оснащать международными вооруженными силами. В таком деле мы можем продвигаться только постепенно, но начать должны сейчас. Я предлагаю, чтобы всем государствам было предложено предоставить в распоряжение Всемирной Организации некоторое количество военно-воздушных эскадрилий. Эти эскадрильи готовились бы в своих собственных странах, но перебрасывались бы в порядке ротации из одной страны в другую. Летчики носили бы военную форму своих стран, но с другими знаками различия. От них нельзя было бы требовать участия в военных действиях против своей собственной страны, но во всех других отношениях ими руководила бы Всемирная Организация. Начать создавать такие силы можно было бы на скромном уровне и наращивать их по мере роста доверия. Я хотел, чтобы это было сделано после Первой мировой войны, и искренне верю, что это можно сделать и сейчас.

Однако было бы неправильным и неосмотрительным доверять секретные сведения и опыт создания атомной бомбы, которыми в настоящее время располагают Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, Всемирной Организации, еще пребывающей в состоянии младенчества. Было бы преступным безумием пустить это оружие по течению во все еще взбудораженном и не объединенном мире. Ни один человек, ни в одной стране не стал спать хуже от того, что сведения, средства и сырье для создания этой бомбы сейчас сосредоточены в основном в американских руках. Не думаю, что мы спали бы сейчас столь спокойно, если бы ситуация была обратной, и какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство монополизировало на некоторое время это ужасное средство. Одного страха перед ним уже было бы достаточно тоталитарным системам для того, чтобы навязать себя свободному демократическому миру. Ужасающие последствия этого не поддавались бы человеческому воображению. Господь повелел, чтобы этого не случилось, и у нас есть еще время привести наш дом в порядок до того, как такая опасность возникнет. Но даже в том случае, если мы не пожалеем никаких усилий, мы все равно должны будем обладать достаточно разительным превосходством, чтобы иметь эффективные устрашающие средства против его применения или угрозы такого применения другими странами. В конечном счете, когда подлинное братство людей получило бы реальное воплощение в виде некоей Всемирной Организации, которая обладала бы всеми необходимыми практическими средствами, чтобы сделать ее эффективной, такие полномочия могли бы быть переданы ей.

Теперь я подхожу ко второй опасности, которая подстерегает семейные очаги и простых людей, а именно – тирании. Мы не можем закрывать глаза на то, что свободы, которыми пользуются граждане во всей Британской империи, не действуют в значительном числе стран; некоторые из них весьма могущественны. В этих государствах власть навязывается простым людям всепроникающими полицейскими правительствами. Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплоченными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии и политической полиции. В настоящее время, когда трудностей все еще так много, в наши обязанности не может входить насильственное вмешательство во внутренние дела стран, с которыми мы не находимся в состоянии войны. Мы должны неустанно и бесстрашно провозглашать великие принципы свободы и прав человека,

которые представляют собой совместное наследие англоязычного мира и которые в развитие Великой Хартии, Билля о правах, закона Хабеас Корпус, суда присяжных и английского общего права обрели свое самое знаменитое выражение в Декларации Независимости. Они означают, что народ любой страны имеет право и должен быть в силах посредством конституционных действий, путем свободных нефальсифицированных выборов с тайным голосованием выбрать или изменить характер или форму правления, при котором он живет; что господствовать должны свобода слова и печати; что суды, независимые от исполнительной власти и не подверженные влиянию какой-либо партии, должны проводить в жизнь законы, которые получили одобрение значительного большинства населения либо освящены временем или обычаями. Это основополагающие права на свободу, которые должны знать в каждом доме.

Таково послание британского и американского народов всему человечеству. Давайте же проповедовать то, что мы делаем, и делать то, что мы проповедуем. Итак, я определил две главные опасности, угрожающие семейным очагам людей. Я не говорил о бедности и лишениях, которые зачастую тревожат людей больше всего. Но если устранить опасности войны и тирании, то, несомненно, наука и сотрудничество в ближайшие несколько лет, максимум несколько десятилетий принесут миру, прошедшему жестокою школу войны, рост материального благосостояния, невиданный в истории человечества. В настоящее время, в этот печальный и оцепеняющий момент, нас угнетают голод и уныние, наступившие после нашей колоссальной борьбы. Но это все пройдет и может быть быстро, и нет никаких причин, кроме человеческой глупости и бесчеловечного преступления, которые не дали бы всем странам без исключения воспользоваться наступлением века изобилия. Я часто привожу слова, которые пятьдесят лет назад слышал от великого американского оратора ирландского происхождения и моего друга Берка Кокрана: «На всех всего достаточно. Земля – щедрая мать. Она даст полное изобилие продовольствия для всех своих детей, если только они будут ее возделывать в справедливости и мире».

Итак, до сих пор мы в полном согласии. Сейчас, продолжая пользоваться методикой нашей общей стратегической концепции, я подхожу к тому главному, что хотел здесь сказать. Ни эффективное предотвращение войны, ни постоянное расширение влияния Всемирной Организации не могут быть достигнуты без братского союза англоязычных народов. Это означает особые отношения между Британским Содружеством и Британской империей и Соединенными Штатами. У нас нет времени для банальностей, и я дерзну говорить конкретно. Братский союз требует не только роста дружбы и взаимопонимания между нашими родственными системами общества, но и продолжения тесных связей между нашими военными, которые должны вести к совместному изучению потенциальных опасностей, совместимости вооружений и военных уставов, а также обмену офицерами и курсантами военно-технических колледжей. Это также означало бы дальнейшее использование уже имеющихся средств для обеспечения взаимной безопасности путем совместного пользования всеми военно-морскими и военно-воздушными базами. Это, возможно, удвоило бы мобильность американского флота и авиации. Это намного повысило бы мобильность вооруженных сил Британской империи, а также, по мере того как мир успокоится, дало бы значительную экономию финансовых средств. Уже сейчас мы совместно пользуемся целым рядом островов; в близком будущем и другие острова могут перейти в совместное пользование. США уже имеют постоянное соглашение об обороне с доминионом Канада, которая глубоко предана Британскому Содружеству и империи. Это соглашение более действенно, чем многие из тех, которые часто заключались в рамках формальных союзов. Этот принцип следует распространить на все страны Британского Содружества с полной взаимностью. Так и только так мы сможем, что бы ни случилось, обезопасить себя и работать вместе во имя высоких и

простых целей, которые дороги нам и не вредны никому. На самом последнем этапе может реализоваться (и, я считаю, в конечном счете реализуется) и идея об общем гражданстве, но этот вопрос мы вполне можем оставить на усмотрение судьбы, чью протянутую нам навстречу руку столь многие из нас уже ясно видят. Есть, однако, один важный вопрос, который мы должны себе задать. Будут ли особые отношения между США и Британским Содружеством совместимы с основополагающей верностью Всемирной Организации? Мой ответ: такие отношения, напротив, представляют собой, вероятно, единственное средство, с помощью которого эта организация сможет обрести статус и силу. Уже существуют особые отношения между США и Канадой и южноамериканскими республиками. У нас также имеется заключенный на 20 лет договор о сотрудничестве и взаимной помощи с Россией. Я согласен с министром иностранных дел Великобритании г-ном Бевином, что этот договор, в той степени, в какой это зависит от нас, может быть заключен и на 50 лет. Нашей единственной целью является взаимная помощь и сотрудничество. Наш союз с Португалией действует с 1384 года и дал плодотворные результаты в критические моменты минувшей войны. Ни одно из этих соглашений не входит в противоречие с общими интересами всемирного соглашения.

Напротив, они могут помогать работе Всемирной Организации. «В доме Господа всем хватит места». Особые отношения между Объединенными Нациями, которые не имеют агрессивной направленности против какой-либо страны и не несут в себе планов, несовместимых с Уставом Организации Объединенных Наций, не только не вредны, но полезны и, я полагаю, необходимы. Я уже говорил о Храме Мира. Возводить этот Храм должны труженики из всех стран. Если двое из этих строителей особенно хорошо знают друг друга и являются старыми друзьями, если их семьи перемешаны и, цитируя умные слова, которые попались мне на глаза позавчера, «если у них есть вера в цели друг друга, надежда на будущее друг друга и снисхождение к недостаткам друг друга», то почему они не могут работать вместе во имя общей цели как друзья и партнеры? Почему они не могут совместно пользоваться орудиями труда и таким образом повысить трудоспособность друг друга? Они не только могут, но и должны это делать, иначе Храм не будет возведен либо рухнет после постройки бездарными учениками, и мы будем снова, уже в третий раз, учиться в школе войны, которая будет несравненно более жестокой, чем та, из которой мы только что вышли. Могут вернуться времена средневековья, и на сверкающих крыльях науки может вернуться каменный век, и то, что сейчас может пролиться на человечество безмерными материальными благами, может привести к его полному уничтожению. Я поэтому взываю: будьте бдительны. Быть может, времени осталось уже мало. Давайте не позволим событиям идти самотеком, пока не станет слишком поздно. Если мы хотим, чтобы был такой братский союз, о котором я только что говорил, со всей той дополнительной мощью и безопасностью, которые обе наши страны могут из него извлечь, давайте сделаем так, чтобы это великое дело стало известным повсюду и сыграло свою роль в укреплении основ мира. Лучше предупредить болезнь, чем лечить ее.

На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии – я не сомневаюсь, что и здесь тоже, – питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее

флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепнущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики. Однако я считаю своим долгом изложить вам некоторые факты – уверен, что вы желаете, чтобы я изложил вам факты такими, какими они мне представляются, – о нынешнем положении в Европе.

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы. Только Афины с их бессмертной славой могут свободно определять свое будущее на выборах с участием британских, американских и французских наблюдателей. Польское правительство, находящееся под господством русских, поощряется к огромным и несправедливым посягательствам на Германию, что ведет к массовым изгнаниям миллионов немцев в прискорбных и невиданных масштабах. Коммунистические партии, которые были весьма малочисленны во всех этих государствах Восточной Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и всюду стремятся установить тоталитарный контроль. Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, и по сей день, за исключением Чехословакии, в них нет подлинной демократии. Турция и Персия глубоко обеспокоены и озабочены по поводу претензий, которые к ним предъявляются, и того давления, которому они подвергаются со стороны правительства Москвы. В Берлине русские предпринимают попытки создать квазикоммунистическую партию в своей зоне оккупированной Германии посредством предоставления специальных привилегий группам левых немецких лидеров.

После боев в июне прошлого года американская и британская армии в соответствии с достигнутым ранее соглашением отошли на Запад по фронту протяженностью почти в 400 миль на глубину, достигшую в некоторых случаях 150 миль, с тем, чтобы наши русские союзники заняли эту обширную территорию, которую завоевали западные демократии. Если сейчас Советское правительство попытается сепаратными действиями создать в своей зоне прокоммунистическую Германию, это вызовет новые серьезные затруднения в британской и американской зонах и даст побежденным немцам возможность устроить торг между Советами и западными демократиями. Какие бы выводы ни делать из этих фактов, – а все это факты, – это будет явно не та освобожденная Европа, за которую мы сражались. И не Европа, обладающая необходимыми предпосылками для создания прочного мира. Безопасность мира требует нового единства в Европе, от которого ни одну сторону не следует отталкивать навсегда. От ссор этих сильных коренных рас в Европе происходили мировые войны, свидетелями которых мы являлись или которые вспыхивали в прежние времена. Дважды в течение нашей жизни Соединенные Штаты против своих желаний и традиций и в противоречии с аргументами, которые невозможно не понимать, втягивались непреодолимыми силами в эти войны для того, чтобы обеспечить победу правого дела, но только после ужасной бойни и опустошений. Дважды Соединенные Штаты были вынуждены посылать на войну миллионы своих молодых людей за Атлантический океан. Но в настоящее время война может постигнуть любую страну, где бы она ни находилась между закатом и рассветом. Мы, безусловно, должны действовать с сознательной целью великого умиротворения Европы в рамках Организации Объединенных Наций и в соответствии с ее Уставом. Это, по моему мнению, политика исключительной важности.

По другую сторону «железного занавеса», который опустился поперек Европы, другие причины для беспокойства. В Италии деятельность коммунистической партии серьезно скована

необходимостью поддерживать претензии обученного коммунистами маршала Тито на бывшую итальянскую территорию в центре Адриатики. Тем не менее ситуация в Италии остается неопределенной. Опять-таки невозможно представить восстановленную Европу без сильной Франции. Всю свою жизнь я выступал за существование сильной Франции и никогда, даже в самые мрачные времена, не терял веры в ее будущее. И сейчас я не теряю этой веры. Однако во многих странах по всему миру вдалеке от границ России созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единстве и абсолютном подчинении директивам, которые они получают из коммунистического центра. За исключением Британского Содружества и Соединенных Штатов, где коммунизм находится в стадии младенчества, коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой все возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации. Все это тягостные факты, о которых приходится говорить сразу же после победы, одержанной столь великолепным товариществом по оружию во имя мира и демократии. Но было бы в высшей степени неразумно не видеть их, пока еще осталось время. Озабоченность также вызывают перспективы на Дальнем Востоке, особенно в Манчжурии. Соглашение, достигнутое в Ялте, к которому я был причастен, было чрезвычайно благоприятным для России. Но оно было заключено в то время, когда никто не мог сказать, что война закончится летом или осенью 1945 года, и когда ожидалось, что война с Японией будет идти в течение 18 месяцев после окончания войны с Германией.

В вашей стране вы настолько хорошо информированы о Дальнем Востоке и являетесь такими верными друзьями Китая, что мне нет необходимости распространяться на тему о положении там. Я чувствовал себя обязанным обрисовать вам тень, которая и на Западе, и на Востоке падает на весь мир. Во время заключения Версальского договора я был министром и близким другом гна Ллойд Джорджа, который возглавлял делегацию Великобритании в Версале. Я не соглашался со многим из того, что было там сделано, но у меня отложилось очень яркое впечатление от ситуации того времени, и мне больно сопоставлять ее с нынешней. Это были времена больших ожиданий и безграничной уверенности в том, что войн больше не будет и что Лига Наций станет всемогущей. Сегодня я не вижу и не чувствую такой уверенности и таких надежд в нашем измученном мире. С другой стороны, я гоню от себя мысль, что новая война неизбежна, тем более в очень недалеком будущем. И именно потому, что я уверен, что наши судьбы в наших руках и мы в силах спасти будущее, я считаю своим долгом высказаться по этому вопросу, благо у меня есть случай и возможность это сделать.

Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин. Но о чем мы должны подумать здесь сегодня, пока еще есть время, так это о предотвращении войн навечно и создании условий для свободы и демократии как можно скорее во всех странах. Наши трудности и опасности не исчезнут, если мы закроем на них глаза или просто будем ждать, что произойдет, или будем проводить политику умиротворения. Нам нужно добиться урегулирования, и чем больше времени оно займет, тем труднее оно пойдет и тем более грозными станут перед нами опасности. Из того, что я наблюдал в поведении наших русских друзей и союзников во время войны, я вынес убеждение, что они ничто не почитают так, как силу, и ни к чему не питают меньше уважения, чем к военной слабости. По этой причине старая доктрина равновесия сил теперь непригодна, (в другом переводе: «Из того, что я видел во время войны в наших русских друзьях и соратниках, я заключаю, что ничем они не восхищаются больше, чем силой, и ничего они не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость. Поэтому старая доктрина баланса сил ныне неосновательна.» – прим. ред.) Мы не можем позволить себе – насколько это в наших силах – действовать с позиций малого перевеса, который вводит во искушение заняться пробой сил. Если западные демократии будут стоять вместе в своей твердой приверженности

принципам Устава Организации Объединенных Наций, их воздействие на развитие этих принципов будет громадным и вряд ли кто бы то ни было сможет их поколебать. Если, однако, они будут разъединены или не смогут исполнить свой долг и если они упустят эти решающие годы, тогда и в самом деле нас постигнет катастрофа.

В прошлый раз, наблюдая подобное развитие событий, я взывал во весь голос к своим соотечественникам и ко всему миру, но никто не пожелал слушать. До 1933 или даже до 1935 года Германию можно было уберечь от той страшной судьбы, которая ее постигла, и мы были бы избавлены от тех несчастий, которые Гитлер обрушил на человечество. Никогда еще в истории не было войны, которую было бы легче предотвратить своевременными действиями, чем та, которая только что разорила огромные области земного шара. Ее, я убежден, можно было предотвратить без единого выстрела, и сегодня Германия была бы могущественной, процветающей и уважаемой страной; но тогда меня слушать не пожелали, и один за другим мы оказались втянутыми в ужасный смерч. Мы не должны позволить такому повториться.

Сейчас этого можно добиться только путем достижения сегодня, в 1946 году, хорошего взаимопонимания с Россией по всем вопросам под общей эгидой Организации Объединенных Наций, поддерживая с помощью этого всемирного инструмента это доброе понимание в течение многих лет, опираясь на всю мощь англоязычного мира и всех тех, кто с ним связан. Пусть никто не недооценивает внушительную силу Британской империи и Содружества.

Пусть вы видите на нашем острове 46 миллионов человек, которые испытывают трудности с продовольствием, и пусть у нас есть сложности с восстановлением нашей промышленности и экспортной торговли после 6 лет беззаветных военных усилий, не думайте, что мы не сможем пройти через эту мрачную полосу лишений так же, как мы прошли через славные годы страданий, или что через полвека нас не будет 70 или 80 миллионов, проживающих по всему миру и единых в деле защиты наших традиций, нашего образа жизни и тех вселенских ценностей, которые мы с вами исповедуем. Если население Британского Содружества и Соединенных Штатов будет действовать совместно, при всем том, что такое сотрудничество означает в воздухе, на море, в науке и экономике, то будет исключен тот беспокойный, неустойчивый баланс сил, который искушал бы на амбиции или авантюризм. Напротив, будет совершенная уверенность в безопасности. Если мы будем добросовестно соблюдать Устав Организации Объединенных Наций и двигаться вперед со спокойной и трезвой силой, не претендуя на чужие земли и богатства и не стремясь установить произвольный контроль над мыслями людей, если все моральные и материальные силы Британии объединятся с вашими в братском союзе, то откроются широкие пути в будущее – не только для нас, но и для всех, не только на наше время, но и на век вперед.

Россия – угроза для свободного мира

(отрывок из мемуаров, перевод В. Чухно, М. Минц)

По мере того как война, которую вела коалиция, подходила к концу, политические вопросы приобретали все более важное значение. Вашингтону особенно следовало проявлять большую дальновидность и придерживаться более широких взглядов. Сейчас мы можем представить себе опасный пробел, образовавшийся в промежутке между периодом, когда убывали силы президента Рузвельта и росло понимание президентом Трумэном обширной мировой проблемы. В этот печальный момент один президент не мог действовать, а другой не мог знать, как действовать. Ни военные начальники, ни государственный департамент не

получали необходимого руководства. Политическое руководство отсутствовало как раз в тот период, когда оно было более всего необходимо. Выступая на арене как победитель, как вершитель судеб человечества, Соединенные Штаты не имели ясных и последовательных целей. Англия, хотя она все еще оставалась весьма сильной державой, не могла одна действовать решительно. В этот период я мог лишь предупреждать и вызывать.

Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству.

Решающие практические вопросы стратегии и политики, о которых будет идти речь в этом повествовании, сводились к тому, что: во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на Восток; в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий – Берлин; в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение; в-шестых, Вена, и по существу вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере, на равной основе с русскими Советами; в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии; наконец – и это главное – урегулирование между Западом и Востоком по всем основным вопросам, касающимся Европы, должно быть достигнуто до того, как армии демократии уйдут или западные союзники уступят какую-либо часть германской территории, которую они завоевали.

В связи с этим я писал 31 марта 1945 г. генералу Эйзенхауэру:

«1. Лично мне кажется, что если сопротивление противника не будет сломлено, то переключение основной оси наступления столь далеко на юг и вывод американской 9-й армии из состава 21-й группы армий может в такой степени растянуть фронт Монтгомери, что отведенная ему наступательная роль окажется сведенной к нулю. Я не вижу, какую выгоду дает отказ от форсирования Эльбы. Если сопротивление противника ослабнет, как вы, очевидно, ожидаете и что вполне может случиться, почему бы нам не форсировать Эльбу и не продвинуться как можно дальше на Восток? Это имеет важное политическое значение, поскольку русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят Австрию. Если мы преднамеренно оставим им Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убежденность, которая уже очевидна, в том, что все сделали они.

2. Далее, я лично не считаю, что Берлин уже утратил свое военное и тем более политическое значение. Падение Берлина оказало бы глубокое психологическое воздействие на сопротивление немцев во всех частях рейха. До тех пор пока Берлин держится, огромные массы немцев будут считать своим долгом продолжать борьбу до последнего вздоха. Я не разделяю мнения, что захват Дрездена и соединение там с русскими имели бы более важное значение. Те части департаментов германского правительства, которые переброшены на юг, могут быть очень быстро переведены еще дальше на юг. Но пока Берлин остается под германским флагом, он, по моему мнению, не может не являться самым решающим пунктом в Германии.

3. Поэтому я бы в гораздо большей степени предпочел придерживаться того плана, на основе которого мы форсировали Рейн, а именно, чтобы американская 9-я армия вместе с 21-й группой армий продвинулась к Эльбе и дальше до Берлина. Это ни в коей мере не противоречило бы плану большого центрального удара, который вы в настоящее время столь правильно развиваете в результате блестящих операций ваших армий южнее Рура. Потребуется

лишь переключение одной армии на северный фланг».

2 апреля 1945 г. я отправил Эйзенхауэру еще одну телеграмму:

«Я придаю еще большее значение вступлению в Берлин – возможность, которая, вполне вероятно, нам представится, – в результате полученного вами из Москвы ответа, в третьем параграфе которого говорится, что «Берлин утратил свое прежнее стратегическое значение». Это следует рассматривать в свете того, что я говорил о политической стороне дела. Я считаю чрезвычайно важным, чтобы мы встретились с русскими как можно дальше на Востоке...»

тальным человеком имели огромное значение на протяжении долгих тяжелых лет совместной работы. Теперь этим отношениям пришел конец. Я был подавлен сознанием большой, непоправимой утраты. Я отправился в палату общин, которая собралась в 11 часов, и в нескольких словах предложил почтить память нашего великого друга, немедленно отложив заседание. Этот беспрецедентный шаг, предпринятый по случаю смерти главы иностранного государства, соответствовал единодушному желанию членов палаты. Медленно покидали они парламент после заседания, продолжавшегося всего лишь восемь минут.

Все страны в той или иной форме чтили память Рузвельта. В Москве были вывешены окаямленные крепом флаги; в противовес этому германское радио заявило, что «Рузвельт войдет в историю как человек, который своим подстрекательством превратил нынешнюю войну во вторую мировую войну, как президент, который в итоге сумел усилить мощь своего самого большого противника – большевистского Советского Союза».

Президент Рузвельт скончался в момент, когда решалась судьба важнейших политических и военных проблем. Западный фронт Гитлера рухнул; Эйзенхауэр перешел Рейн и прорвался далеко в глубь Германии и Центральной Европы, преследуя врага, который кое-где оказывал ожесточенное сопротивление, но был совершенно не в состоянии сдержать натиск наших победоносных армий. Казалось, ничто не может помешать западным союзникам занять Берлин.

Форсировав Рейн и окружив Рур, Эйзенхауэр выделил для подавления рурских гарнизонов корпуса, действовавшие на флангах американских 1-й и 9-й армий. 12-я группа армий Брэдли, 9,1 и 3-я армии продвигались к Магдебургу, Лейпцигу и Байрейту. Сопротивление носило спорадический характер, но в двух первых городах и в горах Гарца оно оказалось ожесточенным. К 19 апреля все города были взяты, и передовые части 3-й армии вступили в Чехословакию. 9-я армия продвигалась так быстро, что 12 апреля форсировала Эльбу около Магдебурга и находилась приблизительно в 60 милях от Берлина.

Русские, сосредоточив большие силы на Одере, в 35 милях от столицы, 16 апреля начали наступление на фронте протяжением 200 миль и 25 апреля окружили Берлин. В тот же день авангардные войска американской 1-й армии, продвигавшиеся из Лейпцига, встретились с русскими близ Торгау на Эльбе. Германия была разрезана надвое, и 9-я и 1-я армии стояли на Эльбе и Мульде прямо против русских. Немецкая армия распадалась у нас на глазах. За первые три недели апреля было взято в плен свыше миллиона человек. Но Эйзенхауэр считал, что нацистские фанатики попытаются обосноваться в горах Баварии и Западной Австрии, и он повернул американскую 3-ю армию в южном направлении. Ее правый фланг, продвигаясь вниз по Дунаю, достиг 5 мая Линца и позднее встретился с русскими, продвигавшимися из Вены. Ее левый фланг проник в глубь Чехословакии до Будеевице, Пльзена и Карлсбада. Соглашения, мешавшего Эйзенхауэру занять Прагу, если это было возможно с военной точки зрения, не было.

Поэтому я обратился к президенту Трумэну 30 апреля 1945 г.:

«Можно почти не сомневаться в том, что освобождение Вашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны. С другой

стороны, если западные союзники не будут играть важную роль в освобождении Чехословакии, эту страну постигнет участь Югославии».

1 мая президент Трумэн сказал мне, что разработанный генералом Эйзенхауэром план действий в Чехословакии на ближайшее время заключается в следующем:

«Советский Генеральный штаб предполагает сейчас начать операции в долине реки Влтавы. Я намерен, как только это позволят нынешние операции, заняться ликвидацией всех остающихся организованных немецких вооруженных сил.

Если после этого окажется желательным продвижение в Чехословакии и если позволят условия, наше первое наступление будет логически развиваться в направлении Пльзеня и Карлсбада. Я не предприму никакого шага, который считаю нецелесообразным с военной точки зрения».

Президент добавил: «Я одобряю этот план». Это казалось окончательным. Все же через неделю я снова вернулся к этому вопросу. Я писал генералу Эйзенхауэру 1 мая 1945 г.:

«Я надеюсь, что ваш план не помешает вам продвинуться к Праге, если у вас будут необходимые для этого войска и если вы не встретитесь с русскими раньше. Я думал, что вы не собираетесь сковывать себя, если у вас будут войска и территория окажется свободной».

Однако Эйзенхауэр вообще собирался приостановить наступление на западном берегу Эльбы и на линии чехословацкой границы 1937 года. Если позволит положение, он собирался перейти эту границу и подойти к общей линии Карлсбад, Пльзень, Будеевице. Русские согласились на это, и продвижение было осуществлено. Но 4 мая русские энергично возразили против нового предложения о дальнейшем продвижении американской 3-й армии к реке Влтаве, которая протекает через Прагу. Их это совершенно не устраивало. Поэтому американцы «приостановили продвижение, пока Красная Армия очищала восточный и западный берега реки Влтавы и оккупировала Прагу». Город пал 9 мая, через два дня после того, как в Реймсе была подписана общая капитуляция.

Уайнант и представитель английского министерства иностранных дел Уильям Стрэнг.

В то время этот вопрос казался чисто теоретическим. Никто не мог предвидеть, когда и как кончится война. В те дни сложилось мнение, что Россия после достижения своих границ не будет продолжать войну и что, когда наступит этот момент, западным союзникам, вероятно, придется попытаться уговаривать ее не ослаблять своих усилий. Поэтому вопрос о русской зоне оккупации Германии не занимал в наших мыслях или в англо-американских переговорах большого места, а также не поднимался ни одним из руководящих деятелей в Тегеране.

Когда по пути домой мы встретились в Каире в декабре 1943 года, американские начальники штабов подняли этот вопрос, но не по требованию России. Русская зона Германии оставалась академическим понятием, казавшимся чем-то желанным, но несбыточным. На конференции в Квебеке в сентябре 1944 года мы достигли твердого соглашения. О России никто даже не упоминал.

В Ялте в феврале 1945 года квебекский план был принят за рабочую основу для обсуждения будущей восточной границы Германии. Этот вопрос был оставлен для мирного договора. Советские армий в тот самый момент устремились через довоенные границы, и мы желали им всемерных успехов. Мы предложили соглашение об оккупационных зонах в Австрии. После некоторых уговоров Сталин согласился с моим энергичным призывом предоставить французам часть американской и английской зон и место в Союзной контрольной комиссии. Все прекрасно понимали, что согласованные оккупационные зоны не должны мешать армиям развертывать военные действия. Берлин, Прага и Вена могут быть взяты теми войсками, которые первыми их достигнут. Мы расстались в Крыму не только как союзники, но и как друзья, стоящие лицом к лицу со все еще грозным врагом, к которому все наши армии вели

ожесточенные и непрерывные бои.

За прошедшие после этого два месяца произошли огромные сдвиги, коренным образом изменившие весь ход мыслей. Гитлеровская Германия была обречена, и сам Гитлер стоял на краю гибели. Русские сражались в Берлине. Вена и большая часть Австрии находились в их руках. Взаимоотношения России с западными союзниками непрерывно менялись. Все вопросы, касающиеся будущего, оставались неурегулированными. Достигнутые в Ялте соглашения и договоренность уже были нарушены или отброшены победоносным Кремлем.

Я долгое время всячески старался обратить внимание американского правительства на огромные сдвиги в военной и политической областях. Безусловно, было бы катастрофой, если бы мы твердо соблюдали все свои соглашения, а Советы старались бы наложить руку на все, совершенно не обращая внимания на свои обязательства.

* * *

В середине апреля стало ясно, что гитлеровская Германия в скором времени будет полностью уничтожена. Армии вторжения рвались вперед со всей своей мощью, и расстояние между ними сокращалось с каждым днем. Гитлер размышлял, где бы ему оказать последнее сопротивление. Еще 20 апреля он продолжал думать о том, чтобы перебраться из Берлина в «Южный редут» в Баварских Альпах. В тот день он созвал совещание главных нацистских лидеров. Поскольку германскому двойному фронту, выходявшему одновременно на восток и на запад, угрожала непосредственная опасность быть разрезанным надвое наступающими авангардами союзников, Гитлер согласился создать два отдельных командования. Адмиралу Деницу было поручено руководить на севере как военными, так и гражданскими властями, и, в частности, на него была возложена задача доставить обратно на немецкую землю почти два миллиона беженцев с Востока. На юге генерал Кессельринг должен был командовать уцелевшими германскими армиями. Эти мероприятия должны были вступить в силу в случае падения Берлина.

Двумя днями позже, 22 апреля, Гитлер принял свое последнее и окончательное решение остаться в Берлине до конца. Вскоре столица была полностью окружена русскими, и фюрер утратил всякую способность контролировать события. Ему оставалось лишь организовать свою собственную смерть среди развалин города. Оставшимся вместе с ним нацистским руководителям он объявил, что умрет в Берлине. После совещания 20 апреля Геринг и Гиммлер покинули Берлин с тайной мыслью о мирных переговорах. Геринг, поехавший на юг, предположил, что своим решением остаться в Берлине Гитлер фактически отрекся от власти. И тогда Геринг попросил подтвердить его полномочия, а именно – что он должен действовать в качестве преемника фюрера. Ответом было немедленное смещение его со всех постов.

Последние сцены, происходившие в штаб-квартире Гитлера, описывались довольно подробно в других источниках. Из видных фигур его режима только Геббельс и Борман оставались с ним до самого конца. Русские войска уже дрались на улицах Берлина. В ночь на 29 апреля Гитлер составил свое завещание. Следующий день начался обычной работой в бомбоубежище под имперской канцелярией. В течение дня пришло известие о конце, постигшем Муссолини. Момент его получения зловеще соответствовал всему остальному. Гитлер спокойно позавтракал со своей свитой; окончив завтрак, он пожал руки всем присутствующим и ушел в свое личное помещение. В половине четвертого раздался выстрел. Сотрудники его личного штаба, зайдя в комнату, увидели, что он лежит на диване, сбоку – револьвер. Он покончил с собой выстрелом в рот, рядом с ним лежала мертвая Ева Браун, с которой он тайно обвенчался в один из последних дней. Она отравилась. Трупы их были

сожжены во дворе; погребальный костер Гитлера, пылавший под усиливавшийся грохот русских пушек, озаменовал страшный конец третьей империи.

Оставшиеся руководители провели последнее совещание. В последнюю минуту были предприняты попытки начать переговоры с русскими, но Жуков потребовал безоговорочной капитуляции. Борман предпринял попытку прорваться сквозь русские линии и бесследно исчез. Геббельс отравил шестерых своих детей, а затем приказал какому-то эсэсовцу застрелить его жену и его самого. Остальные сотрудники гитлеровской штаб-квартиры попали в руки русских.

В этот вечер адмирал Дениц в своей штаб-квартире в Гольштейне получил следующую телеграмму: «Вместо бывшего рейхсмаршала Геринга фюрер назначает вас, герр гросс-адмирал, своим преемником. Письменные полномочия – в пути. Немедленно примите все меры, каких требует положение. Борман».

Воцарился хаос. Дениц, поддерживавший связь с Гиммлером и полагавший, что последний будет назначен преемником Гитлера в случае падения Берлина, вдруг обнаружил, что внезапно на его плечи без предупреждения взвалили наивысшую ответственность. Перед ним встала задача организовать капитуляцию.

Документ о полной и безоговорочной капитуляции был подписан 7 мая, в 2 часа 41 минуту утра, генералом Беделлом Смитом и генералом Йодлем в присутствии французских и русских офицеров как свидетелей. На основе этого документа все военные действия прекращались в полночь 8 мая. Официальная ратификация германским верховным командованием, организованная русскими, состоялась в Берлине в ночь на 9 мая. Главный маршал авиации Теддер подписал акт о капитуляции от имени Эйзенхауэра, маршал Жуков от имени русских и фельдмаршал Кейтель от имени Германии.

* * *

... Когда я пробирался сквозь толпы ликующих лондонцев в час их радости, вполне заслуженной после всего того, что им пришлось пережить, мой ум занимали опасения за будущее и многочисленные сложные проблемы. В этом сиянии славы большинству из них казалось, что гитлеровская опасность со всеми ее тяжелыми испытаниями и лишениями канула в прошлое. Грозный враг, с которым они сражались более пяти лет, безоговорочно капитулировал. Единственное, что оставалось сделать трем державам-победительницам, это установить справедливый и прочный мир, охраняемый всемирным органом, вернуть солдат на родину к истосковавшимся по ним родным и близким и вступить в золотой век процветания и прогресса. Это минимальное – думали народы этих стран.

Однако у медали имелась обратная сторона. Еще не была побеждена Япония. Атомная бомба еще не родилась. Мир был в смятении. Основа связи – общая опасность, объединявшая великих союзников, – исчезла мгновенно. В моих глазах советская угроза уже заменила собой нацистского врага. Но объединения, направленного против нее, не существовало. У нас в стране основа национального единства, на которую так твердо опиралось правительство военного времени, также исчезала. Нашей силе, одолевшей так много бурь, не суждено будет долго сохраниться в солнечный день. Но в таком случае как сможем мы прийти к тому окончательному урегулированию, которое только одно может вознаградить за труды и страдания, связанные с войной? Я не мог избавиться от страха перед тем, что победоносные армии демократии скоро разбредутся, в то время как настоящее и самое трудное наше испытание еще впереди.

В эти дни я направил президенту Трумэну телеграмму, если можно так выразиться, телеграмму «железного занавеса». Из всех государственных документов, написанных мною по

этому вопросу, я предпочел бы, чтобы обо мне судили именно на основании этого послания.

«Президенту Трумэну.

12 мая 1945 года.

«1. Я глубоко обеспокоен положением в Европе. Мне стало известно, что половина американских военно-воздушных сил в Европе уже начала переброску на Тихоокеанский театр военных действий. Газеты полны сообщений о крупных перебросках американских армий из Европы. Согласно прежним решениям наши армии, по-видимому, также заметно сократятся. Канадская армия наверняка будет отозвана. Французы слабы, и с ними трудно иметь дело. Каждый может понять, что через очень короткий промежуток времени наша вооруженная мощь на континенте исчезнет, не считая умеренных сил, необходимых для сдерживания Германии.

А тем временем как насчет России? Я всегда стремился к дружбе с Россией, но так же, как и у вас, у меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное – их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии. Каково будет положение через год или два, когда английские и американские армии растают и исчезнут, а французская еще не будет сформирована в сколько-нибудь крупных масштабах, когда у нас, возможно, будет лишь горстка дивизий, в основном французских, тогда как Россия, возможно, решит сохранить на действительной службе 200–300 дивизий?

Железный занавес опускается над их фронтом. Мы не знаем, что делается позади него. Можно почти не сомневаться в том, что весь район восточнее линии Любек, Триест, Корфу будет в скором времени полностью в их руках. К этому нужно добавить простирающийся дальше огромный район, завоеванный американскими армиями между Эйзенахом и Эльбой, который, как я полагаю, будет через несколько недель – когда американцы отступят – оккупирован русскими силами. Генералу Эйзенхауэру придется принять все возможные меры для того, чтобы предотвратить новое бегство огромных масс германского населения на Запад при этом гигантском продвижении москвитов в центр Европы. И тогда занавес снова опустится очень намного, если не целиком. И, таким образом, широкая полоса оккупированной русскими территории протяжением во много сот миль отрезет нас от Польши.

Тем временем внимание наших народов будет отвлечено навязыванием сурового обращения с Германией, которая разорена и повержена, и в весьма скором времени перед русскими откроется дорога для продвижения, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана.

Безусловно, сейчас жизненно важно прийти к соглашению с Россией или выяснить наши с ней отношения, прежде чем мы смертельно ослабим свои армии или уйдем в свои зоны оккупации. Это может быть сделано только путем личной встречи. Я буду чрезвычайно благодарен Вам за высказанное Вами мнение и совет. Конечно, мы можем прийти к мнению, что Россия будет вести себя безупречно, и это, несомненно, наиболее удобный выход. Короче говоря, с моей точки зрения, проблема урегулирования с Россией прежде, чем наша сила исчезнет, затмевает все остальные проблемы».

1 июня президент Трумэн сказал мне, что маршал Сталин согласен, как он выразился, на встречу «тройки» в Берлине примерно 15 июля. Я немедленно ответил, что буду рад прибыть в Берлин с английской делегацией, но что, по-моему, 15 июля, предложенное Трумэном, будет

слишком поздней датой для решения неотложных вопросов, требующих нашего внимания, и что мы причиним ущерб надеждам и единству всего мира, если позволим своим личным или национальным нуждам помешать организации более скорой встречи. «Хотя у нас самый разгар напряженной предвыборной кампании, – телеграфировал я, – я не считал бы свои дела здесь сравнимыми со встречей нас троих. Если 15 июня неприемлемо, то почему бы не 1,2 или 3 июля?» Трумэн ответил, что после тщательного рассмотрения этого вопроса решено, что 15 июля для него самый близкий срок и что меры принимаются соответственно. Сталин не хотел приближать эту дату.

4 июня 1945 г. я отправил письмо Трумэну:

«Я уверен, что Вы понимаете причину, почему я настаиваю на более ранней дате, скажем, 3-го или 4-го (июля). Отход американской армии к нашей линии оккупации в центральном секторе, в результате чего советская держава окажется в самом сердце Западной Европы и между нами и всем тем, что находится восточнее, опустится «железный занавес», вызывает у меня самые мрачные предчувствия. Я надеялся, что этот отход, если он должен быть совершен, будет сопровождаться урегулированием многих важных вопросов, что могло бы послужить подлинным фундаментом всеобщего мира. Пока что ни один действительно важный вопрос не был урегулирован, а Вам и мне придется нести большую ответственность за будущее. Поэтому я все еще надеюсь, что дата встречи будет приближена».

Я подкрепил этот довод указанием на своевольные действия русских в Вене:

«1. Маршал Толбухин приказал, чтобы наши миссии выехали из Вены 10 или 11 июня. Им не позволили ничего осмотреть за пределами города, и союзникам разрешается пользоваться только одним аэродромом. Это – столица Австрии, которая по соглашению должна быть разделена, как и сама страна, на четыре зоны; но, кроме русских, там никто не имеет никакой власти, и мы лишены там даже обычных дипломатических прав. Если мы уступим в этом вопросе, мы должны будем рассматривать Австрию как относящуюся к советизированной половине Европы.

2. С другой стороны, русские требуют отвода американских и английских сил в Германии к оккупационной линии, установленной очень давно и при совершенно иной обстановке, и Берлин, конечно, пока что полностью советизирован.

3. Не лучше ли было бы отказаться отвести войска на главном европейском фронте до тех пор, пока не будут урегулированы вопросы, касающиеся Австрии? Не считаете ли Вы, что, по крайней мере, все соглашение о зонах, безусловно, должно бы быть претворено в жизнь в одно и то же время?

4. Государственному департаменту была отправлена телеграмма, описывающая действительное положение наших миссий в Вене, которые, я полагаю, выедут, как приказано, 10 или 11 июня, предварительно заявив протест».

12 июня президент ответил на мою телеграмму от 4 июня.

Он заявил, что трехстороннее соглашение об оккупации Германии, одобренное президентом Рузвельтом после «тщательного рассмотрения и подробного обсуждения» со мной, делает невозможной отсрочку отвода американских войск из советской зоны для того, чтобы добиться урегулирования других вопросов. Пока войска не будут отведены, Союзный контрольный совет не может начать функционировать, а военному управлению, осуществляемому верховным союзным командующим, должен быть без задержки положен конец, и оно должно быть разделено между Эйзенхауэром и Монтгомери. Его советники ему заявили, сообщал президент, что отсрочка до нашей встречи в июле причинила бы ущерб нашим отношениям с Советским Союзом, и он предлагал послать соответствующую

телеграмму Сталину.

В этом документе предлагалось, чтобы мы немедленно дали указания нашим армиям оккупировать соответствующие зоны. Что касается Германии, то он готов был отдать приказ всем американским войскам начать отход 21 июня.

Командующие должны договориться об одновременной оккупации Берлина и о свободном движении туда и оттуда американских вооруженных сил по шоссе и железным дорогам и по воздуху из Франкфурта. В Австрии все это можно было сделать быстрее и лучше, поручив командующим на месте установить границы зон в стране и в Вене, обращаясь к своим правительствам только по таким вопросам, какие они не смогут разрешить сами.

Для меня это прозвучало как погребальный звон. Но мне ничего не оставалось, как только подчиниться.

* * *

Президент Трумэн прибыл в Берлин в тот же день, что и я. Я горел желанием встретиться с государственным деятелем, с которым, несмотря на разногласия, у меня установились сердечные отношения благодаря переписке. Я посетил, его в день нашего прибытия, и на меня произвели большое впечатление его веселость, точная и яркая манера выражаться и явная способность принимать решения.

На следующий день и президент, и я, каждый по отдельности, совершили поездку по Берлину. Город представлял собой сплошные руины. О нашей поездке, конечно, не сообщалось заранее, и на улицах нам встречались лишь обычные пешеходы. Но на площади перед имперской канцелярией собралась большая толпа. Когда я вышел из машины и пробирался через толпу, все, за исключением одного старика, который неодобрительно покачивал головой, начали приветствовать меня. Моя ненависть к немцам улеглась после того, как они капитулировали, и их приветствия, а также изнуренный вид и поношенная одежда меня очень растрогали. Затем мы вошли в здание канцелярии и довольно долго бродили среди полуразрушенных коридоров и залов. Потом сопровождавшие нас русские провели нас в бомбоубежище Гитлера. Я спустился в самый низ и увидел комнату, в которой покончили с собой Гитлер и его любовница, а когда мы поднялись наверх, нам показали место, где сожгли его труп. От осведомленных людей мы услышали самый подробный рассказ, какой можно было услышать в то время об этих финальных сценах.

Исход, избранный Гитлером, был гораздо более удобным для нас, чем тот, которого я опасался. В любой момент в течение последних нескольких месяцев войны он мог прилететь в Англию и сдаться со словами: «Делайте со мной, что хотите, но пощадите мой введенный в заблуждение народ». Я не сомневаюсь, что он разделит бы участь нюрнбергских преступников. Моральные нормы современной цивилизации, очевидно, предписывают победителям казнить руководителей нации, понесшей поражение в войне. Это, несомненно, побудит их бороться до конца в любой будущей войне, независимо от того, сколько лишних жертв это потребует. Расплачиваться за это будут массы народа, от которых так мало зависит начало или окончание войн.

18 июля я завтракал с президентом. Мы были одни и затронули многие темы. Я говорил о печальном положении в Великобритании, израсходовавшей более половины своих иностранных капиталовложений на общее дело, когда мы боролись совсем в одиночку, и теперь вышедшей из войны с большим внешним долгом в три миллиарда фунтов стерлингов. Этот долг накопился в результате закупок, которые делались в Индии, Египте и других странах, в которых не действовал ленд-лиз, и это заставит нас ежегодно экспортировать, ничего не

импортируя взамен, для того, чтобы иметь возможность пополнять фонд зарплаты. Нам придется попросить помощи для того, чтобы снова стать на ноги, а до тех пор, пока мы не сумеем как следует наладить свое хозяйство, мы не сможем оказать особенной помощи в обеспечении всемирной безопасности. Президент сказал, что он сделает все, что в его силах. Но я, конечно, знал, с какими трудностями он может столкнуться в своей стране.

Президент затронул вопрос об авиации и коммуникациях. Ему пришлось столкнуться с большими трудностями в вопросах создания аэродромов на британской территории, в особенности в Африке, на строительство которых американцы затратили огромные средства. Мы должны пойти им навстречу в этом отношении и разработать справедливый план общего их использования. Я заверил его, что если я по-прежнему буду нести ответственность за правительство, то я вновь вернусь к обсуждению этого вопроса с ним лично.

Президент, видимо, был вполне согласен со мной, если только это все удастся соответствующим образом представить и если это не будет иметь явную форму военного союза двух стран. Он не сказал именно этих слов, но таково было впечатление, которое я вынес. Поощренный этим, я стал излагать ему мысль, которая у меня явилась уже давно, о необходимости сохранить объединенный англо-американский штаб как организацию, во всяком случае до тех пор, пока мир окончательно не успокоится после великого шторма, и до тех пор, пока не будет создана всемирная организация, настолько прочная и дееспособная, что мы смело сможем довериться ей.

Президент ответил на это весьма утешительно. Я видел, что передо мной человек исключительного характера и способностей, взгляды которого в точности соответствовали установившемуся направлению англо-американских отношений, у которого была простая и ясная манера речи, большая уверенность в себе и решительность.

* * *

В тот же вечер 18 июля я обедал со Сталиным. Снами были только Бирс и Павлов. Мы приятно беседовали с половины девятого вечера до половины второго ночи, не затронув ни одной из наиболее важных тем. Майор Бирс затем представил мне довольно подробную запись беседы, которую я здесь привожу вкратце. Мой хозяин казался физически несколько подавленным, но его легкая дружелюбная манера держаться была в высшей степени приятной.

Он спросил, почему король не приехал в Берлин. Я ответил, что это объясняется тем, что его приезд осложнил бы проблемы безопасности. Затем он заявил, что ни одной стране так не нужна монархия, как Великобритании, ибо королевская власть служит объединяющей силой для всей империи, и никто из друзей Англии не сделает ничего, что ослабило бы уважение к монархии.

Наша беседа продолжалась. Я сказал, что, согласно моей политике, следует приветствовать Россию в качестве великой морской державы. Я хотел бы, чтобы русские корабли ходили по всем океанам мира. Россия до сих пор напоминала гиганта, перед которым закрыты широкие пути и которому приходится пользоваться узкими выходами через Балтийское и Черное моря. Затем я затронул вопрос о Турции и Дарданеллах. Естественно, что турки тревожатся.

Сталин объяснил, что произошло в действительности. Турки обратились к русским с предложением заключить договор о союзе. В ответ русские заявили, что договор можно заключить лишь в том случае, если ни одна из сторон не имеет никаких притязаний, а Россия хочет получить Каре и Ардаган, которые у нее отобрали в конце прошлой войны. Турки ответили, что они не могут рассматривать этот вопрос. Тогда Россия поставила вопрос о

конвенции в Монтрэ. Турки ответили, что они и этого вопроса не могут обсуждать, и поэтому Россия заявила, что она не может обсуждать договор о союзе.

Я сказал, что я лично поддержал бы внесение поправок в конвенцию в Монтрэ, исключив из нее Японию и дав России доступ в Средиземное море. Я повторил, что приветствовал бы выход России в океаны, а это касается не только Дарданелл, но также Кильского канала, в отношении которого нужно установить такой же режим, как и в отношении Суэцкого канала, и выхода в теплые воды Тихого океана. Это не объясняется благодарностью за что-либо совершенное Россией, а просто такова моя твердая политика.

Затем Сталин спросил меня о германском флоте. Он сказал, что какая-то часть этого флота была бы весьма полезна России, понесшей тяжелые потери на море. Он выразил благодарность за суда, которые мы передали ему после капитуляции итальянского флота, но он хотел бы также получить и свою долю германских кораблей. Я не возражал.

Далее он заговорил о греческой агрессии на границах Болгарии и Албании. Он сказал, что в Греции есть элементы, подстрекающие к волнениям. Я ответил, что положение на границах неопределенное и что греков очень тревожат Югославия и Болгария, но я не слыхал, чтобы там происходили сколько-нибудь серьезные бои. Конференция должна ясно заявить о своей воле этим малым державам, и ни одной из них нельзя разрешить нарушать границы или начинать сражения. Им нужно об этом заявить ясно и определенно и заставить их понять, что всякое изменение границ может быть произведено только на мирной конференции. В Греции должны быть проведены плебисцит и свободные выборы, и я предложил, чтобы великие державы послали своих наблюдателей в Афины. Сталин высказал мнение, что это будет свидетельствовать о недостатке доверия к честности греческого народа. Он считал, что о ходе выборов должны сообщать послы великих держав.

Затем он спросил мое мнение о Венгрии. Я ответил, что я недостаточно информирован для того, чтобы сообщать свое мнение о положении в данный момент, но что я запрошу министра иностранных дел.

Сталин сказал, что во всех странах, освобожденных Красной Армией, русская политика состоит в том, чтобы добиваться создания сильного, независимого суверенного государства. Он против советизации какой бы то ни было из этих стран. Там будут проведены свободные выборы, в которых будут участвовать все партии, за исключением фашистских.

Далее я заговорил о трудностях в Югославии, где у нас нет материальных притязаний, но где предусматривалось деление наших интересов поровну. Сейчас соотношение там не 50:50, а 99:1 не в пользу Англии. Сталин утверждал, что соотношение там таково: 90 процентов в пользу Англии, 10 процентов в пользу Югославии и 0 процентов в пользу России. Советское правительство часто не знает, что собирается предпринять Тито.

Сталин также заявил, что он был уязвлен американским требованием сменить правительства в Румынии и Болгарии. Он не вмешивается в греческие дела, и поэтому американцы поступают несправедливо. Я сказал, что я еще не видел американских предложений. Сталин объяснил, что в странах, где были эмигрантские правительства, он счел необходимым помочь в создании внутренних правительств. Это, конечно, не касается Румынии и Болгарии, где все происходило мирно. Когда я спросил, почему Советское правительство наградило короля Михая орденом, он сказал, что, по его мнению, король действовал храбро и разумно во время государственного переворота.

Я затем рассказал ему, как беспокоят людей намерения русских. Я провел линию от Нордкапа до Албании и перечислил столицы восточнее этой линии, оказавшиеся в руках русских. Создавалось впечатление, что Россия движется на запад. Сталин сказал, что у него нет такого намерения. Напротив, он отводит войска с запада. В ближайшие четыре месяца будет

демобилизовано и отправлено на родину 2 миллиона человек. Дальнейшая демобилизация будет зависеть лишь от транспортных возможностей.

Я выразил надежду, что до окончания конференции мы сможем договориться о границах всех европейских стран, а также о доступе России к морям и о разделе германского флота. Три державы, которые соберутся за столом конференции, – это сильнейшие державы, когда-либо существовавшие в мире, и их задача – сохранить всеобщий мир.

Хотя поражение Германии радует нас, все же это великая трагедия. Но немцы похожи на стадо овец. Сталин снова вспомнил о своем пребывании в Германии в 1907 году, как 200 немцев не попали на собрание коммунистов, потому что на железнодорожном вокзале некому было проверить их билеты. Затем он извинился за то, что официально не поблагодарил Англию за помощь в снабжении во время войны. Россия приносит благодарность за это.

В ответ на мои вопросы он разъяснил систему труда в совхозах и колхозах. Мы согласились, что и в России и в Англии нет угрозы безработицы. Он сказал, что Россия готова обсудить вопрос о торговле с Англией. Я заявил, что самой лучшей рекламой для Советской России за границей было бы счастье и благосостояние ее народа. Сталин говорил о преемственности советской политики. Если с ним что-нибудь случится, то имеются хорошие люди, готовые стать на его место. Он думал на тридцать лет вперед, дяде. «Это значит, – сказал Стимсон. – что опыт в пустыне Нью-Мексико удался. Атомная бомба создана». Хотя мы следили за этими страшными исследованиями на основании всех тех отрывочных и скудных сведений, которые нам давали, нам заранее не сообщили или, во всяком случае, я не знал даты окончательных испытаний. Ни один ученый, обладающий чувством ответственности, не мог бы предсказать, что произойдет при первом атомном взрыве большого масштаба. Были ли эти бомбы бесполезными или они оказались всепокрушающими? Теперь нам это было известно. «Младенцы благополучно родились». Никто еще не мог определить ближайших военных последствий этого открытия, и никто еще не осознал его значения.

На следующее утро самолет доставил полное описание этого грандиозного события в человеческой истории. Стимсон привез мне этот доклад. Я рассказываю все по памяти. Бомба, или нечто схожее с ней, была взорвана на вершине вышки в сто футов. Всех людей в радиусе десяти миль удалили от нее, а ученые со своими помощниками укрылись в мощных бетонных убежищах приблизительно на таком же расстоянии. Взрыв был ужасающим. Колоссальный столб пламени и дыма вознесся к внешним пределам атмосферы нашей бедной планеты. В радиусе одной мили было абсолютно все разрушено. Так, значит, вот что даст возможность быстро закончить Вторую мировую войну, а пожалуй, и многое другое.

В связи с этим президент пригласил меня безотлагательно побеседовать с ним. При нем находились генерал Маршалл и адмирал Лэги. До сих пор мы мыслили себе наступление на территории собственно Японии при помощи массовых воздушных бомбардировок и вторжения огромных армий. Мы предвидели отчаянное сопротивление японцев, сражающихся насмерть с самоотверженностью самураев не только на поле боя, но и в каждом окопе, в каждом укрытии.

Перед моим мысленным взором вставал остров Окинава, где много тысяч японцев вместо того, чтобы капитулировать, стали в строй и уничтожили себя ручными гранатами после того, как их командиры торжественно совершили обряд харакири. Для того чтобы подавить сопротивление японцев и завоевать их страну метр за метром, нужно было бы пожертвовать миллионом жизней американцев и половиной этого числа жизней англичан или больше, если мы сможем доставить их туда, ибо мы твердо решили также участвовать в этом испытании. Сейчас вся эта кошмарная перспектива исчезла. Вместо нее рисовалась прекрасная, казалось тогда, картина окончания всей войны одним или двумя сильными ударами. Я сразу же подумал о том, что японский народ, храбростью которого я всегда восхищался, сможет усмотреть в

появлении этого почти сверхъестественного оружия оправдание, которое спасет его честь и освободит его от обязательства погибнуть до последнего солдата.

Кроме того, нам не нужны будут русские. Окончание войны с Японией больше не зависело от участия их многочисленных армий в окончательных и, возможно, затяжных боях. Нам не нужно было просить у них одолжений. Через несколько дней я сообщил Идену: «Совершенно ясно, что Соединенные Штаты в настоящее время не желают участия русских в войне против Японии». Поэтому всю совокупность европейских проблем можно было рассматривать независимо и на основании широких принципов Организации Объединенных Наций. Внезапно у нас появилась возможность милосердного прекращения бойни на Востоке и гораздо более отрадны перспективы в Европе. Я не сомневался, что такие же мысли рождались и в голове у моих американских друзей. Во всяком случае, не возникало даже и речи о том, следует ли применить атомную бомбу. Возможность предотвратить гигантскую затяжную бойню, закончить войну, даровать всем мир, залечить раны измученных народов, продемонстрировав подавляющую мощь ценой нескольких взрывов, после всех наших трудов и опасностей казалось чудом избавления.

Принципиальное согласие англичан использовать это оружие было дано 4 июля – до того как состоялось испытание. Окончательное решение теперь должен был принять президент Трумэн, в руках которого находилось это оружие. Но я ни минуты не сомневался, каким будет это решение, и с тех пор я никогда не сомневался, что он был прав. Исторический факт таков – и о нем следует судить в исторической перспективе, – что решение об использовании атомной бомбы для того, чтобы вынудить Японию капитулировать, никогда даже не ставилось под сомнение. Между нами было единодушное, автоматическое, безусловное согласие, и я также никогда не слышал ни малейшего предположения, что нам следовало бы поступить иначе.

* * *

Сложнее был вопрос о том, что сказать Сталину. Президент и я больше не считали, что нам нужна его помощь для победы над Японией. В Тегеране и Ялте он дал слово, что Советская Россия атакует Японию, как только германская армия будет побеждена, и для выполнения этого обещания уже с начала мая началась непрерывная переброска русских войск на Дальний Восток по Транссибирской железной дороге. Мы считали, что эти войска едва ли понадобятся и поэтому теперь у Сталина нет того козыря против американцев, которым он так успешно пользовался на переговорах в Ялте.

Но все же он был замечательным союзником в войне против Гитлера, и мы оба считали, что его нужно информировать о новом великом факте, который сейчас определял положение, не излагая ему подробностей. Как сообщить ему эту весть? Сделать ли это письменно или устно? Сделать ли это на официальном или специальном заседании, или в ходе наших повседневных совещаний, или же после одного из таких совещаний? Президент решил выбрать последнюю возможность. «Я думаю, – сказал он, – что мне следует просто сказать ему после одного из наших заседаний, что у нас есть совершенно новый тип бомбы, нечто совсем из ряда вон выходящее, способное, по нашему мнению, оказать решающее воздействие на волю японцев продолжать войну». Я согласился с этим планом.

24 июля, после окончания пленарного заседания, когда мы все поднялись со своих мест и стояли вокруг стола по два и по три человека, я увидел, как президент подошел к Сталину и они начали разговаривать одни при участии только своих переводчиков. Я стоял ярдах в пяти от них и внимательно наблюдал эту важнейшую беседу. Я знал, что собирается сказать президент. Важно было, какое впечатление это произведет на Сталина.

Я сейчас представляю себе всю эту сцену настолько отчетливо, как будто это было только вчера. Казалось, что он был в восторге. Новая бомба! Исключительной силы! И может быть, будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача! Такое впечатление создалось у меня в тот момент, и я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чем ему рассказывали.

Совершенно очевидно, что в его тяжелых трудах и заботах атомной бомбе не было места. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась, то это сразу было бы заметно. Ничто не помешало бы ему сказать: «Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе. Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?» Но на его лице сохранилось веселое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась.

Когда мы ожидали свои машины, я подошел к Трумэну. «Ну, как сошло?» – спросил я. «Он не задал мне ни одного вопроса», – ответил президент. Таким образом, я убедился, что в тот момент Сталин не был особо осведомлен о том огромном процессе научных исследований, которым в течение столь длительного времени были заняты США и Англия и на который Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов.

Таков был конец этой истории, насколько это касалось Потсдамской конференции. Советской делегации больше ничего не сообщали об этом событии, и она сама о нем не упоминала, числа проблем, по которым мы были не согласны, было отложено. Я предполагал, в случае если меня выберут, как многие ожидали, дать бой Советскому правительству по этим многочисленным вопросам. Так, например, ни я, ни Иден не согласились бы, чтобы граница проходила по Западной Нейсе.

Было много и других вопросов, по которым нужно было повоевать с Советским правительством, а также с поляками, которые, захватив огромные куски германской территории, совершенно явно стали ярыми советскими марионетками.

В Потсдаме, быть может, можно было исправить положение, но устранение в результате выборов в Великобритании английского национального правительства и мой уход со сцены в то время, когда я еще пользовался большим влиянием и властью, исключили возможность принять удовлетворительное решение.

Приложения

Чего Черчилль не говорил

Валерий Лебедев
Рождение мифа о Черчилле и Сталине

В марте этого года (2005 – ред.) у нас поднимался вопрос об аутентичности длинного пассажа Черчилля, в котором он чуть ли не преклонялся перед Сталиным. Да и не чуть ли, а именно преклонялся. Эта обширная цитата гуляет по разным сайтам рунета в разных вариантах.

Вот ее полное выражение.

«Большим счастьем для России было то, что в тяжелые испытания Россию возглавлял гений и непоколебимый полководец И. В. Сталин. Он был выдающейся личностью,

импонирующей нашему жесткому времени того периода, в котором протекала его жизнь. Сталин был человеком необычной энергии, эрудированный и несгибаемой воли, резким, жестким, беспощадным, как в деле, так и в беседе даже я воспитанный в английском парламенте не мог ничего противопоставить.

Сталин, прежде всего, обладал чувством юмора и сарказма, а также способностью точно выражать собственные мысли. Сталин и речи писал только сам, и в его произведениях звучала исполинская сила. Эта сила была настолько велика в Сталине, что он казался неповторимым среди руководителей государства всех времен и народов.

Сталин производил на нас впечатление. Его влияние на людей неотразимо, когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы словно по команде встали и, странное дело, почему-то держали руки по швам. Он обладал глубокой лишенной всякой паники, логикой и осмысленной мудростью. Он был непревзойдённым мастером, находить в трудные минуты пути выхода из самого безвыходного положения. В самые трагические моменты, а также в моменты торжества был сдержан, никогда не поддавался иллюзии. Он был необычайно сложной личностью.

Он создал и подчинил себе огромную Империю. Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставил даже нас, которых он называл империалистами, воевать против империалистов.

Сталин был величайшим не имеющим себе равных в мире, диктатором. Он принял Россию с сохой, а оставил её оснащенной атомным оружием. Нет! Чтобы ни говорили о нём, таких народ не забывает».

Впервые в наше время этот панегирик появился в статье «Не могу молчать» небезызвестной Нины Андреевой в «Советской России» от 13 марта 1988 года, в разгар и даже угар перестройки. Ее тогда называли «антиперестроечным манифестом», автором которого была, естественно, не Андреева, бывшая в то время старшим преподавателем Ленинградского технологического института имени Ленсовета на кафедре физической химии, а группа идеологов под руководством члена политбюро Лигачева. Ну, цитата появилась не совсем в таком виде. И не в такой редакции, хотя кое-что совпадает.

Приведу полностью цитату из статьи Андреевой.

«Он был выдающейся личностью, импонирующей нашему жестокому времени того периода, в которое протекала его жизнь. Сталин был человеком необычайной энергии, эрудиции и несгибаемой силы воли, резким, жестким, беспощадным как в деле, так и в беседе, которому даже я, воспитанный в английском парламенте, не мог ничего противопоставить... В его произведениях звучала исполинская сила. Эта сила настолько велика в Сталине, что казался он неповторимым среди руководителей всех времен и народов... Его влияние на людей неотразимо. Когда он входил в зал Ялтинской конференции, все мы, словно по команде, вставали. И странное дело – держали руки по швам. Сталин обладал глубокой, лишенной всякой паники, логической и осмысленной мудростью. Он был непревзойденным мастером находить в трудную минуту путь выхода из самого безвыходного положения... Это был человек, который своего врага уничтожал руками своих врагов, заставлял и нас, которых открыто называл империалистами, воевать против империалистов... Он принял Россию с сохой, а оставил оснащенной атомным оружием».

Расхождения все-таки столь велики, что это никак не может быть объяснено разными переводами. Естественно, хочется прибегнуть к первоисточнику и посмотреть, что же именно на самом деле сказал Черчилль.

И вот тут начинаются сложности. И странности. Почти нигде нет ссылки на первоисточник. Но иногда бывают. Одни сайты говорят, что это из речи Черчилля в палате

лордов 23.12.1959 г. по случаю 80-летия со дня рождения И. В. Сталина.

Совсем уж отчаянные сообщают, что эта речь помещена в Британской энциклопедии, правда, без указания тома и страницы. Последнее проверить было легко, что я и сделал еще в марте, написав: «В «Британике» ничего подобного нет. Да и вообще в ней не печатают речей. Не дает ничего похожего и поиск».

Я решил взять наиболее часто повторяющееся место в разных вариантах «речи Черчилля» подвергнуть его анализу и поиску в Гугле и др. машинах. Это фраза: «Он принял Россию с сохой, а оставил её оснащенной атомным оружием». Ее дают многие сайты рунета. Иногда с английским первоисточником, который звучит так: «Winston Churchill said: «Stalin came to Russia with a wooden plough and left it in possession of atomic weapons».

Или в таком виде: Churchill said «when he took Russia on they only had a wooden plough, but he left it with nuclear weapons».

Согласитесь, что если слова первоисточника берутся в кавычки, то это – точная цитата. И как таковая она не может довольно сильно различаться, как в приведенных фразах. Это же не пересказ своими словами.

Первый вариант на английском языке приводится на сайте <http://www.mltranslations.org/Russia/aucpb.htm>

И в нем нет никаких отсылок, где же именно сказал эти слова Черчилль. В какой речи, где она опубликована. А что же это за сайт? Это – подборки статей из российских газет, переведенных на английский язык. Притом не всяких газет, а особых. Например:

- ♦ Proletarskaya Gazeta
- ♦ Red Youth (Красная юность)
- ♦ International Center for the Formation of Modern Communist Doctrine
- ♦ Molniya
- ♦ All Union Communist Party of Bolsheviks

А главные «английские» авторы там – Victor Anpilov и Nina Andreyeva.

Кстати, все это было создано давно – более 12 лет назад. Хмм, неплохо.

Остальные источники цитаты про «соху и бомбу» и вовсе гостевые книги, персональные странички и дневники в ЖЖ.

Второй вариант «сохи amp; бомбы» дается здесь http://www.wademan.com/VisionQuest/VQ_Russia5.htm

Смотрим: Russian History, раздел The Khrushchev Era. Там сказано «when he took Russia on they only had a wooden plough, but he left it with nuclear weapons».

Неужто американский сайт? Неужто – нашлось?

Исследуем. Если поискать, найдем надпись «welcome to my trip journal». Стало быть, домашняя страничка путешественника в небольшой группе своих родственников.

Сначала хотел сделать домашнюю страничку на троих, сам, жена и дочь Amalia amp; Selena. Потом оставил только себя, а тех как бы в сноске. Тэк-с. Имя путешественника Wade Natler. Ну, побывал в разных странах. Не Пржевальский и даже не его лошадь, но кое-где был. Везде фотографировал. И у себя разместил.

Но причем тут цитата из Черчилля? А не причем, просто проезжая по России из Петербурга в Москву (кстати, – давно, в перестройку) и при этом «изучая ее историю», он ее там видел на одном русском сайте в английской версии и взял к себе. А уж потом от него она снова вернулась в русские сайты с отсылкой на «американский источник».

И вот таковы ВСЕ источники, на которые ссылаются экстатические любители тов. Сталина.

Забавно, что если ввести английский вариант любой фразы из «речи Черчилля», то

американские поисковики дают только сайты рунета, home pages путешественников и форумы да блоги.

Нашел я сборник речей Черчилля и его выступлений в Палате Общин. Нет там такой речи (см. Churchill, His Complete Speeches, 1897-1963 <http://www.winstonchurchill.org/i4a/pages/index.cfm?>).

В 1959 году Черчиллю было 84 года, и, как сообщает хроника: «In early April, Sir Winston suffered an arterial blockage which temporarily cut off circulation to his speech center».

То есть в результате повышенного давления у него временно в мозгу оказался пораженным центр речи. И никаких упоминаний о выступлении в палате общин. Потом, слава Богу, все прошло, но речь в Палате общин по случаю 80-летия тов. Сталина была безвозвратно пропущена.

Какая-то загадка. Как быть? Неужто все сочинили, с начала до конца?! Думаю, не все. Черчилль, действительно отзывался о Сталине как о выдающемся деятеле, хотя и диктаторе. Называл его умным (но – не гением, «гениальным типом» его называл Гитлер). Умеющим точно и лаконично выражать свои мысли. С отменной памятью на детали. Обходительным с гостями, которых он хотел обаять. Но он никогда не мог бы написать о вытягивании в струнку и держанию рук по швам при входе Сталина. Не в его стиле, да и не в его поведении. Не в его образе. Все-таки лорд, потомок знаменитого пэра Марльборо, славного в английской истории (у Черчилля и книга о нем есть). И вдруг – премьер и лорд вскакивает как денщик при появлении полковника и стоит руки по швам. Тут уж составители «речи Черчилля» сильно переборщили. Переиграли до «не верю».

Потом, где это стояние по швам произошло? В Тегеране? Не может быть. Слишком много было свидетелей. В Ялте? Тоже свидетели. Были бы многочисленные воспоминания, видевших такое чудо. А их – нет. И, главное, как мог бы вскакивать парализованный Рузвельт? Разве что его Черчилль за шиворот поднимал и держал. Да, но как тогда быть с руками по швам? Они же заняты шкировкой Рузвельта. Остается Потсдам. Там уже заседал не Рузвельт, а Трумэн. Он мог бы и вскочить, вполне еще был бодрым президентом. Но... После уже состоявшегося испытания атомной бомбы в Аламогордо как-то не по чину было бы президенту страны, единственной в то время владеющей ядерным оружием, такое пресмыкательство. Даже перед тов. Сталиным. Трумэн пишет, как он с чувством едва сдерживаемого превосходства сообщил Сталину о том, что у США появилось небывалое по мощности оружие (это произошло 17 июля 1945 года, как раз в первый день пленарного заседания конференции). Сталин вежливо поблагодарил за новость. Никак не изменился в лице и не задал никаких наводящих вопросов. Трумэн (в отличие от Черчилля и Рузвельта) сделал опрометчивый вывод, что Сталин оказался туповат и неразвит и просто не понял важности и более того, эпохальности новости. Но тов. Сталин в эпизоде о сообщении ему об атомной бомбе превзошел самого себя и ввел в заблуждение даже Черчилля. Вот что Черчилль пишет в последнем томе «Вторая мировая война» (М.1991, сс. 663, 683).

«17 июля пришло известие, потрясшее весь мир. Днем ко мне заехал Стимсон и положил передо мной клочок бумаги, на котором было написано: «Младенцы благополучно родились». Я понял, что произошло нечто из ряда вон выходящее. «Это значит, – сказал Стимсон, – что опыт в пустыне Нью-Мексико удался. Атомная бомба создана». Хотя мы следили за этими страшными исследованиями на основании всех тех отрывочных и скудных сведений, которые нам давали, нам заранее не сообщили или, во всяком случае, я не знал даты окончательных испытаний.

... 24 июля, после окончания пленарного заседания, когда мы все поднялись со своих мест и стояли вокруг стола по два и по три человека, я увидел, как президент подошел к Сталину и

они начали разговаривать одни при участии только своих переводчиков. Я стоял ярдах в пяти от них и внимательно наблюдал эту важнейшую беседу. Я знал, что собирается сказать президент. Важно было, какое впечатление это произведет на Сталина. Я сейчас представляю себе всю эту сцену настолько отчетливо, как будто это было только вчера. Казалось, что он был в восторге. Новая бомба! Исключительной силы! И может быть, будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача! Такое впечатление создалось у меня в тот момент, и я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чем ему рассказывали. Совершенно очевидно, что в его тяжелых трудах и заботах атомной бомбе не было места. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась, то это сразу было бы заметно. Ничто не помешало бы ему сказать: «Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе. Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?» Но на его лице сохранилось веселое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда мы ожидали свои машины, я подошел к Трумэну «Ну, как сошло?» – спросил я. «Он не задал мне ни одного вопроса», – ответил президент. Таким образом, я убедился, что в тот момент Сталин не был особо осведомлён о том огромном процессе научных исследований, которой в течение столь длительного времени были заняты США и Англия и на который Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов. Таков был конец этой истории, насколько это касалось Потсдамской конференции. Советской делегации больше ничего не сообщали об этом событии, и она сама о нем не упоминала».

А тов. Сталин между тем, прекрасно знал о новом оружии. И о том, что американцы его уже имеют и вот-вот испытают. У него были отменные источники информирования – прямо из сердцевины Манхеттенского проекта. И в СССР шла работа по похищенным Фуксом схемам, чертежам и расчетам этой самой бомбы.

В общем, некому было вскакивать перед Сталиным и держать руки по швам.

Черчилль человек текста и слова. Он очень много написал, и много говорил речей. Был отменным писателем. И, может быть, еще лучшим оратором. Видимо, самым лучшим за всю историю Британии. За свои книги он получил Нобелевскую премию по литературе (1953).

У него был поразительно отточенный и четкий стиль. И огромные знания. Как-нибудь я приведу какие-нибудь тексты из его хотя бы шеститомного труда «Вторая мировая война». И вот в этой книге нет ни единого намека на то, что он якобы говорил о Сталине.

И тем не менее... Вспомнил, что в хорошей книге помощника и пресс-секретаря Горбачева Андрея Грачева «Кремлевская хроника» (М., 1994) есть место, имеющее прямое отношение к нашей теме (с. 127).

«Стало очевидно, что перебить «даму пик» (речь идет о «статье Нины Андреевой» – В. Л.), с которой, воспользовавшись отсутствием Горбачева и Яковлева, пошел Егор Кузьмич, можно будет только с помощью короля, а еще лучше туза, то есть публикации в «Правде» или заявления Политбюро. Вместе с двумя моими коллегами из яковлевского окружения – тоже выпускниками Института международных отношений – Александром Лебедевым и Николаем Португаловым мы начали готовить ответ на основные тезисы статьи Н. Андреевой, стремясь поймать ее авторов за руку там, где они лукавили и передергивали факты. Как мне хотелось для экономии времени подняться на два этажа выше к помощнику Лигачева и выяснить, из какого раздела воспоминаний Черчилля извлек он звучную цитату, прославляющую «дядю Джо». Увы, все пришлось искать самим.

Мы нашли и эту, искаженную «Совраской» цитату, и подлинные слова Маркса о

«контрреволюционных народах». А от себя добавили на этот раз неподделанную восторженную оценку Сталина Гитлером, взятую из его дневников. Нашему разоблачительному труду я предпослал короткую записку, начинавшуюся словами: «Статья Н. Андреевой – наиболее откровенное, агрессивное выступление, в сущности – манифест сил, озабоченных характером и размахом перестройки, и отражает их стремление сдержать ее дальнейшее развитие. Это попытка сформулировать платформу для мобилизации консервативных сил в партии и в стране».

Многостраничный документ, перепечатанный «надежной» машинисткой в «диссидентском» 3-м подъезде, мы вручили Александру Яковлеву в день его возвращения из Монголии прямо на аэродроме. Остальное зависело уже не от нас. На следующей неделе вернувшийся из Белграда Горбачев созвал Политбюро и потребовал от каждого его члена дать оценку статье. Перед его яростным напором Лигачев и уже готовое поддержать его большинство дрогнули и отступили. Сам Егор Кузьмич сказал, что увидел статью уже напечатанной, расценил ее как проявление «политического плюрализма» и, не давая никому никаких директив, лишь высказал «может быть, слишком поспешно свое личное мнение».

Видите, как тут осторожно сказано «Мы нашли и эту, искаженную «Совраской» цитату». Стало быть, нечто в этом духе, выходит, Черчилль говорил. Только в «статье Андреевой» ее исказили. Не совсем точно привели. Может быть, порядок слов поменяли. Или кое-что немного усилили. У Черчилля, скажем, было «Сталин умный», а там сделали «гениальный».

Рискну предположить, что Грачев с товарищами нашел вовсе не цитату из Черчилля. Скорее всего, кто-то в своих мемуарах рассказал о высокой оценке Сталина Черчиллем. Дескать, Черчилль говорил мне о сохе и атомной бомбе. О гениальном тов. Сталине и о том, как неслыханно повезло стране с ее вождем. Сам Черчилль нигде в своих текстах такого места не приводит. И нигде публично этого не говорил. А уж потом закулисные сочинители статьи Андреевой добавили для картинности руки по швам. И – пошло гулять по рунету.

Я делаю вывод об ошибке Грачева еще и вот по какой детали. Он пишет: «восторженную оценку Сталина Гитлером, взятую из его дневников». Гитлер не вел дневников. И даже одного дневника не вел. Геббельс – вел. Тут Грачев тоже делает небольшую, но натяжку: он, скорее всего, имеет в виду «Застольные разговоры». Это болтовня Гитлера за ежедневными обедами, которую стенографировал Пикер. Но это – ни в какой степени не дневник Гитлера. Если Грачев не видел разницы между дневником и записями секретарем разглагольствований фюрера (у Пикера все речи Гитлера идут от третьего лица «потом шеф сказал, что...» и часто в пересказе), то он не видел и разницы между выступлением или текстом Черчилля и рассказом кого-то (это – в лучшем случае рассказом, а в худшем мы вообще имеем дело с чистым вымыслом), как якобы Черчилль ему говорил о Сталине. Итак, если и есть «что-то», лежащее в основе мифа о стоянии по струнке с руками по швам, то это «что-то» запрятано в каком-то третьестепенном источнике, в каких-то мемуарах третьестепенного лица, на которого нет ни единой ссылки в мощнейших поисковых машинах. На личные странички есть, на дневники в Живом Журнале (Live Journal) – есть, на гостевые книги и форумы – тоже есть. А на «мемуары» о таких знаменитых персонажах как Черчилль и Сталин – нет. Вполне можно считать их несуществующими.

Черчилль в своей «Второй мировой войне» весьма подробно пишет о переговорах со Сталиным и на Ялтинской, и на Потсдамской конференциях, о трениях по поводу польского вопроса, о немецких землях, отошедших Польше. Ничего похожего на подобострастную восторженность «вставали и держали руки по швам».

О Ялтинской конференции Черчилль пишет очень много и подробно. Но – никакого подобострастия. Даже вот в этих строках его нет:

«Когда маршал собрался уходить, многие представители английской делегации собрались в вестибюле дворца (Ливадийского – В. Л.), и я воскликнул: «Трижды «ура» маршалу Сталину!» Троекратное приветствие прозвучало тепло».

Ну что ж, на Ялтинской конференции Большая Тройка не раз провозглашала здравицы в честь друг друга. Много говорили тостов и выпивали за здоровье лидеров трех стран. Пик дружбы и взаимодействия, и пик доброжелательности друг к другу. («Вторая мировая война», т.6, с. 540).

Вот так на наших глазах родился миф о величании Сталина Черчиллем. Настолько устойчивый, что в него даже частично поверил Грачев, и, стало быть, Горбачев. Не говоря уж о массе трудящихся.

Перепечатывается с сокращениями с сайта <http://www.lebed.com/2005/art4186.htm>

Комментарий сайта ХРОНОСа:

Следует отметить, что автору статьи так и не удалось докопаться до истоков фразы. А между тем, источник мифологической фразы давно известен, это книга Исаака Дойчера *Essays on Contemporary Communism* написанная в 1953 году вскоре после смерти Сталина.

Вот цитата из нее:

In the course of three decades, however, the face of the Soviet Union has become transformed. The core of Stalin's historic achievements consists in this, that he had found Russia working with wooden ploughs and is leaving her equipped with atomic piles. He has raised Russia to the level of the second industrial Power of the world. This was not a matter of mere material progress and organization. No such achievement would have been possible without a vast cultural revolution, in the course of which a whole nation was sent to school to undergo a most intensive education.»

Вот ее перевод:

В течении последних трех десятилетий, тем не менее, лицо России изменилось. Корень(букв. ядро) Сталинских подлинно исторических достижений состоит в том, что он принял Россию с деревянной сохой, о оставляет с ядерными реакторами. Он поднял Россию до уровня второй индустриально развитой страны мира. Это не было результатом чисто материального прогресса и организации. Подобные достижения не были бы возможны без громадной культурной революции, в ходе которой все население посещало школу для получения более лучшего образования.

На одном из западных сайтов можно найти ссылку и на статью в «Британике». Там содержится упомянутая фраза о «сохе и ракете» – <http://en.wikiquote.org/wiki/JosephStalin>

He found Russia working with wooden ploughs and left it equipped with atomic piles. *Encyclopaedia Britannica* (1964) volume 5, page 250.

Ален Зарини

(автор комментария ХРОНОСа)

Денис Пилаш

Уинстон Черчилль не произносил фразы: «Фашисты будущего будут называть себя антифашистами»

Это едва ли не самая ходовая фраза в последнее время. Собственно, это такой

адаптированный под кризис в Украине вариант закона Годвина – она неизбежно всплывает в любом обсуждении политики по обе стороны российско-украинской границы. Кто-то обязательно сочтет своим долгом проявить эрудицию, выдав ее с подписью «Уинстон Черчилль».

Однако сомнительный эксперт в вопросах антифашизма 1 Черчилль – не автор этой фразы, более того, нет доказательств, что он ее когда-либо произносил или записал, что подтверждает и «Общество У. Черчилля».

Второй человек, которому эту фразу иногда (но не у нас, у нас знают только Черчиллей) приписывают – Иньяцио Силоне, итальянский писатель и левый политик-антифашист. Но это и не он. Силоне – автор фразы: «Финальная схватка произойдет между коммунистами и бывшими коммунистами» (Силоне выдал ее, уже давно выйдя из Компартии и став чем-то вроде христианского социалиста).

Еще в 1938–1943 годах американские журналисты называли автором фразы: «Когда фашизм придет в Америку, это случится (во имя / под видом / под именем) антифашизма» 2 губернатора Луизианы Хью Лонга, застреленного в 1935. Мякотка в том, что Хью Лонг был правым популистом, которого многие довольно обоснованно считали американским фашистом (кто читал «Всю королевскую рать» Роберта Пенна Уоррена и «У нас это невозможно» Синклера Льюиса, в курсе, с кого там списаны персонажи).

Судя по всему, эта фраза – адаптированный вариант начала газетной заметки одного профессора из США: «Если фашизм придет в Америку, он придет не с биркой «сделано в Германии», не со свастикой и даже не будет называться фашизмом; называться он будет, конечно, американизмом».

Характерно, что в Британии этот афоризм (с обязательным указанием «авторства Черчилля») особенно любят члены неонацистских Британской национальной партии и Лиги английской обороны, когда тем по делу указывают, что они фашисты.